АВАНТЮРА XVI ВѢКА.

(Эпизодъ изъ исторіи молдавскаго княжества).

Молдавія, ближайшая сосѣдка юго-западной Россіи, слишкомъ много имѣла точекъ соприкосновенія съ послѣдней, чтобы ихъ взаимныя отношенія не оставили слѣдовъ въ исторіи этихъ обоихъ государствъ.

Литва и Польша, владѣльцы юго-западной Россіи, не перестаютъ претендовать на власть въ Молдавіи въ XVI и XVII вѣкахъ въ разсчетѣ, главнымъ образомъ, отодвинуть границы своихъ южно-русскихъ провинцій съ цѣлью создать изъ сосѣдняго молдавскаго княжества стѣну для защиты своихъ владѣній отъ Татаръ и Турокъ.

Вновь организованное украинское козачество не отстаетъ отъ Литвы и Польши и, хотя не претендуетъ на исключительное господство въ Молдавіи, однако же стремится направить политику княжества сообразно своимъ цѣлямъ, стараясь, главнымъ образомъ, увеличить свои боевыя средства на его счетъ въ борьбѣ сначала съ тѣми же Турками и Татарами, а впослѣдствіи съ самой Польшей. Съ этими то цѣлями и предпринимается цѣлый рядъ походовъ въ Молдавію. Три такихъ похода, какъ болѣе характерные, мы выбрали сюжетомъ для своихъ очерковъ.

I.

Много бѣдъ вначалѣ перенесло молодое молдавское княжество, возникшее въ половинѣ XIV вѣка: на прикарпатскихъ долинахъ оно встрѣтило сильныя полчища Половцевъ, или Кумановъ, съ

которыми ему пришлось еще долго воевать, пока удалось расширить свою территорію на счетъ дикихъ сосѣдей. „У Молдавіи, пишетъ Когольничано, небольшія владѣнія Румынъ день ото дня все больше и больше стѣснялись набѣгами Татаръ, особенно Ногайцевъ, такъ что равнина совершенно опустѣла. Верхняя Молдавія и Бессарабія были населены Куманами, отчего Молдавія нѣкоторое время называлась Черной Куманіей, а нынѣшній Буджакъ былъ занятъ Татарами-Нагайцами. Такое положеніе дѣлъ тянулось до 1354 года". Но съ этого времени сѣверная часть верхней—нынѣшней Молдавіи и Бессарабіи уже вся принадлежала Молдавскому княжеству, а за южную часть еще долго пришлось воевать съ Половцами. Къ этой борьбѣ съ кочевниками часто приплетались еще недоразумѣнія съ другими сосѣдями. Венгрія и Польша не переставали претендовать на власть надъ Молдавіей, и только соперничество сосѣдокъ спасало молодое княжество отъ иноземнаго порабощенія. Дѣло дошло до того, что соперницы готовы были даже помириться, лишь бы прирѣзать куски территоріи Молдавіи къ своимъ владѣніямъ. Въ 1412 году венгерскій король Сигизмундъ и польскій Ягелло заключили между собою договоръ, по которому рѣшили раздѣлить между собой южную Бессарабію такимъ образомъ, чтобъ городъ Аккерманъ съ окрестностями отошелъ къ Польшѣ, а все остальное къ Венгріи, но эта затѣя имъ не удалась.

Впрочемъ и молдавскіе князья, пользуясь удобными обстоятельствами, любили вмѣшиваться въ дѣла сосѣдей. Для иллюстраціи вотъ два примѣра: въ 1392 году Романъ, сынъ Петра, посаженный Польшей на престолъ отца, впутался въ ссору Ѳедора Коріатовича съ Витовтомъ, но былъ побитъ послѣднимъ и посаженъ въ тюрьму. Въ 1431 году Александръ Добрый, желая извлечь выгоду для себя изъ распри между Ягелломъ и Свидригайломъ, вмѣшивается въ ихъ споръ и нападаетъ на Подоль съ цѣлью завладѣть ею, но терпитъ страшное пораженіе отъ Ягелла и т. д.

Усиленіе Турціи въ придунайскихъ областяхъ и враждебные замыслы сосѣдокъ Венгріи и Польши заставили молдав-

скихъ князей измѣнить политику: они частью по необходимости, а частью изъ политическихъ выгодъ стали все больше и больше подчиняться власти Турціи. Молдавскій князь Богданъ IV, сынъ Стефана Великаго, послѣ неудачныхъ войнъ съ Венгріей и Польшей, въ 1511 году рѣшилъ добровольно подчиниться Турціи. По трактату его съ султаномъ Селимомъ Турція обязалась защищать Молдавію отъ ея сосѣдей-враговъ, сохранить неприкосновенными законы и доходы страны и утверждать князей, избранныхъ изъ среды бояръ. Молдавія въ свою очередь обязывалась не сноситься съ врагами Порты, доставлять двухтысячный отрядъ войска на помощь Турціи и платить ей подать ежегодно по 4 тысячи червонцевъ, 40 лошадей и 24 сокола.

Когда же прекратилась прямая линія Драгошей, и на молдавскій престолъ вступилъ побочный сынъ Стефана Великаго Петръ Рашеръ, или, какъ его поляки называютъ, Петричайло Баресъ, человѣкъ, выросшій среди простого народа, и потому большой ненавистникъ аристократіи и олигархической Польши, то сталъ страшно преслѣдовать бояръ, а къ полякамъ простеръ свою ненависть до того, что Солиману Великолѣпному пришлось защищать Польшу своимъ войскомъ отъ разорительныхъ набѣговъ неугомоннаго князя. Султанъ наказалъ неуживчиваго вассала лишеніемъ престола, а его наслѣдниковъ обязалъ платить дань вмѣсто 4-хъ тысячъ—10 тысячъ червонцевъ и являться черезъ каждые три года въ Стамбулъ цѣловать порогъ Высокой Порты; за военные же убытки и безпокойство султанъ присоединилъ къ Турціи Аккерманъ и Килію, объявивъ ихъ своими крѣпостями, а жителей ихъ округовъ обратилъ въ „райю“.

Слѣдующіе за Петромъ Рашеромъ три князя: его братъ Стефанъ VII Саранча и сыновья послѣдняго, Илья II и Стефанъ VIII, до того уже отуречились, что всѣ три приняли исламъ и завели въ своемъ княжествѣ турецкіе порядки, отъ которыхъ особенно солоно пришлось боярамъ, толпами спасавшимся въ Польшу отъ преслѣдованій маленькихъ падишаховъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличился Стефанъ VIII: по-

долгу живя въ Константинополѣ, онъ до того сталъ туркофиломъ, что обѣщалъ Дивану обратить молдавское княжество въ пашалыкъ, если его пошлютъ туда княжить. Турція охотно исполнила его желаніе и даже дала ему турецко-татарскій вспомогательный отрядъ. Завладѣвъ престоломъ, Стефанъ VIII принялъ политику дѣда, отъ которой бояры въ страхѣ убѣжали въ Польшу, составляя заговоры противъ князя. Стефанъ, зная о происках своихъ бояръ и слыша о намѣреніи короля отправить посольство въ Турцію черезъ Молдавію, рѣшилъ задержать польскихъ пословъ, чтобы обмѣнять ихъ впослѣдствіи на бояръ-эмигрантовъ и расправиться съ ними по-турецки.

Провѣдавъ о намѣреніи своего князя, бояре рѣшились дѣйствовать смѣлѣе: они прибыли цѣлой толпой въ польскій лагерь, расположенный подъ Ярмолинцами (м. подол. г., проск. у.), и стали умолять польскаго гетмана Николая Сѣнявскаго помочь имъ низложить князя и возвести на престолъ Петра Лопушняна, тоже бѣглеца боярина-пугарника, теперь предводительствовавшаго волошской хоругвью, состоящей на службѣ Рѣчи-Посполитой. Короля въ то время не было дома,—онъ выѣхалъ въ Пруссію, и Сѣнявскій былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ ему поступить: впутываясь безъ вѣдома короля въ столь важное дѣло, приходилось взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность, а отступиться—значило пренебречь интересами отечества, потерять столь давно ожидаемый случай подчинить Молдавію Рѣчи-Посполитой. Сѣнявскій попробовалъ тянуть дѣло до пріѣзда короля, но Молдаване торопили: разнесся слухъ, что Стефанъ хочетъ собрать на пиръ 8 сентября всѣхъ бояръ съ цѣлью перерѣзать ихъ. Гетманъ, видя, что проволочками ничего не подѣлать, собралъ своихъ ротмистровъ въ „коло“ и сталъ совѣтоваться съ ними, что дѣлать. На импровизированномъ сеймикѣ рѣшили дѣйствовать: на основаніи этого рѣшенія боярамъ обѣщали помощь, а затѣмъ войско, снявшись лагеремъ, передвинулось ближе къ мѣсту дѣйствія, въ Бакоту надъ Днѣстромъ (подол. г., ушиц. у.). Обнадеженные бояре мигомъ состряпали заговоръ. Въ одинъ прекрасный осенній день злополучный князь-потурнакъ, ничего

не подозрѣвая, отправился на прогулку въ лодкахъ по рѣкѣ Пруту со всѣмъ своимъ гаремомъ, имѣя при себѣ только 17 тѣлохранителей, а на берегу рѣки его уже ожидала засада изъ крамольныхъ бояръ. Когда князь послѣ прогулки высадился на берегъ и расположился на ночлегъ въ палаткѣ, тогда 30 всадниковъ, дождавшись третьихъ пѣтуховъ, пока въ станѣ князя все успокоилось, окружили палатку и стали метать въ нее дротиками. Разбуженный князь поднялъ тревогу и, не имѣя другого орудія, кромѣ лука, сталъ отстрѣливаться отъ нападающихъ, не подпуская ихъ къ себѣ; заговорщики, видя, что такъ съ нимъ не сладятъ, спѣшиваются, подступаютъ ближе къ палаткѣ и, подрѣзавъ веревки, которыми, она была прикрѣплена къ землѣ, накрываютъ князя полотномъ ея, какъ перепелку сѣтью. Князь молитъ о пощадѣ, но заговорщики обезглавливаютъ его, а на другой день, пришивъ отсѣченную голову князя къ туловищу, торжественно хоронятъ останки убитаго въ княжеской усыпальницѣ. Покончивъ такимъ образомъ съ княземъ, триста знатнѣйшихъ бояръ отправились въ лагерь къ Сѣнявскому, прося его отъ имени всей страны принять Молдавію подъ покровительство Рѣчи-Посполитой и дать имъ въ господари Петра Лопушняна. Сѣнявскій, зная Лопушняна за человѣка справедливаго и богобоязливаго, а главное, считая его приверженцемъ Польши, охотно согласился на предложеніе бояръ.

Вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ гонецъ съ извѣстіемъ, что въ польскій лагерь ѣдутъ логафетъ Стурдза и гетманъ Могила; Сѣнявскій, желая встрѣтить важнѣйшихъ сановниковъ княжества съ подобающею честью, послалъ на встрѣчу имъ Сецигневскаго съ волошской хоругвью подъ командой Іоницы Мацока; Сецигневскій, выѣхавъ на встрѣчу знатнымъ гостямъ, былъ очень удивленъ, не встрѣтивъ ихъ; изъ вѣстей, собранныхъ по дорогѣ, онъ узналъ о причинѣ ихъ замедленія. Ходила молва, что мать убитаго князя, собравши бояръ въ деревнѣ Шипосахъ, умоляетъ ихъ выбрать княземъ Молдавіи Жолдю, жениха единственной ея дочери Роксанды; а собравшіеся тамъ бояре съ логафетомъ и гетманомъ во главѣ

совѣтуются о предложеніи княгини. Сецигневскій, услышавъ такія вѣсти, не теряя времени, поспѣшилъ къ временной резиденціи старой княгини и послалъ двухъ молдаванъ изъ своей хоругви сказать боярамъ, что они своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ рискуютъ прогнѣвить Рѣчь-Посполитую и ея короля, если будутъ слушаться совѣтовъ глупой бабы. Старая княгиня, оскорбленная дерзкими словами пословъ, объявила ихъ шпіонами и приказала посадить въ тюрьму. Сецигневскій, не дождавшись пословъ и догадываясь о постигшей ихъ участи, ударилъ съ своей хоругвью на сильно укрѣпленный дворецъ, не желая дать времени врагамъ избрать Жолдю княземъ Молдавіи, но ему дали сильный отпоръ, и первый приступъ Сецигневскому не удался. Тогда онъ, слѣдя за направленіемъ вѣтра, приказалъ зажечь ближайшія гумна въ той сторонѣ, откуда вѣтеръ легко могъ занести пламя на осажденный дворецъ. Разсчетъ оказался вѣренъ, и пламя быстро охватило дворецъ; осажденные, спасая жизнь, должны были выйти и сдаться Сецигневскому. Побѣдитель исполнилъ порученіе гетмана: онъ привелъ въ польскій лагерь первыхъ молдавскихъ сановниковъ, но не какъ гостей съ почетнымъ карауломъ, а какъ плѣнниковъ въ оковахъ.

Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ не на шутку безпокоились продолжительнымъ отсутствіемъ Сецигневскаго; догадкамъ и предположеніямъ не было конца, но всѣ они сводились къ тому, что дѣла въ Молдавіи приняли неблагопріятный оборотъ для Лопушняна. Поэтому Сѣнявскій, не дожидаясь возвращенія Сецигневскаго, по совѣту каменецкаго епископа Леонарда Менделевскаго, привелъ къ присягѣ на вѣрность Рѣчи-Посполитой Лопушняна и бояръ, бывшихъ въ польскомъ лагерѣ. Послѣ присяги Петръ Лопушнянъ, принявъ любезное молдаванамъ имя Александра, просилъ Сѣнявскаго громко предъ всѣмъ войскомъ отправить его, какъ вассала Рѣчи-Посполитой въ Молдавію съ польскимъ войскомъ. Сѣнявскій, склоняясь на его просьбу, далъ ему самыя отборныя хоругви подъ командой Станислава Тарла, Станислава Замойскаго, Бернарда Третвича, своего сына Николая и испанца Мора, командира пѣхоты. 5

сентября 1552 года вступилъ въ Сочаву, столицу Молдавіи, Александръ Лопушнянъ, начавшій свое княженіе актомъ милосердія: онъ сейчасъ же отпустилъ съ миромъ плѣнниковъ Сецигневскаго.

Король только въ пути изъ Кенигсберга въ Вильно узналъ о происшедшихъ перемѣнахъ въ княжествѣ и объ участіи въ нихъ Сѣнявскаго; извѣстіе это и огорчило, и разсердило короля: онъ боялся, чтобъ это вмѣшательство въ дѣла Молдавіи не вызвало столкновенія съ Турціей, и потому послалъ универсалъ своимъ войскамъ въ Молдавію, предписывая имъ немедленно оставить страну.

Лопушнянъ выхлопоталъ себѣ въ Портѣ утвержденіе на господарское званіе и сталъ управлять страной мирно и кротко; а женитьба на Роксандѣ, сестрѣ Стефана VIII, примирила его съ партіей приверженцевъ старой династіи.

Александръ IV Лопушнянъ начинаетъ собою рядъ князей-авантюристовъ, которые, быстро возвышаясь, большею частью изъ самыхъ низменныхъ слоевъ, и такъ-же быстро промелькнувъ на исторической сценѣ, заканчиваютъ свое земное поприще, большею частью, трагически, либо отъ руки крамольныхъ бояръ, либо въ Стамбулѣ на шелковомъ снуркѣ, а то иногда даже на львовскомъ рынкѣ отъ руки палача. Они, по большей части, любимцы народа, потому что защищаютъ его отъ притѣсненій и произвола бояръ, и въ свою очередь опираются на народъ во время боярскихъ конспирацій. Съ турецкимъ Диваномъ они были не всегда въ ладахъ, такъ—какъ, не желая отягощать народъ тяжелыми поборами на уплату дани Турціи, подарка султану и его сановникамъ, не разъ съ оружіемъ въ рукахъ отбиваются отъ турецкихъ экзекуцій. Польша также смотритъ подозрительно на ихъ сношенія съ запорожской голотой и на гостепріимство, съ какимъ они принимали украинскаго мужика, мандрующаго въ Молдавію на слободы.

Въ Бессарабіи донынѣ сохранилось преданіе о „царанскомъ“ (крестьянскомъ) происхожденіи Лопушняна; разсказываютъ, что родился онъ близъ Кишинева въ Лопушнѣ, главномъ городѣ Лопушнянскаго „цынути“ (уѣзда); на мѣстѣ ко-

тораго теперь стоитъ село того же имени; тамъ даже показываютъ мѣсто, гдѣ была хата родителей князя. Черезъ Лопушну часто проѣзжали въ Сочаву турецкіе чауши, а разъ даже какой-то паша; всѣ они останавливались у родителей будущаго господаря, принимавшихъ ихъ съ большимъ гостепріимствомъ. Вотъ эти-то гости, особенно паша, помня гостепріимство стараго Лопушняна, протежировали его сыну и на господарскомъ дворѣ, и въ Диванѣ, и онъ изъ простого царанина выскочилъ въ боярина и пугарника, а потомъ, какъ мы видѣли, въ господаря земли молдавской.

Лопушнянъ по природѣ былъ умный и добрый человѣкъ и благочестивый христіанинъ; началъ онъ свое управленіе милостью и кротостью, но отвѣдавъ отравляющую сладость власти, онъ ревниво оберегалъ ее отъ притязаній своихъ бывшихъ товарищей-бояръ, отъ которыхъ сначала оборонялся для самозащиты, а потомъ, войдя во вкусъ, сталъ обыкновеннымъ тираномъ того времени. Г. Накко приводитъ о немъ такое свидѣтельство Граціани: „Александръ Лопушнянъ изуродовалъ много тысячъ молдаванъ, обрѣзывая однимъ уши, другимъ носы, третьимъ руки; большею же частью ослѣпляя и калѣча самыхъ первоклассныхъ бояръ, имѣнія которыхъ конфисковалъ въ свою пользу“. И посреди всѣхъ этихъ ужасовъ князь постоянно занятъ благочестивыми размышленіями и заботами: онъ принимаетъ самое горячее участіе въ постройкѣ Успенскаго храма во Львовѣ и радуется, что братство сохранило свою вѣру среди иновѣрцевъ: „и тому есмо радосни, ижъ ви мешкаючи межи иновѣрци, а закону своего опустити не хочете.“ Въ 1558 году онъ строитъ монастырь Слатинъ, откуда часто пишетъ львовскимъ братчикамъ.

И не смотря на свои жестокости, Лопушнянъ держится на престолѣ, благодаря только поддержкѣ массы народа, раздѣлявшей антипатіи своего господаря къ боярамъ. Какъ благочестивый православный христіанинъ, Лопушнянъ не могъ относиться съ симпатіей къ зависимости отъ бусурманъ, и если не обнаруживалъ враждебныхъ замысловъ противъ Турціи, то и не заискивалъ передъ ней по примѣру своихъ предшественни-

ковъ. Этимъ только безразличнымъ отношеніемъ Лопушняна къ Турціи, привыкшей къ заискиванію господарей, можно объяснить такое безучастное отношеніе Порты къ своему вассалу въ годину его несчастій. Не любилъ Лопушнянъ и свою сосѣдку Польшу за пропаганду католичества въ единовѣрной ему Руси и Украйнѣ и за гостепріимство, какое тамъ встрѣчали его враги—бояры, но молчалъ и терпѣлъ, можетъ быть изъ чувства благодарности. Всѣ его симпатіи, какъ кажется, склонялись больше всего къ Москвѣ, единовѣрной и единодержавной, гдѣ князь имѣлъ столько сходства съ нимъ самимъ и по религіозности, и по характеру правленія. Чуть ли не онъ первый изъ молдавскихъ воеводъ пожелалъ войти въ непосредственныя сношенія съ Москвой подъ видомъ торговли пушнымъ товаромъ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, какую благопріятную почву нашелъ бы въ Молдавіи предпріимчивый смѣльчакъ для мятежей и волненій съ цѣлью пробить себѣ дорогу къ ступенямъ молдавскаго трона. И такой смѣльчакъ не замедлилъ явиться. Знакомству съ нимъ посвящена слѣдующая глава.

II.

Турція при Солиманѣ Великолѣпномъ достигла наибольшаго могущества и блеска,—она была грозной для всей Европы; ея войска считались непобѣдимыми на сушѣ. Венгрія подчинялась падишаху, даже сама Вѣна трепетала передъ побѣдителемъ Венгровъ. Но на морѣ турки чувствовали себя слабыми: это была чуждая имъ стихія; даже маленькія итальянскія купеческія республики были имъ не по силамъ; испанскій же флотъ былъ просто страшенъ, а полная почти независимость острововъ греческаго архипелага прямо была оскорбительна. Маленькая горсточка тампліеровъ на ничтожномъ островѣ Родосѣ сопротивлялась громаднымъ полчищамъ падишаха. Но Солиманъ Великолѣпный былъ очень умный и ловкій правитель: онъ, сознавая неспособность своего народа къ морскому искусству, воспользовался пиратами Средиземнаго моря и создалъ изъ нихъ для себя могущественный флотъ.

Въ тридцатыхъ годахъ XVI в. вся южная Европа трепетала передъ братьями Горукомъ и Гарьядиномъ, сыновьями Лесбосскаго грека горшечника, извѣстными въ исторіи больше подъ именемъ Барбарусъ. Пренебрегая ремесломъ отца, эти отважные авантюристы, собравъ вокругъ себя удалую дружину и завладѣвъ Алжиромъ, подстерегали купеческіе корабли на Средиземномъ морѣ и грабили ихъ, а когда не было работы на морѣ, они дѣлали набѣги на своихъ легкихъ бригантинахъ на европейскія прибрежныя области Средиземнаго моря и уводили толпами ихъ жителей въ плѣнъ для продажи на Азіятскихъ и Африканскихъ рынкахъ. Понятно, что торговля на берегахъ Средиземнаго моря страдала отъ нихъ ужасно; черный флагъ корсаровъ наводилъ паническій ужасъ на купцовъ—мореходцевъ. Вѣроятно, морскіе разбойники въ конецъ уничтожили бы торговлю богатыхъ городовъ южной Европы, еслибъ могущественный Карлъ V не внялъ мольбамъ своихъ подданныхъ и всего христіанскаго мира и не унялъ молодцевъ. Онъ совершилъ походъ на Африканскій берегъ и разгромилъ разбойниковъ въ самомъ ихъ логовищѣ. Въ отчаянной схваткѣ съ Испанцами погибъ старшій братъ Горукъ Барбаруса. Младшій братъ, Гарьядинъ, не смотря на то, что съ сильнымъ сосѣдомъ шутить было опасно, принявъ страшное имя своего брата Барбарусы и титулъ Алжирскаго короля, продолжалъ начатое ими дѣло. Онъ такъ прославился своими удалыми подвигами, что его стали считать непобѣдимымъ на морѣ. Солиманъ Великолѣпный воспользовался могуществомъ знаменитаго корсара и пригласилъ его къ себѣ на службу. Онъ предложилъ младшему Барбарусѣ званіе адмирала своего флота: „ты, молъ, громи на морѣ, а я буду побѣждать на сушѣ.“ Сдѣлка показалась выгодной корсару тѣмъ болѣе, что подданные новаго адмирала были мусульмане и охотно согласились служить падишаху, а главное—новое званіе санкціонировало его разбойничье ремесло. Адмиралъ падишаха, желая заслужить еще большее довѣріе новаго господина и имѣя въ виду и собственную выгоду, предложилъ султану завладѣть Тунисомъ. Предложеніе принято, затѣя удалась, и на адмирала съ званіемъ вице-короля Туниса посыпались новыя милости. Если эти два человѣка порознь ужасали Европу, то

что-жъ теперь, когда ихъ силы соединились? Ужасъ Европы удвоился, но болѣе всѣхъ испугались деспоты маленькихъ острововъ Греческаго Архипелага, которые въ послѣдніе годы существованія Византійской Имперіи изъ императорскихъ намѣстниковъ обратились въ наслѣдственныхъ деспотовъ, и титулъ этотъ удержали и послѣ паденія Византіи. Съ усиленіемъ турецкой власти на материкѣ Европы они почти всѣ признали власть султана, платя ему опредѣленную дань, но за то сохраняя почти полную автономію, языкъ, вѣру и обычаи страны. Но имъ улыбнулась вдругъ надежда на полное освобожденіе отъ турецкой зависимости, когда Карлъ V, видя усиленіе враговъ христіанскаго мира, опять снарядилъ громадный флотъ подъ начальствомъ знаменитаго генуэзскаго моряка Андрія Дорія; тогда они почти всѣ приняли участіе въ этой войнѣ, но самымъ горячимъ союзникомъ Карла V былъ Іоаннъ Гераклидъ, присвоившій себѣ такую фамилію, потому что велъ свое происхожденіе отъ Геркулеса, деспотъ острововъ Самоса и Пароса, но сившій громкій титулъ Самосскаго князя и Паросскаго маркграфа. Увлеченный первыми успѣхами Испанцевъ, Іоаннъ Гераклидъ принялъ участіе въ походѣ, но ужасная буря разметала флотъ испанцевъ, и только часть флота и арміи въ 1534 г. вернулась въ отечество. Послѣ пораженія христіанъ бѣдному Самосскому и Паросскому деспоту, ожидавшему грозы отъ своего сюзерена, не оставалось ничего больше, какъ, собравши свои сокровища и документы о происхожденіи, уйти къ своему союзнику и покровителю Карлу V-му; за деспотомъ послѣдовалъ и его немногочисленный дворъ, хотѣвшій раздѣлить судьбу скитальца. Для переѣзда въ Испанію бѣглецъ нанялъ корабль у кандійца Василика, который дорогой внезапно умеръ, оставивъ сиротой маленькаго сына Якова, бывшаго съ нимъ на кораблѣ. Старый князь, не имѣя ни роду, ни племени, охотно взялъ сиротку на свое попеченіе, тѣмъ болѣе, что мальчикъ оказался бойкимъ. При дворѣ Карла V подъ руководствомъ опытныхъ учителей молодой Яковъ многому научился, и при частыхъ путешествіяхъ императора, которому всегда сопутствовалъ старый князь Гераклидъ съ своимъ воспитанникомъ, послѣдній успѣлъ увидѣть и

узнать много любопытнаго. Такъ, напримѣръ, въ Римѣ, куда императоръ ѣздилъ для примиренія съ папой Климентомъ VII, Якову Василику поручили переписывать ватиканскія рукописи; при этой работѣ онъ не только основательно изучилъ латинскій языкъ, но и познакомился съ произведеніями лучшихъ ораторовъ, историковъ, юристовъ, философовъ и поэтовъ. Кромѣ того, при дворѣ императора, въ имперіи котораго солнце никогда не заходило, всегда толпились царедворцы разныхъ національностей; поэтому, молодому греку не трудно было въ ихъ обществѣ научиться языкамъ, италіянскому, испанскому, французскому и нѣмецкому. Въ частныхъ походахъ Карла V онъ пріобрѣлъ военную опытность, а подъ Ферроной даже умѣлъ доказать свою храбрость.

Такъ какъ старый деспотъ очень любилъ своего воспитанника, то при дворѣ многіе считали его сыномъ или, по крайней мѣрѣ, близкимъ родственникомъ князя. Спустя много лѣтъ Іоаннъ Гераклидъ внезапно умираетъ, не оставивъ духовнаго завѣщанія. Вся свита греческаго князя растерялась отъ такой неожиданности, не потерялся только Яковъ Василикъ: онъ созвалъ всѣхъ свидѣтелей своего происхожденія и истинныхъ отношеній къ опекуну и держалъ къ нимъ приблизительно такую рѣчь: вы знаете, что покойный князь нашъ, умирая, не оставилъ распоряженія ни о своемъ имуществѣ, ни о нашей судьбѣ, поэтому, если у покойнаго не найдется наслѣдниковъ, то все его имущество должно перейти къ императору, а мы останемся нищими. Чтобы помочь бѣдѣ, я предлагаю вамъ слѣдующее: распускайте слухъ, что я сынъ покойнаго, и если онъ скрывалъ это передъ посторонними, то имѣлъ на то важныя причины: онъ боялся, чтобы турки не мстили сыну за измѣну отца. Опасаться вамъ нечего, потому что здѣсь, зная мои отношенія къ покойному, легко повѣрятъ вашему разсказу, а я вамъ обѣщаю: если меня признаютъ наслѣдникомъ имени и могущества покойнаго князя, то, при моей молодости и образованіи, мнѣ достаточно только званія князя, а вамъ отдамъ все имущество, которое и будетъ вамъ уплатой за долговременную службу покойному и обезпеченіемъ вашей старости. Выбирайте,

друзья мои, между нищетой и довольствомъ! Само собою разумѣется, что придворные стараго деспота охотно приняли предложеніе своего молодого товарища. Карлъ V, на основаніи свидѣтельствъ свиты покойнаго Гераклида, въ 1556 г. выдалъ Якову Василику, какъ сыну и наслѣднику Самосскаго и Парос-скаго деспота Іоанна Гераклида, дипломъ на званіе князя Самоса и Маркграфа Пароса. Такого документа было достаточно, чтобы вся Европа признала Якова Василика сыномъ и наслѣдникомъ Іоанна Гераклида; поэтому и мы дальше будемъ называть его этимъ именемъ. Прибавимъ только здѣсь, что императоръ вмѣстѣ съ дипломомъ на званіе выдалъ молодому Гераклиду документъ на титулъ фалькграфа, а такіе фалькграфы имѣли право увѣнчивать поэтовъ и раздавать званія протонотаріусовъ и докторовъ правъ. Въ началѣ второй половины XVI вѣка религіозное движеніе въ Европѣ достигло наибольшаго напряженія, сношенія между протестантами были постоянны, а молодой Яковъ Гераклидъ былъ самымъ усерднымъ и дѣятельнымъ послѣдователемъ новаго ученія, и потому былъ въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ главарями реформаціи. Вотъ какое положеніе занялъ Гераклидъ, когда Карлъ V, наскучивъ властью, отказался отъ престола въ пользу сына и заперся въ Эскуріалѣ. Новый монархъ Филиппъ II, мрачный и подозрительный, правовѣрный католикъ, не внушалъ довѣрія Гераклиду, особенно если принять во вниманіе противоположность ихъ религіозныхъ воззрѣній; по этому Гераклидъ заблагоразсудилъ своевременно оставить страну, такъ гостепріимно пріютившую его, и пуститься въ свѣтъ широкій искать счастья среди своихъ единовѣрцевъ. Оставивъ Брюссель, онъ переѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ занялъ кафедру математики; вѣроятно, туда его вызвалъ Меланхтонъ, съ которымъ онъ былъ уже давно въ самой дружеской перепискѣ. Ростокъ былъ первымъ этапомъ молодого странника. Добросовѣстно разсчитавшись съ товарищами, онъ очутился безъ средствъ къ жизни и долженъ былъ для начала принять мѣсто профессора математики, пока не запасся друзьями и покровителями. Очевидно, скромная карьера ученаго не была его цѣлью:—иначе зачѣмъ ему было мѣнять насиженное мѣсто и безбѣдное существованіе на рис-

кованное странствіе безъ опредѣленной цѣли, повидимому, и безъ копѣйки въ карманѣ. Вѣроятно, у него былъ какой-нибудь опредѣленный планъ, побуждавшій его толкаться по бѣлу свѣту. Хотѣлось-ли ему играть выдающуюся роль среди своихъ единовѣрцевъ, или онъ искалъ, связей и протекціи для какихъ-либо другихъ цѣлей? Наше недоумѣніе отчасти рѣшаетъ реляція папскаго нунція того времени въ Польшѣ. Нунцій со словъ Великаго Канцлера польскаго Яна Оцескаго передаетъ своему двору: „читалъ (канцлеръ) мнѣ письмо, полученное изъ дворца, изъ котораго видно, что король черезвычайно разсерженъ съѣздомъ еретиковъ, недавно состоявшимся. Собраніе еретиковъ въ числѣ пятисотъ человѣкъ было по такой причинѣ: какой то Волошинъ, который долго вымаливалъ себѣ помощи у чужихъ монарховъ для возвращенія, какъ онъ утверждаетъ, незаконно отнятаго у него права на корону Молдавіи, но ему нигдѣ не повѣрили,—прибывъ въ Польшу, обратился къ еретикамъ, обѣщая имъ, что онъ введетъ въ Молдавіи лютеранскую вѣру, увѣряя притомъ, что народъ, лишь только увидитъ его, сейчасъ возведетъ на господарство, лишивъ прежняго господаря престола".

Спустя нѣкоторое время Гераклидъ переѣхалъ отсюда очевидно съ тѣми же цѣлями въ Виртембергъ, гдѣ издалъ свое историческое сочиненіе и, пользуясь данной ему властью, увѣнчалъ двухъ поэтовъ. Очевидно, не сидѣлось ему въ Германіи, потому что, спустя немного времени, онъ опять ѣдетъ черезъ Любекъ въ Данію. Датскій король Фридрихъ принимаетъ его очень любезно и осыпаетъ подарками, но, вѣроятно, Гераклиду и здѣсь не удалось занять положенія, соотвѣтственно его высокому званію, и онъ переѣзжаетъ въ Норвегію, гдѣ ожидаетъ его такой же любезный пріемъ.

Изъ Норвегіи Гераклидъ отправился черезъ Данцигъ въ Кенигсбергъ къ Прусскому князю Альбрехту и здѣсь вошелъ въ тѣсныя сношенія съ богословами, окружавшими князя. Объѣхавши главные пункты протестанства, Гераклидъ не минулъ и Литвы, гдѣ тогда сильно стало распространяться новое ученіе, а потому онъ, запасшись въ Пруссіи рекомендательнымъ письмомъ къ тамошнему главарю протестантовъ Николаю Радзи-

виллу Чорному, въ 1557 г. поѣхалъ въ Вильно. Время пріѣзда выбрано было удачно, потому что совпало съ пребываніемъ въ Вильнѣ Сигизмунда Августа, съ которымъ Радзивиллъ не замедлилъ познакомить новопріѣзжаго гостя.

Въ то время Польша готовилась къ такъ называемому Посвольскому походу противъ крестоносцевъ. Не былъ это въ строгомъ смыслѣ военный походъ, а скорѣе военная прогулка или даже пикникъ, если можно такъ выразиться, потому что крестоносцы, ослабленные предыдущими войнами, не хотѣли и не могли воевать,—требовалось только показать видъ, что они уступили необходимости, такъ какъ ихъ магистръ Вильгельмъ Фюрстембергъ раньше еще похода согласился подчиниться Сигизмунду Августу. Стотысячную польскую армію наполняли польскіе и литовскіе паны съ своими блестящими свитами и молдавскіе бояре, бѣжавшіе въ Польшу отъ жестокостей своего господаря. Гераклидъ, любезно приглашенный въ походъ, встрѣтилъ пріятное общество и въ свою очередь обворожилъ всѣхъ своими изысканными манерами и ученостію; его высокое происхожденіе пріобрѣло ему симпатіи польскаго общества, всегда цѣнившаго знакомства съ высокопоставленными лицами; его званіе испанскаго рыцаря еще больше придало ему вѣсу въ глазахъ пановъ: оно такъ высоко цѣнилось въ Польшѣ, что родители нарочно посылали своихъ сыновей въ Испанію, такъ какъ только тамъ можно было пріобрѣсти необходимыя качества настоящаго рыцаря; и, наконецъ, его религіозныя воззрѣнія имѣли не малое вліяніе на тотъ успѣхъ, какой онъ пріобрѣлъ въ литовско-польскомъ обществѣ при посредствѣ своихъ единовѣрцевъ. Даже Сигизмундъ Августъ раздѣлялъ общее мнѣніе о Гераклидѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ коронная метрика, въ которой вписанъ дипломъ на шляхетное званіе нѣкоему Капріану Василику. Исторія этого диплома была такая: при дворѣ Сигизмунда Августа былъ одинъ молодой очень способный и образованный человѣкъ мѣщанскаго происхожденія Капріанъ изъ Сѣрадзя; онъ былъ отличный каллиграфъ и переводчикъ и даже немножко поэтъ. Молодого человѣка кто-то рекомендовалъ Гераклиду въ секретари для мно-

гочисленной переписки послѣдняго чуть ли не со всѣми дворами и учеными Европы. Здѣсь-то, въ лагерѣ, Гераклидъ, желая наградить своего секретаря, увѣнчалъ его, какъ молодого поэта по праву, данному ему императоромъ, и кромѣ того, съ разрѣшенія короля, выдалъ ему дипломъ на дворянское достоинство, позволивъ ему носить свою фамилію Василика и гербъ, представлявшій собою щитъ, на которомъ были изображены—древняя греческая корона и шлемъ съ приподнятымъ забраломъ, а вокругъ щита былъ выписанъ девизъ греческими буквами: Σάμος ορνιθῶν γαλα φέρει (Самосъ производитъ птичье молоко). Жизнь въ лагерѣ текла весело и пріятно: дѣла не было, велись только переговоры съ мнимымъ непріятелемъ; время проходило въ угощеніяхъ и разговорахъ о политикѣ, къ которой поляки были такіе охотники. Присутствіе молдавскихъ бояръ дало поводъ свести разговоръ на дѣла ихъ отечества; говорили о тяжеломъ турецкомъ игѣ, о жестокостяхъ господаря и его вѣроломствѣ по отношенію къ Польшѣ, которой онъ обѣщалъ когда-то подчиненіе за возведеніе его на престолъ, а теперь отвернулся отъ нея, заискивая у Турціи и заигрывая съ единовѣрной Москвой. Естественно молдаване-эмигранты охотно здѣсь строили планы о низложеніи постылаго князя-тирана и мечтали о выборѣ новаго.

Вѣроятно, изъ этихъ бесѣдъ Гераклидъ вывелъ заключеніе, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Молдавіи ему не трудно будетъ завладѣть тамъ властью, и сталъ обдумывать средства, при помощи которыхъ ему возможно было бы осуществить свой планъ. Онъ первый, быть можетъ, изъ иностранцевъ обратилъ вниманіе и оцѣнилъ силу и значеніе днѣпровскихъ козаковъ; мы заключаемъ это изъ того, что онъ вошелъ съ ними въ сношенія. Вышло ли что-нибудь изъ этихъ сношеній,—мы не знаемъ, но, очевидно, у него были какія-то надежды на успѣхъ, потому что онъ поѣхалъ въ Молдавію подъ видомъ посѣщенія своей родственницы, жены господаря, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы лично ощутить почву подъ ногами.

Гераклидъ, явившись въ Молдавію, произвелъ очень пріятное впечатлѣніе на господаря, тѣмъ болѣе, что онъ, ознако-

мившись еще при дворѣ Карла V-го со всѣми отраслями государственнаго управленія и здѣсь быстро усвоивъ языкъ и обычаи страны, съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ князю. Но въ то же время онъ осторожно сталъ вербовать себѣ сторонниковъ и друзей, осуждая жестокое управленіе князя и его опасную политику, мимоходомъ всегда давая понять, что Лопушнянъ и права то не имѣетъ на молдавскій престолъ, кромѣ сомнительнаго происхожденія его жены отъ старой династіи княжества между тѣмъ, какъ самъ онъ наслѣдникъ прямой славнаго рода Гераклидовъ, ближайшій родственникъ законной линіи Драгошей. Какъ ловко ни велъ Гераклидъ заговоръ противъ князя, но Лопушнянъ все таки узналъ о его происках и окружилъ милаго родственника шпіонами, разсчитывая расправиться съ нимъ сію же минуту, если слухи оправдаются.

Но и Гераклидъ не оставался безъ извѣстій о намѣреніяхъ князя и, не дожидаясь рѣшительнаго момента, бѣжалъ въ Бухарестъ къ тамошнему князю Мирчи. Здѣсь онъ издалъ книгу о своемъ происхожденіи, въ которой доказывалъ, что предки его были правителями древней Дакіи, а потому онъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ молдавскаго престола. Такая смѣлая претензія заставила Александра послать къ сосѣду съ требованіемъ, либо самому расправиться съ претендентомъ, либо выдать его посланному. Гераклидъ, провѣдавъ объ этомъ и не считая себя достаточно безопаснымъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ своимъ противникомъ, въ 1559 г. бѣжалъ въ Трансильванскій Бѣлградъ (Alba Iulia). Вѣроятно, онъ и здѣсь разсчитывалъ найти такое же сочувствіе среди магнатовъ-единовѣрцевъ, какое нѣкогда нашелъ въ Литвѣ и Польшѣ, а при помощи могущественной аристократіи обоихъ государствъ такъ легко можно было осуществить взлелѣянный планъ?

Надежда не обманула Гераклида: его, дѣйствительно, приняли гостепріимно, даже съ сочувствіемъ. Правительница Трансильваніи, королева Изабелла, сестра Сигизмунда Августа и опекунша своего сына Іоанна Сигизмунда Заполи, женщина мечтательная и пылкая, приняла большое участіе въ планахъ Гера-

клида и готова была помочь ему, еслибъ не встрѣтила сопротивленія со стороны своего сына, достигшаго тогда уже совершеннолѣтія. Іоаннъ Сигизмундъ крѣпко держался за союзъ съ Турціей и потому не былъ расположенъ ссориться съ ней изъ-за Гераклида, помогая ему отнять престолъ у ея вассала, и вообще молодой трансильванскій князь крайне подозрительно относился къ Гераклиду, котораго въ его глазахъ дурно рекомендовало и то обстоятельство, что онъ воспитывался при дворѣ Карла V-го Габсбурга, а Габсбурги столько зла причинили его отцу Заполи.

Въ то время, какъ шла глухая борьба между матерью и сыномъ изъ-за Гераклида, въ Бѣлградъ пріѣхалъ посѣтить Изабеллу Альбрехтъ Ласкій, который при дворѣ познакомился съ Іоанномъ Гераклидомъ. Новые знакомые вскорѣ сошлись и даже подружились. Изабелла и Гераклидъ посвятили гостя въ тайны своего плана и пріобрѣли въ немъ новаго союзника. Такъ какъ Ласкій имѣетъ рѣшающее вліяніе на судьбу Гераклида, то мы считаемъ своевременнымъ познакомить съ нимъ читателя.

III.

Когда подъ конецъ XVI в. вошло въ обычай у знатныхъ людей Польши измышлять родословныя, ведя ихъ отъ римскихъ сенаторовъ, тогда и одинъ изъ Ласкихъ, вѣроятно, герой нашего разсказа, Альбрехтъ, нашелъ услужливое перо, создавшее ему длиннѣйшій рядъ предковъ, во главѣ которыхъ стоитъ какой-то норманскій рыцарь, соратникъ Вильгельма-Завоевателя, господинъ Альбрехтъ де Ляски, изгнанный изъ Англіи и поступившій будто бы на службу при дворѣ Болеслава Кривоустаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ о родословной Ласкихъ писатель XVII вѣка, но онъ, вѣроятно, просмотрѣлъ то обстоятельство, что сами Ласкіе XV и XVI вв. разсказывали объ этомъ иначе. Тѣ назывались Карабитами de Lasko. Съ конца

уже XIV вѣка извѣстенъ родъ Ласкихъ: Альбрехтъ Ласкій, каштелянъ Ленскій и Янъ Радлица, епископъ Краковскій; но съ теченіемъ времени родъ захудалъ по причинѣ одного изъ Ласкихъ, Яна Сѣрадзкаго, хорунжаго, который паломничалъ въ св. землю и, хотя возвратился домой Іерусалимскимъ рыцаремъ, но дорогой ослѣпъ и скоро умеръ.

Семейство Яна очутилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, потому что даже приданое невѣстокъ пошло на походъ въ Іерусалимъ. Сынъ его Андрей былъ до такой степени бѣденъ, что не могъ даже дать надлежащаго воспитанія своимъ дѣтямъ, о чемъ самъ сознается впослѣдствіи знаменитый сынъ его Іоаннъ Ласкій, издатель извѣстнаго Вислицкаго статута, великій канцлеръ, и затѣмъ примасъ королевства. Пронырливый и хитрый, послѣдній накопилъ громадныя богатства, которыхъ хватило на цѣлое столѣтіе, чтобы поддерживать блескъ и славу Ласкихъ. Ближайшими родственниками и наслѣдниками примаса были три сына его брата Ярослава: Іеронимъ, Станиславъ и Янъ, другъ и пріятель Эразма Роттердамскаго. Старшій Іеронимъ, женатый на Аннѣ изъ Рытвянъ, былъ отцомъ героя нашего разсказа Альбрехта Ласкаго, Vivam animi et corporis ejus (patris) imaginem, по выраженію современника.

У подножія Татровъ, надъ быстрой рѣкой Попрадомъ, въ долинѣ земли Спиской, лежитъ городокъ Кесмаркъ, окруженный со всѣхъ сторонъ взгорьями, опирающимися на хребетъ Карпатскихъ скалъ. Уже издали видѣнъ надъ городкомъ гордо поднявшій свои башни замокъ, остатокъ тѣхъ временъ, когда еще предки королевскаго рода Арпадовъ выковали въ скалѣ крѣпость для защиты земли Спиской отъ нападеній поляковъ-сосѣдей на самой границѣ Венгріи. Какъ будто въ насмѣшку надъ людскими предначертаніями, судьба отдала Кесмаркскій замокъ въ руки самаго могущественнаго и буйнаго польскаго рода Ласкихъ въ заслугу за содѣйствіе Яну Заполи занять престолъ Арпадовъ. Здѣсь-то въ 1533 г. узрѣлъ свѣтъ Божій Альбрехтъ Ласкій. Отецъ его Іеронимъ, воевода сѣрадскій и палатинъ земли венгерской, около этого времени въ вихрѣ политическихъ страстей и интригъ попалъ въ немилость у Яна

Заполи и, заподозрѣнный въ убійствѣ Верадынскаго епископа Цибаки, былъ посаженъ въ крѣпость въ городѣ Будѣ. Съ большимъ трудомъ, и то при помощи своихъ вліятельныхъ родныхъ, едва черезъ три года онъ освободился изъ заключенія и, пылая негодованіемъ и местью противъ неблагодарнаго Яна Заполи, перешелъ на сторону Фердинанда Габсбурга, по порученію котораго ѣздилъ въ Стамбулъ къ Солиману хлопотать о венгерской коронѣ своему новому принципалу; но Солиманъ принялъ его холодно, и миссія не удалась. Возвратившись на родину, онъ былъ отравленъ сторонниками Заполи въ 1542 г.

Печально прошло дѣтство молодаго Альбрехта подъ опекой друга дома Лобоцкаго. Здѣсь онъ упражнялся съ сверстниками въ военныхъ экзерциціяхъ и изучалъ языки и исторію. Кромѣ языковъ классическихъ, онъ зналъ много новыхъ, которые усваивалъ съ чрезвычайной легкостію. Не мѣсто здѣсь характеризовать намъ Ласкаго; его типичная особа очень подробно очерчена польскими историками, но замѣтимъ, что душа его была всегда ареной побоища Ормузда и Аримана, хотя, къ слову сказать, современники были отъ него въ восторгѣ. „Тѣ, говоритъ одинъ изъ нихъ, которые не знали его или были предубѣждены, слушая его пламенную рѣчь, невольно поддавались ей и подчинялись его мнѣніямъ. Въ веселой компаніи онъ былъ остроуменъ и боекъ въ отвѣтахъ; въ важныхъ же случаяхъ разсудителенъ, остороженъ, внимателенъ, всегда умѣвшій подать хорошій совѣтъ. Это Сократъ въ совѣтѣ, Ахилъ въ бою, Улисъ по богатству удивительныхъ приключеній“. А современный поэтъ восклицаетъ: „нѣтъ только у насъ Гомера, чтобы воспѣть этого славянскаго Одиссея“.

Достигши совершеннолѣтія, Ласкій, наслѣдникъ громадныхъ помѣстій въ Польшѣ и Венгріи, какъ вѣрноподданный двухъ королей, счелъ своею обязанностію посѣтить дворы Сигизмунда Августа и Фердинанда I Венгерскаго, побывавъ впослѣдствіи во всѣхъ знатнѣйшихъ дворахъ Европы, гдѣ познакомился съ славнѣйшими воинами своего времени. Вернувшись въ свой родовой замокъ Кесмаркъ, онъ окружилъ себя отборнѣйшими наемными воинами, мечтая при ихъ помощи покрыть

себя неувядаемой славой. Его дружина постоянно занималась военными упражненіями въ замкахъ Кесмаркскомъ и Рытвянскомъ подъ руководствомъ опытныхъ начальниковъ: Яна Яржыны, Ивана Пясецкаго, нашего подолянина, герба Забава, Якова Штрижковскаго, Сигизмунда Рожна и Николая Бронёвскаго, извѣстнаго подъ именемъ Кнехта, ожидая только подходящаго случая, чтобы покрыть славою своего вождя. Такой случай и нашелся при дворѣ Изабеллы возстановить попранныя права знатнаго рода Гераклидовъ. Мы не можемъ предугадать, какое направленіе приняли бы событія, еслибъ внезапная смерть (15 сент. 1559 г.) Изабеллы не спутала всего хода ихъ: Іоаннъ Сигизмундъ, ставъ независимымъ, не только отказалъ претенденту въ помощи, но готовъ былъ отослать его султану, чего у него уже домогался Лопушнянъ.

Но Ласкій, предупреждая намѣренія враговъ своего новаго друга Гераклида, увезъ его въ одинъ изъ своихъ замковъ и сталъ дѣятельно готовиться къ походу для низложенія Александра и утвержденія Гераклида на молдавскомъ престолѣ.

Ласкій въ началѣ 1560 г., укрывъ своего друга въ одномъ изъ своихъ замковъ, отправился въ Краковъ, чтобъ обсудить съ шляхтой диссидентами планъ и средства будущаго похода въ Молдавію. Для польскихъ диссидентовъ походъ въ Молдавію былъ дѣломъ очень желательнымъ, такъ какъ они при помощи Гераклида разсчитывали широко повести пропаганду своей вѣры въ Молдавіи и съ корнемъ вырвать исламъ, широко разросшійся тамъ при предшественникахъ Александра Лопушняна. Съѣздъ состоялся въ 1560 г. подъ предсѣдательствомъ Ласкаго, и на немъ былъ рѣшенъ немедленный походъ въ Молдавію подъ предводительствомъ Ласкаго. Король, услыхавъ объ этомъ походѣ пришелъ въ страшное негодованіе и немедленно разослалъ универсалы къ шляхтѣ, запрещая походъ подъ страхомъ инфаміи. Любопытныя подробности объ этомъ находимъ въ письмѣ нунція, о которомъ мы упоминали выше.

Зима и лѣто пошли на приготовленія къ походу; у Ласкаго было готово уже 1600 воиновъ, надъ которыми онъ назначилъ двухъ начальниковъ: надъ кавалеріей Сигизмунда Рожна,

а надъ пѣхотой Гванини, будущаго лѣтописца; самъ же принялъ званіе молдавскаго гетмана.

Въ тоже время и Гераклидъ получилъ извѣстіе, что въ столицѣ тирана загорѣлся мятежъ. Оба друга поторопились въ походъ, чтобы не потерять удобнаго момента; и весной 1561 г. двинулись въ Молдавію черезъ Карпаты, проходя частью по территоріи Рѣчи Посполитой. Уже отрядъ Ласкаго подходилъ къ Поморянамъ въ 10 миляхъ отъ Львова, какъ вдругъ польскія войска заступили имъ дорогу и разбили на голову. Ласкій понесъ незначительную потерю въ людяхъ, но десять пушекъ, всѣ военные возы достались непріятелю, а безъ нихъ невозможно было продолжать похода. Необходимость заставила вернуться домой.

Неудача не ослабила энергіи Ласкаго: онъ сталъ опять дѣятельно готовиться къ новому походу; а Гераклидъ въ то время отправился въ Кошицы къ правителю Верхней Венгріи Франциску Заю, вассалу Фердинанда I. Очаровавъ Зая съ свойственнымъ ему умѣніемъ и посвятивъ его во всѣ тайные планы и намѣренія, связывающіе его съ большею частію бояръ Молдавіи, Гераклидъ представилъ ему легкость, съ какой возможно завладѣть престоломъ Молдавіи, будь у него достаточно средствъ для этого, а потому убѣдительнѣйше просилъ хлопотать у императора о помощи войскомъ и деньгами; онъ же съ своей стороны клялся и обѣщалъ, въ случаѣ успѣха, подчинить Молдавію Фердинанду. Зай, очарованный Гераклидомъ и убѣжденный его краснорѣчіемъ, самъ проникся его планами, и въ такомъ духѣ послалъ представленіе императору. Тайный совѣтъ, разсматривавшій это представленіе, былъ въ большомъ затрудненіи: помочь ему хотѣлось, потому что были очевидныя выгоды и для государства, и для церкви, особенно для церкви, такъ какъ въ тайномъ совѣтѣ участвовали епископы: Юрій Драсковичъ, Загребскій, францискъ Форгачъ Верадынскій и Николай Олай, Остригонскій архіепископъ; но помочь было опасно, потому что Лопушнянъ, вассалъ грознаго султана, узнавъ о пребываніи Гераклида въ Венгріи, просилъ имперское правительство черезъ своего родственника графа Николая Зрина не

позволять жить въ своей странѣ такому опасному человѣку. Фердинандъ отвѣтилъ Лопушняну очень политично: онъ де въ силу установившагося обычая не можетъ выдать родственника воеводы, но сдѣлаетъ все возможное, чтобы не дать ему интриговать противъ своего князя; и въ тайномъ совѣтѣ тоже все дѣло чуть не сорвалось: никто не смѣлъ поднять голоса въ пользу просьбы Гераклида въ виду недавно заключеннаго мира съ турками и сомнительнаго успѣха новаго предпріятія; одинъ только Францискъ Форгачъ подалъ особое мнѣніе: не раздражая султана, говорилъ онъ, мы можемъ помочь Гераклиду деньгами и позволить тайно вербовать ратниковъ. На этомъ мнѣніи остановились и выдали Гераклиду 8 т. червонцевъ, позволивъ набирать войско. Зай, получивъ разрѣшеніе организовать помощь Гераклиду, горячо принялся хлопотать и даже уговорилъ храбраго начальника кавалеріи Антонія Шекели принять участіе въ походѣ.

Въ то время, когда Ласкій готовился ко второму походу въ Молдавію, Гераклидъ хлопоталъ о помощи за границей въ Сочавѣ. Въ княжескомъ дворцѣ заговоръ бояръ назрѣвалъ; самъ Александръ, казалось, помогалъ заговорщикамъ: бояре, маскируя передъ княземъ свои намѣренія, предложили ему войти въ сношенія съ Гераклидомъ, будто помимо вѣдома князя съ цѣлью заманить его въ руки Александра. Князь согласился, и бояре писали все, что говорилъ имъ князь, но устно черезъ нарочныхъ остерегали и объясняли Гераклиду все въ настоящемъ свѣтѣ. Гераклидъ, чтобы успокоить соперника и усыпить его бдительность, помогъ боярамъ разыграть комедію до конца: онъ, притворившись больнымъ, заперся въ своей комнатѣ въ Кесмаркскомъ замкѣ, не выходя никуда. Между тѣмъ стали ходить тревожные слухи, что ему хуже и хуже, пока не раздался печальный звонъ колоколовъ, извѣщавшій о смерти претендента на престолъ Молдавіи. На другой день назначены были торжественные похороны. Во время печальной церемоніи знатнѣйшіе рыцари изъ свиты Ласкаго на рукахъ несли гробъ, который положили въ склепѣ большой церкви св. Креста. Шпіонъ Лопушняна, всегда прибывавшій въ Кесмаркскомъ замкѣ съ

тѣхъ поръ, какъ тамъ поселился Гераклидъ, побѣжалъ къ своему князю съ извѣстіемъ о случившемся. Комедія съ пустымъ гробомъ удалась какъ нельзя лучше, потому что она усыпила бдительность Лопушняна и поляковъ, оберегавшихъ проходъ Ласкаго въ Молдавію.

Между тѣмъ отряды наемниковъ мало по малу стали стягиваться. Антонъ Шекели привелъ сто вершниковъ: Жанъ Виллье, французъ, состарившійся въ венгерской службѣ, тоже сто венгерскихъ вершниковъ; Жанъ Пьеръ Руссель и его братъ Клавдій Бургундцы—пятьдесятъ стрѣлковъ; Петръ Рукунскій, силезецъ, 150 человѣкъ тяжело вооруженной конницы; Филиппъ Гартингъ, Петръ Сѣдлицкій, Александръ Гванини, Пясецкій, Янъ Яржына, Янъ Ласоцкій, Іеронимъ Филипповскій и Сигизмундъ Роженъ прибыли на границу только въ концѣ октября. Маленькая армія двинулась черезъ Венгрію, имѣя на лѣвой рукѣ Середню, а на правой Муккачъ. Ласкій, наученный опытомъ, рѣшилъ быстрымъ движеніемъ предупредить поляковъ и не дать имъ времени собраться и заступить ему дорогу.

Придвинувшись къ польской границѣ, Ласкій отбросилъ польскій отрядъ, охранявшій границу, очистилъ дорогу отъ засѣкъ, которыми была завалена долина для затрудненія перехода войскъ, и въ первыхъ числахъ ноября сталъ въ Снятинѣ. Въ это время дали Лопушняну знать о грозившей ему опасности. Испуганный господарь сталъ собирать свои войска, мало подготовленныя къ бою, расположивъ ихъ до 25 т. на Сочавской долинѣ, а для переправы черезъ рѣку навелъ мостъ, защитивъ его пушками. Между тѣмъ отряды Ласкаго уже приближались къ столицѣ, не встрѣчая вѣстниковъ отъ единомышленныхъ бояръ. Гераклидъ былъ крайне смущенъ и сталъ уже подумывать о пріисканіи себѣ убѣжища въ Польшѣ, чтобы избѣжать случайностей войны, но Ласкій и Антонъ Шекели пристыдили его за трусость и онъ остался. Подойдя къ мосту, Ласкій сообразилъ, что не овладѣетъ имъ безъ большихъ потерь, поэтому послалъ Шекели внизъ по теченію рѣки съ небольшимъ отрядомъ искать брода. Когда Шекели остановился на удобномъ мѣстѣ для переправы и обнаруживалъ намѣреніе пе-

рейти рѣку, то молдаване, желая помѣшать ему, передвинули пушки съ моста къ мѣсту переправы Шекели, очистивъ, такимъ образомъ, дорогу Ласкому. Лишь только убрали пушки, Ласкій, какъ молнія, бросился на мостъ, вслѣдъ за нимъ кинулись Руссель съ Бургундцами, Виллье и Стефанъ Баторій съ артиллеріей, за которой слѣдовала пѣхота. Когда всѣ войска перешли рѣку, Ласкій построилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ и сказалъ рѣчь, которую мы приводимъ, такъ какъ она характеризуетъ оратора. „Не жажда власти и добычи, говорилъ онъ, привели меня сюда. Вы знаете, что я никогда не гонялся за чужимъ добромъ, а скорѣе дѣлился своимъ собственнымъ съ мужественными и доблестными воинами, если надо было добыть себѣ славу и обезсмертить свое имя, которое сохранилось бы въ памяти потомства. По примѣру героевъ древности, я помогаю только тѣмъ, которыхъ преслѣдуетъ людская неправда. И теперь передъ вами благородный потомокъ древнихъ и славныхъ вождей этой страны, проситъ насъ, чтобы мы остріемъ нашихъ мечей возвратили ему престолъ отцовъ и дѣдовъ его“. Послѣ рѣчи Ласкій хотѣлъ уже подать знакъ къ наступленію, какъ изъ непріятельскаго лагеря раздался звукъ трубы, приглашающій къ переговорамъ. Вслѣдъ затѣмъ показался знакомый воинъ Михаилъ Рачъ, присланный Іоанномъ Сигизмундомъ Заполей въ помощь молдавскому господарю. Ласкій съ своей стороны выслалъ своего намѣстника Сигизмунда Рожна, герба Свобода, испытаннаго въ бояхъ воина, узнать, съ какою цѣлью пріѣхалъ посланный. Приближаясь на встрѣчу Рачу, Роженъ замѣтилъ, что оруженосецъ Рача несетъ за нимъ копье и, не обращая на это вниманія, пошелъ имъ на встрѣчу, не зовя никого изъ своихъ на помощь. Рачъ при приближеніи Рожна выхватилъ изъ рукъ своего оруженосца копье съ очевиднымъ намѣреніемъ бросить его въ намѣстника Ласкаго, но послѣдній, разсчитывая на живость своего коня и держа свое ружье въ готовности, не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока Рачъ не бросилъ въ него копьемъ, тогда онъ отскочилъ въ сторону и выстрѣлилъ въ противника изъ ружья. Пуля, отскочивъ отъ закаленныхъ латъ Рача, зажгла на немъ перевязь. Рачъ, не будучи въ си-

лахъ потушить огонь, бросился къ своимъ, вслѣдъ за нимъ исчезъ и Роженъ въ рядахъ молдаванъ. Въ арміи Ласкаго считали его уже погибшимъ, но черезъ четверть часа онъ вернулся къ своимъ цѣлъ и невредимъ.

Негодующее войско Ласкаго стремительно кинулось на молдаванъ, и ихъ передніе ряды дрогнули, а задніе побѣжали, побѣжалъ и ихъ князъ чуть ли не первымъ съ поля битвы. Отрядъ въ тысячу человѣкъ, охранявшій Александра, разбѣжался; Французы и Бургундцы бросились за ними съ ружьями и нанесли имъ особенно большой уронъ, когда подоспѣлъ Петръ Долива съ артиллеріей и далъ залпъ изъ орудій. Испуганныя лошади валаховъ раскидали своихъ всадниковъ по полю; но главныя силы молдаванъ еще продолжали сражаться, пока Ласкій не врѣзался въ самую середину ихъ и не взялъ господарскую хоругвь; только тогда они сдались съ своимъ предводителемъ Богданомъ. На полѣ битвы легло три тысячи молдаванъ, плѣнниковъ никто и не считалъ, потому что Гераклидъ, желая лаской и милостью задобрить своихъ новоподданныхъ, приказалъ распустить ихъ по домамъ. Новый господарь, вступая въ столицу, былъ торжественно встрѣченъ духовенствомъ и боярами.

Александръ Лопушнянъ, какъ только получилъ вѣсть изъ Польши о движеніи Гераклида и Ласкаго, отправилъ свое семейство съ сокровищами на Дунай, а теперь самъ послѣ проиграннаго сраженія остановился надъ Прутомъ въ ожиданіи, не пришлютъ ли ему придунайскіе паши или Валашскій господарь просимой помощи, смутно при этомъ надѣясь, что, можетъ быть, и его армія, разбитая и разсѣянная, соберется къ нему на подмогу. Въ тоже время и Гераклидъ не дремалъ: онъ сейчасъ же хотѣлъ выступить противъ своего врага, чтобы не дать ему времени оправиться и совсѣмъ уничтожить его, но военный совѣтъ рѣшилъ ожидать молдавскихъ войскъ, которыя окружили бы своего законнаго князя и вмѣстѣ съ нимъ выступили бы противъ Лопушняна.

Въ короткое время собралось до 25 т. охотниковъ молдаванъ; откуда-то добыли 32 пушки, снабженныя всѣмъ необхо-

димымъ, и вновь сформированная армія подъ начальствомъ молдавскаго гетмана Ласкаго, выступила въ походъ. Лишь только узнали въ лагерѣ Лопушняна о приближеніи непріятеля, то сейчасъ же сняли мостъ на р. Прутѣ близъ села Густъ. Антонъ Шекели, дѣлая рекогносцировку, наткнулся на небольшую деревню изъ нѣсколькихъ хатъ на самомъ берегу Прута, противъ лагеря непріятеля, и нашелъ ее мѣстомъ, удобнымъ для засады. Съ этой цѣлью онъ разставилъ пушки между хатами деревни, а стрѣлковъ выстроилъ въ боевомъ порядкѣ на берегу рѣки, противъ непріятеля, запретивъ тѣмъ и другимъ стрѣлять, пока онъ не подастъ знака, а чтобы скрыть отъ непріятеля артиллерію и стрѣлковъ, онъ впереди послѣднихъ выстроилъ конницу. Моцокъ, видя только кавалерію и думая, что все можно будетъ кончить миромъ, просилъ вступить въ переговоры. Шекели далъ согласіе, и Моцокъ подъ охраной небольшого отряда приблизился, а молдаване, не подозрѣвая засады, тоже сбѣжались поглазѣть на красивую конницу непріятеля. Тогда по знаку Шекели конница разступилась, и стрѣлки, выступивъ изъ засады, стали поражать любопытныхъ молдаванъ, а убійственный артиллерійскій огонь довершилъ дѣло стрѣлковъ. Шекели, не желая дать врагу убѣжать или дождаться турецкой помощи, собралъ заранѣе приготовленныя бочки, связалъ ихъ хворостинами дубняка и березняка, устроилъ изъ нихъ понтонный мостъ, устлавъ его хворостомъ и соломой и защитивъ пушками. Когда все было готово, онъ сталъ переводить войска, но Александръ, услыхавъ о его зятѣяхъ, не сталъ его дожидаться и бѣжалъ въ Силистрію. Тамъ, забравши свое скрывающееся семейство, уѣхалъ съ нимъ на жительство въ Константинополь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Замчисько.“

РАЗСКАЗЪ.

I.

Неоглядная степная равнина далеко тянется во всѣ стороны отъ с. Бечменъ. Единственная возвышенность этой равнины—старое замчисько, расположенное на исскуственной насыпи. Широкіе муры кольцеобразно облегли высокій, круглый холмъ и „панують на все мисто“. „Изъ муривъ“ далеко видать во всѣ стороны... На пространствѣ, какое можетъ только охватить взглядъ, виднѣется много деревень и селъ. Вы будете считать ихъ и, должно быть, не сочтете...

Старыя стѣны еще крѣпки. Трещинъ въ нихъ немного. Круглыя, оконныя отверстія, симметрично расположенныя въ верхнемъ ярусѣ стѣнъ, придаютъ мурамъ издали видъ легкой рѣшетки, поставленной на массивномъ, безпросвѣтномъ основаніи. На выступахъ, покрытыхъ мохомъ и травой, растетъ „грабына“ и маленькія березки. Одинъ Богъ знаетъ, какъ онѣ сюда попали...

Внутри замчиська—круглая площадь. Тутъ лежатъ груды комней. Въ одномъ мѣстѣ—провалъ и ходъ въ „лёхъ“, въ другомъ—остатки жженой смолы и дегтя. Тутъ же, неизвѣстно съ какою цѣлью, врытъ на половину въ землю небольшой каменный крестъ. Быть можетъ—чья нибудь могила...

Тропинки и тераски холма, вьющіяся въ разныхъ направленіяхъ, усѣяны каменьями, падающими со стѣнъ, и издали

холмъ кажется унизаннымъ какъ бы каменными ожерельями. Украшеніе замка было оригинально, какъ и онъ самъ.

Съ трехъ сторонъ замчисько окружаютъ бечменскія поля. Съ одной только—протекаетъ небольшой ручеекъ, высыхающій лѣтомъ, но за то „буйно“ шумящій въ весеннее половодье. Берега ручейка покрыты невысокимъ, но густымъ лознякомъ. Мимо холма проходитъ большая трактовая дорога.

Странное впечатлѣніе производитъ старый замокъ своимъ видомъ.

Днёмъ этотъ холмъ, среди хлѣбородныхъ полей, не имѣющихъ ничего общаго съ мертвыми мурами, кажется неумѣстнымъ, некстати. Онъ нарушаетъ симметрію, цѣльность картины. Своей круглой, правильной формой съ усѣченнымъ верхомъ и расплывшимся основаніемъ онъ напоминаетъ громадный пень, который забыли срыть послѣ того, какъ срубили громадное дерево-гигантъ. „Отъ якъ бачите, говорятъ бечменцы, всюды ривно, якъ на долони, а тутъ Богъ гору давъ.“

Старый замокъ не любилъ дневнаго свѣта. Онъ ждалъ ночи. И не даромъ... Сумерками, когда тѣнь покрывала бечменскія поля, когда темное небо зажигалось множествомъ звѣздъ, замчисько было величественно. Оно какъ бы вытягивалось въ высоту и становилось еще выше. Сквозь его круглыя окна свѣтили группы далекихъ звѣздъ. Какой-то таинственной задумчивостью вѣяло отъ этихъ темныхъ стѣнъ. Это была уже не рѣшетка, а какая то грандіозная, фантастическая корзина съ красивымъ узорчатымъ верхомъ. Это былъ уже не пень, а скорѣе какой нибудь вѣнецъ, корона, усѣянная мерцавшими брилліантами. И чудилось, что давно, давно, въ сказочныя времена какой нибудь князь или король-великанъ, пораженный въ страшной битвѣ гигантовъ, спасался бѣгствомъ въ этой мѣстности и потерялъ свою корону... Съ тѣхъ поръ такъ и лежитъ она тутъ на бечменскомъ „шляху“ и гніетъ...

Кто насыпалъ этотъ холмъ? Кому понадобилась эта высота на этой неоглядной равнинѣ?

„Кажуть люде, що тутъ колысь спотычка съ татарвою була... Якійсь князь колысь живъ... Съ кимъ-сь воевавъ“...

„Може й такъ... Хто ёго знае“...

Во всякомъ случаѣ въ міросозерцаніи бечменцевъ старое замчисько занимало важное мѣсто. Съ замчискомъ связано много такого, что заставляло бечменца порой качать въ недоумѣніи головой и задумчиво говорить: „тее то... якъ-то его.. Богъ его святый знае“...

Извѣстно, всякое мѣсто страшно, если въ немъ завелась,— „просты Господи“,—нечисть. Но особенно страшно такое мѣсто, въ которомъ для этой нечисти слишкомъ много простора. А такими и были старые муры. Здѣсь на просторѣ свободно гулялъ вѣтеръ и могъ раскачивать сколько угодно „грабыну“, могъ сносить со стѣнъ, сколько ему было угодно, нетвердо лежавшіе камни. Давно тутъ никто не жилъ. Лишь коршуны вили здѣсь свои гнѣзда, да совы вылетали отсюда и кружились въ темнотѣ надъ селами, оглашая равнину своими неопредѣленными звуками.

Ни одно мѣсто не внушало бечменцамъ столько загадочности, таинственности и страха, какъ замчисько, разсказы о которомъ были извѣстны по всей окрестности.

„И, Господы ты Боже мій, чого тыльки люде не розсказують про тыи муры... Слухать не переслухать“...

Говорятъ, въ глубокомъ леху сидитъ монахъ съ святой книгой и спитъ. Другіе говорятъ, что не монахъ, а князь спитъ. Третьи—, что самъ „муровый живе въ замчиську и хапае часомъ людей“. По временамъ онъ наводитъ на нихъ всякую хоробу: „и трасцю, и чорну болизть, и холеру“, и что подвалы замчиська наполнены людскими костями.

Порою въ сильную бурю, при свистѣ вѣтра межъ щелями замчиська, слышенъ тутъ звонъ и плачъ. Бечменскій панъ-дьякъ слышалъ однажды въ замчиську колокольный звонъ и пѣніе; а кузнецъ Мусій удостовѣрялъ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что онъ слышалъ удары молота и звонъ цѣпей. „Всяке, всяке“ разсказываютъ про старое замчисько.

Въ Малороссіи много мѣстъ съ загадочнымъ настоящимъ, неяснымъ прошлымъ и печальнымъ будущимъ. Въ будущемъ замчисько ожидало разрушеніе.

II.

Въ одну весеннюю ночь недалеко отъ замка, на лужайкѣ, у костра расположились ночлежники. Ночь была тихая, свѣжая, одна изъ самыхъ лучшихъ весеннихъ ночей, когда лѣто не вошло въ свою силу, а весна не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ. Въ воздухѣ было прохладно и сыро, но вѣтра не было, и пламя костра держалось прямо, „якъ на припечку“. У огня стоялъ горшокъ съ крупникомъ, а въ золѣ пеклась „бульба“.

Ночлежники—хлопцы изъ с. Бечменъ—сидѣли у огня, поджавъ подъ себя ноги, и разговаривали. Ихъ было трое. Степанъ и Иванъ имѣли каждый лѣтъ подъ двадцать; это были здоровые, рослые парни, о которыхъ говорили, „що имъ не мынноваты москаливъ“, въ случаѣ набора. Обое любили „побалакать, пожартовать“. На вечерницахъ не было лучшихъ говоруновъ, какъ они. Нѣкоторую противоположность своимъ товарищамъ представлялъ третій ночлежникъ — маленькій Петрусь. Ему былодвѣнадцать лѣтъ, но на видъ онъ казался моложе.

Низкорослый, сутуловатый, съ длиннымъ, блѣднымъ лицомъ и преждевременно впалою грудью, онъ представлялся болѣзненнымъ, хилымъ. Говорить много онъ не любилъ, но въ разговоры иногда вмѣшивался; по временамъ—кашлялъ..... Степанъ и Иванъ во всѣхъ отношеніяхъ брали верхъ надъ слабымъ Петрусемъ и командовали имъ. У матери онъ былъ „едынакъ“.

— Отъ и пишовъ винъ до рички, разсказывалъ Степанъ, напыться воды. Иде... А за нымъ все хтось нибы говорыть: „ой вернысь, бо глечика забувъ... вернысь бо глечика забувъ... не буде чимъ напыться, вернысь-бо“. Винъ ставъ и сказавъ: „зовсимъ не забувъ, бо ось глечикъ въ руци“. А въ его бувъ таки глечикъ. Отъ и пишовъ, и якъ ставъ зачерпаты воду, то такъ щось и потягло туды...

Разскащикъ сдѣлалъ руками жестъ отъ себя къ огню, какъ бы показывая, какъ его потянуло.

— Втопывся? переспросили въ одинъ голосъ товарищи.

— Ни, не втопывся. Крычаты ставъ. Чоловики почулы, выратовалы. Алежъ съ теи поры занедужавъ неборака, а потымъ вмеръ. Кажуть, съ того нибы...

— Эге, эге, и я чувъ также, перебилъ Иванъ, що нибы муровый колысь то давно бравъ соби въ муры або самого крипака хлопця, або саму наикращу дивку зъ села, и ризавъ ихъ на кавалки и ивъ. Чулы люде, якъ нибы воны крычалы въ мурахъ.

— То такъ було. На святу Паску, въ Велыкдень, оно тыльки сталы дякы клыкаты Христа [1]) на цвинтари, то винъ и выхопывъ хлопця. Писля розвыднило... Вси е, а хлопця нема...

— Нема?

— Нема.

— Такъ и пропавъ?

— Пропавъ. Кажуть, винъ писля кожного рапту закрывае по едному викну. Нибы такъ: вхопыть едного року хлопця и забье едне викно; визьме на другій рикъ—друге викно забье. Оттого-то въ замчиську де яки окна забыты. И еще кажуть, що якъ винъ хоче хапаты, то выглядае зъ-за своихъ муривъ. Стане, зопрется обыма руками на мурысько и озырае то туды, то сюды, на вси села... на Клодню, на Хавчики, на Жмурище...

— И на Бечмены?

— И на Бечмены, и на Загорье, на вси села, геть, геть, що выдны зъ муривъ. И вызырае, поки не выбере. Водыть очима то туды, то сюды,—страховыще таке.

Степанъ сдѣлалъ большіе глаза, закатилъ зрачки и повелъ ими направо, потомъ налѣво. Петрусь и Иванъ судорожно засмѣялись. Петрусь перемѣнилъ положеніе. Онъ легъ ближе къ огню.

— То певне брешуть, замѣтилъ онъ, подкладывая свои маленькія рученки подъ щеки и смотря на огонь.

— Брешуть, презрительно отозвался Степанъ. Самъ ты брешешь. Нащось-бы-то брехаты? Самъ чувъ—стари люде росказують.

---

[1]) „Клычуть Христа“, т. е поютъ попеременно то священникъ, то дьячекъ „Христосъ воскресе“ передъ наружными дверьми, въ пасхальную заутреню.

— Я не кажу... Може тее и було... Нибы тее давно, колысь-то перше...—несамоувѣреннымъ голосомъ, робко возражалъ маленькій скептикъ: але теперь того нема, винъ не бере.

— Не бере. Почимъ ты знаешь? Може де и бере? Розумный ты дуже, отъ що... Розумнійшій наветь видъ старыхъ людей. Отъ поправь лучше горшокъ, да перекинь бульбу, щобъ не припеклася.

Петрусь поставилъ горшокъ ближе къ нагорѣвшему углю, взялъ „патычокъ“ и сталъ имъ бороздить золу, въ которой пеклась бульба. Степанъ досталъ изъ пазухи мошну съ тютюномъ и сталъ крутить папиросу. Иванъ развязывалъ лапти на ногахъ.

— И про викна, що ты казавъ, также певне тее... продолжалъ Петрусь, видимо довольный своей оппозиціей.

— Що?

— Брехня, здается...

— У тебе все брехня. А еднаково ты не пишовъ-бы еденъ въ замчисько?

Вопросъ былъ предложенъ серьезный. Петрусь подумалъ и отрицательно покачалъ головой.

— Ни, то друге дило...

Минуту шло молчаніе.

— Ще не вси викна забывъ, тыльки зъ еднои стороны де яки забыты, сказалъ какъ бы про себя Иванъ, придвигая свои разутыя, грязныя ноги къ огню и вороша отъ удовольствія пальцами то одной, то другой ноги.

Петрусь украдкой поглядѣлъ въ сторону. Въ темнотѣ сразу ничего не было видно; но вглядѣвшись пристальнѣе, можно было замѣтить на темно-голубомъ фонѣ звѣзднаго неба рѣзко выдѣлявшійся чорный силуэтъ мрачнаго замка и даже различить оконныя отверстія, свѣтившіяся длиннымъ рядомъ....

— Може по твоему и те брехня, що въ замчиську холеру смолою облывалы? спросилъ Степанъ.

— Та таки брехня.

— А якъ-же по твоему смола взялася въ замчиську?

— Якъ взялася?! Люде смолу гналы, тай тее.... осталася.

Тѣ засмѣялись.

— Хтось-то стане въ замчиську смолу гнаты, хиба выгона нема, чи що?

— А я чувъ такъ, сказалъ Иванъ, що люде споткалы холеру въ замчиську и сказалы ій: „мы тебе не боимося, бо въ насъ е дёготь и часныкъ“. А вона засміялася и сказала:

Дёготь вашъ—до чобитъ,
А часныкъ—до ковбасъ,
А я таки иду до васъ.

— А що? Га? подхватилъ торжествующимъ голосомъ Степанъ, обращаясь къ Петрусю. Що ты протывъ сёго скажешь? Може по твоему и се брехня? Га?

Петрусь молчалъ. Очевидно, аргументъ былъ для него одинъ изъ самыхъ важныхъ. Потомъ, сообразивши, онъ началъ было возражать, что нечего смолою обливать холеру, если она „не боится нибы дёгтю, тее...“ Но его осмѣяли и онъ спутался.

— Ну, колы вы кажете, то и я спытаю васъ, началъ храбро и замѣтно оживляясь Петрусь.

Ну, спытай, отвѣтилъ Степанъ, приготовляясь держать отвѣтъ на всякое возраженіе Петруся.

— Скажить вы мени, нащо хрестъ стоить на замчиську, колы тамъ тее... нечиста сыла?

— Звистно—такъ пришлося.... Люде поставылы. Тай хрестъ вже наполовыну сховався въ землю. Муровый хутко зовсимъ вжене его въ землю.

— А чому-жъ винъ теперъ не бере людей?

— Пожды може тебе якъ разъ вхопыть, отвѣтилъ спокойно Степанъ, тоди згадаешь, чи я правду кажу.

Иванъ широко раскрылъ ротъ, засмѣялся и еще быстрѣе сталъ ворошить пальцами ногъ. Это ему нравилось.

— Ни, не вхопыть, отвѣчалъ серьезно Петрусь.

— Зобачишь.

Молчаніе. Петрусь задумчиво глядѣлъ въ огонь.

— Дывысь, выкипае. Степанъ кивнулъ Петрусю на горшокъ. Тотъ вытянулъ горшокъ изъ углей. Ужинъ былъ готовъ. Ночлежники принялись за вечéру. Но не успѣли они „войты

въ смакъ“, какъ въ мурахъ раздался неопредѣленный, протяжный звукъ. Иванъ несъ ко рту бульбу, да такъ и замеръ въ этомъ положеніи. Степанъ смотрѣлъ поверхъ огня, широко раскрывъ глаза и поднялъ предъ собой указательный палецъ. Петрусь сидѣлъ съ открытымъ ртомъ, держа ложку въ горшкѣ. Всѣ внимательно прислушивались. Звукъ повторился.

— А бачь! сказалъ Степанъ Петрусю, когда въ звукѣ не оставалось сомнѣнія. Не казавъ я?!

— Що, то ничого... то певне сова шипыть, або може тее... кицька, або що.

— Кицька!? Въ поли десь, дурнысько, кицька визьметься?!.. Также сказавъ ще...

Негодованіе товарищей противъ Петруся возросло. Въ эту минуту они были настроены видѣть въ каждомъ звукѣ и шорохѣ что нибудь необыкновенное. Конечно, случись этотъ звукъ днемъ, на него не обратилъ бы никто никакого вниманія, но здѣсь, при такой обстановкѣ, онъ говорилъ разгоряченному воображенію многое. Скептицизмъ Петруся былъ очень неумѣстенъ. На него въ одинъ голосъ напали и Степанъ, и Иванъ, которымъ не хотѣлось, чтобы всё это было такъ просто. Имъ, напротивъ, очень хотѣлось завтра разсказывать на селѣ, какъ они ночевали у замчиська, какъ сначала всё было тихо и какъ потомъ, когда они заговорили про муроваго, что то стало шипѣть и пищать. Суевѣрное чувство въ минуту возбужденія подсказываетъ неразвитому разсудку многое, чего не могло бы явиться при правильномъ теченіи мыслей.

Да и самъ Петрусь собственно не былъ хорошо увѣренъ, сова ли это, или кицька, или что нибудь другое. Онъ возражалъ, потому что ему такъ казалось. Конечно, вѣрнѣе всего, что сова... Это возможно. Но вѣдь, можетъ быть, и не она. Можетъ быть, какой нибудь звѣрь, забѣжавшій съ полей... Можетъ быть, кто нибудь подкрался къ нимъ и нарочно пугаетъ... а можетъ и винъ—муровый...

Да и чего не можетъ быть въ головѣ мальчугана, возбужденной грёзами о привидѣніяхъ и страхахъ. Отъ послѣдняго предположенія Петрусь вздрогнулъ. Онъ больше не возражалъ,

лежалъ ничкомъ и думалъ. Настроеніе товарищей незамѣтно передалось и ему. Молча стали приготовляться къ ночлегу.

Петрусь подложилъ подъ голову торбу и накрылся свиткой.

— Де то моя булана, щось не чуты дзвонка? Треба пойты подывыться, сказалъ, вставая и оглядываясь во всѣ стороны, Степанъ.

— Може зашла де далеко, дополнилъ его мысль Иванъ.

— Пиды но, Петро, найды, та нажены, обратился Степанъ въ шутливомъ тонѣ къ Петрусю.

— Иды самъ. Твоя кобыла, ты и иды.

— А я хочу, щобъ ты пишовъ.

— Не пиду.

— А я-жъ тебе прошу. Троячку дамъ. Калача у Гиси купышь.

— Самъ ижъ.

— Злякався.

Товарищи засмѣялись.

— Зовсимъ ни. Не хочется.

— Не хочется, передразнилъ его Степанъ, бо боишься, щобъ не вхопыло.

— Може ты боишься.

— Я?! Чого?! А ты боишься. По тоби выдно, що боишься. Храбрый же ты, Петро, якъ я бачу, дуже храбрый... На языци въ тебе ничого нема, ніякого страха, а якъ до дила приходыться, то и страхъ звиткильсь берется.

— Та що ему теперъ, продолжалъ Иванъ. Глянь, якъ накрывся. Для ёго теперъ нема ніякихъ страхивъ.

— Для ёго и замчиська певне нема. Петро, а Петро, скажи-но, чи то правду люде кажуть, що замчисько нибы на гори стоить, чи може брешуть?

Петро молчалъ; товарищи продолжали подтрунивать.

— Я знаю, чого винъ такій безбоязный. Бо ёго маты якъ вродыла, то въ ночовкахъ, або въ корыти плаваты заставляла, та весла не давала, сказалъ Иванъ и „на всю губу“ засмѣялся своей остротѣ.

— А я чувъ, що за пазухою до пятого року держала.

— Тай теперь держить.

— Петро, а Петро, скажи-но, чи тепло у матери за пазухою седиты?

— Ни, винъ теперь за пазухою не седыть. То колысь було. Винъ въ закутокъ теперь лазыть, тамъ и спыть.

— Бо винъ теперь,—треба таки сказаты правду,—велыкій ставъ.

— Эге, я чувъ, маты ёго хутко оженыть. Тылькы дивкы ніякъ не подбере...

— Щобъ по закутку пришлась.

— Петро, а добре спаты у закутку?

— Певне лучше таки якъ на ночляхъ. Зигнувся въ штыри погибели.

Шутки истощились. Степанъ зѣвнулъ.

— Ну, а все-жъ таки треба иты нагнаты свою булану.

Онъ накинулъ уже на плечи свитку и собрался идти. Но Иванъ, которому еще не хотѣлось спать, молча подмигнулъ ему на лежавшаго Петра.

— Петро, ну то скажи, не пидешь за буланою?

Молчаніе.

— Ну, то ходы зо мною, якъ самъ не хочешь.

— Та де тамъ... не пиде. Отъ якъ-бы ще мама просыла, то винъ може и пишовъ бы зъ нею, уципывшись за спидныцю.

Петрусь быстро скинулъ съ себя свитку и поднялся.

— Въ яку сторону пишла твоя булана? спросилъ онъ. На его рѣсницахъ дрожали слёзы, но онъ храбрился.

— Въ лозы, геть, отвѣчалъ Степанъ, указывая въ промежутокъ между замчиськомъ и ручейкомъ. Та подвяжи постола на правій нози, повидъ розвязався. Петрусь небрежно замоталъ поводъ кругомъ ноги.

— Ай, да Петро, отъ такъ Петро! Иды, иды дальби дамъ троячку на калачи.

— Пишовъ...

— Пишовъ, розсердывся.

— Нехай, бо дуже мудрый ставъ.

III.

Но Петрусь не слышалъ ихъ. Въ сильномъ волненіи онъ даже не замѣтилъ, какъ отошелъ на порядочное разстояніе отъ костра и вошелъ въ лозы. Въ сторонѣ, по правую руку, стояло замчисько, но онъ старался не глядѣть на него. Досада, вызванная насмѣшками товарищей, изгладила въ немъ первоначальное настроеніе робости, и онъ шелъ твердо, обычною поступью. Но по мѣрѣ того, какъ лозы становились гуще, досада забывалась. Забывались и шутки товарищей. Страхъ постепенно сталъ овладѣвать его робкой душой. Онъ остановился. Сердце въ немъ сильно билось....

„Ну, щожъ, вернусь... Скажу не найшовъ... Велыка бида“...

Онъ уже повернулъ назадъ, но услышалъ знакомый звукъ колокольчика буланой.

„А щобъ тебе холера зъила! болячки на тебе нема!“— сказалъ онъ въ сердцахъ и повернулъ въ сторону колокольчика. Вернуться къ костру съ буланой—было бы лучшимъ тріумфомъ въ его положеніи.

Мысль о замчискѣ и его таинственномъ обитателѣ ни на минуту теперь не оставляла впечатлительнаго Петруся. Обходя какой то „корчъ“, онъ глянулъ въ сторону. Поверхъ лозъ какъ-бы висѣла въ воздухѣ мрачная громада замчиська. Его очертанія были теперь особенно рельефны. Онъ обошелъ кустъ. Ему хотѣлось взглянуть еще разъ. На этотъ разъ оконныя отверстія въ мурахъ показались ему какъ бы свѣтлѣе. Петрусь быстро отвернулъ голову и прислушался. Звонка не было слышно,— звенѣло только въ ушахъ.

„Це мени певне прикметылося, що дзвонокъ... Ничого нема... тее... треба назадъ...“

Онъ повернулся назадъ и, не разбирая дороги, бросился къ выходу изъ лозъ. Замчисько непонятной силой манило его взоръ къ себѣ. Онъ остановился перевести духъ.

„Ну щожъ! ну и подывлюсь... Ну, и ничого... Щожъ зъ того?! Я ёму ничого тее... не зробывъ.... Я тее тильки, такъ

соби...“ старался Петрусь успокоить самого себя, но напрасно. Воображеніе работало сильнѣе и сильнѣе.

Ему почудилось, что за стѣнами замчиська копошится что-то такое, что тамъ вздувается какая-то темная масса, на подобіе кваши въ громадной квашнѣ... Онъ глянулъ еще, и еще... Масса то опускалась, то подымалась.

Вдругъ, за стѣнами замчиська моментально показался громадный старикъ съ сѣдой бородой, раскинутой во всѣ стороны. Перегибаясь чрезъ свою оконную рѣшетку, онъ то и дѣло заглядывалъ въ сторону костра и медленно поводилъ головой изъ стороны въ сторону. Глаза его были опущены. Лицо—морщинистое, задумчивое. На головѣ—ни волоска. Онъ опирался руками о концы стѣнъ и какъ-бы кого то искалъ....

Ноги подкосились у бѣднаго Петруся. Онъ весь задрожалъ. Въ горлѣ перехватило дыханіе. Глаза стали на выкатѣ. Онъ глядѣлъ предъ собой и бѣжалъ. Вдали былъ уже видѣнъ костеръ. Вотъ, вотъ близко.... Онъ добѣжитъ. На пути пришлось обѣжать кустъ. Замчисько снова бросилось въ глаза.

Привидѣніе росло. Вотъ онъ всё вытягивается и вытягивается. Выше и выше подымается у него голова. Глаза сверкнули разъ, другой. Онъ увидѣлъ Петра и протягиваетъ къ нему свои необъятныя руки. Его глаза засвѣтились радостью.

Петрусь инстинктивно пригнулся. Но въ это время сильная рука схватила его за спину.

— Ай! Ай! взвизгнулъ не своимъ голосомъ Петрусь и повалился на землю. Онъ лишился чувствъ.

IV.

— Це Петро крычить... сказалъ зѣвая Иванъ, улегшійся уже спать.

— Эге, здается винъ, подтвердилъ Степанъ, приподымаясь и облокачиваясь на руку.

— Прошло нѣкоторое время. Буланой не было, не было и Петра.

— Що винъ такъ довго?

— Нехай шукае, успокоительно замѣтилъ Степанъ и улегся опять спать.

— Но въ это время донесся неясный стонъ Петруся. Степанъ и Иванъ молча въ одинъ прыжокъ вскочили съ своихъ мѣстъ и побѣжали по направленію голоса. На опушкѣ лозняка они натолкнулись на лежавшаго Петра и бормотавшаго что-то такое совершенно безсвязное. Глаза его были странно выпячены... Размотавшійся поводъ лаптя крѣпко зацѣпился за лежавшую „ломаку“ и держалъ одну ногу вытянутою.

— Господи, що се зъ Петромъ?!

— Бери, бери за ноги...

— Отъ несчастье.

— А не казавъ я...

Они принесли Петра къ костру, уложили его близъ огня и накрыли своими свитками. Степанъ и Иванъ больше не шутили. Въ тревожномъ настроеніи они просидѣли до разсвѣта, слушали неясный бредъ Петруся и, когда разсвѣло, отвели его страшно блѣднаго и измученнаго въ село.

V.

До пріѣзда доктора больной лежалъ накрытый ночовками, на которыхъ „мяломъ“ разбили нѣсколько горшковъ и мисокъ. Потомъ привезли доктора „зъ миста“. У Петруся оказалась сильная горячка отъ перепуга. Чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ.

Разспросы доктора о причинѣ болѣзни не привели ни къ чему. Крестьяне давали самыя сбивчивыя показанія. Большинство говорило: „хто може знаты? Богъ знае“.

Когда докторъ уѣхалъ, а маленькій Петрусь лежалъ на могилкахъ, бечменцы высказывались опредѣленнѣе: „винъ вхопывъ... То его дило... Давно не бравъ... Винъ хоробу наславъ“.

Въ весну Петрусевой смерти огороды, расположенные вблизи замчиська, опустѣли. Суевѣрныя хозяйки боялись въ нихъ что либо садить. Камни, увезенные нѣкоторыми изъ крестьянъ на постройку домовыхъ печей, были привезены обратно. Изъ замчиська никто ничего не рѣшался брать. Изъ хлопцивъ, любив-

шихъ на Пасху бѣгать по замчиську и играть тутъ въ рѣшетку, очень немногіе посѣтили замчисько въ свѣтлые праздники. Тропинка къ ямѣ, въ которой копали „червоный песокъ“, заросла травой. И только самые смѣлые изъ ночлежниковъ рѣшались ночевать въ лозняку близъ старого замчиська.

„Чи не знаете-но вы часомъ Олены Тимчучки? Га? Отъ тіеи бабы, що завше швендается по мисти зъ мотузками, та шматья збирае... Эге, эге... беззуба така, горбата, еи дразнять ще „козлячкою“... Тожъ-то маты Петруся. Якъ не вирите, що муровый насылае хоробу на людей, то еи спытайте. Вона все розскаже, якъ дило було. Вона мени росказувала.

Отъ и кажить писля сего, що людей не хапае... Боже бороны! Нехай тому на языци симъ болячокъ сяде, хто се говорить. Присяйби!...

Ѳ. Кудринскій.

Отрывокъ изъ дневника полтавскаго помѣщика.

(1834—35 гг.).

Изучая нашу письменную старину, мы обыкновенно заканчиваемъ это изученіе XVIII-мъ вѣкомъ и далѣе не идемъ, находя, что настоящій вѣкъ представляетъ еще „новину“, а не старину. Между тѣмъ, приблизившись, незамѣтно, къ концу этого XIX-го вѣка, мы настолько отдалились отъ первой его половины, что событія послѣдней отошли уже и для насъ въ исторію, особенно послѣ великой реформы 1861 г.—Разнаго рода письменные памятники первой половины XIX в., которые мы до сихъ поръ отодвигали въ сторону, какъ памятники для изученія которыхъ не настало еще время, не только могутъ, но и должны уже подлежать нашему разсмотрѣнію для изученія исторіи этой первой половины XIX в. Пересматривая недавно разную письменную старину изъ собранія К. Н. Скаржинской (хранящуюся въ х. Кругликѣ, около г. Лубенъ), мы встрѣтили здѣсь немало интересныхъ бумагъ, относящихся къ перв. полов. XIX в., особенно среди частной переписки мѣстныхъ помѣщиковъ. Тутъ же встрѣтили мы и дневникъ лохвицкаго помѣщика Н. В. Райзера, веденный имъ въ тридцатыхъ годахъ.—Фамилія Райзеровъ звучитъ непривычно среди лохвицкихъ помѣщиковъ нач. XIX в., когда уѣздъ этотъ состоялъ лишь изъ Гамалѣевъ, Ходолѣевъ, Корсуновъ, Слюзовъ, Суковъ... Райзеры попали въ кругъ помѣщиковъ полтавской губерніи случайно. Прадѣдъ автора дневника—Викентій Райзеръ прибылъ въ Россію на службу едва-ли еще не при Петрѣ Великомъ; служилъ онъ вице-

президентомъ бергъ-коллегіи, имѣлъ чинъ дѣйст. ст. совѣтника и оставался на службѣ 50 лѣтъ; такъ писали его дочери въ одномъ своемъ прошеніи 1780 г. Сынъ этого Викентія Райзера, Викентій же, служилъ въ военной службѣ, участвовалъ въ покоренія Крыма, былъ произведенъ за эту службу въ чинъ генералъ-поручика и вслѣдъ затѣмъ (кажется въ 1780 г.) умеръ. Служба В. В. Райзера была настолько замѣтна, что императоръ Павелъ вспомнилъ о ней при своемъ воцареніи и нашелъ нужнымъ наградить семью умершаго генерала—пожалованіемъ значительнаго имѣнія. Трощинскій писалъ (10 дек., 1796 г.) вдовѣ Райзера, что государь „удостоилъ милостивымъ воспоминаніемъ заслугъ покойнаго супруга, въ воздаяніе которыхъ намѣреніе имѣетъ пожаловать вамъ деревню, предоставляя выборъ оной или въ Малой Россіи изъ свободныхъ казенныхъ селеній или, въ великороссійкихъ губерніяхъ“ [1]). Вдова Райзера пожелала получить пожалованіе въ Малой Россіи и, по указу 2 мая, 1797 г., ей было дано крестьянъ 532 д. м. п.; изъ нихъ въ с. Поставмукахъ (лохвицк. у.)—277 д., въ д. Пятигорцахъ (лубенск. у.)—13 д., въ с. Селищѣ (переясл. у.)—161 д. и въ д. Нестеровкѣ (остерск. у.)—121 д. У Вик. Вик. Райзера осталось два сына, Вилимъ (род. ок. 1766 г.) и Степанъ, и дочь Катерина, бывшая потомъ замужемъ за кн. Дм. Мих. Цицiановымъ. О Степанѣ мы ничего не знаемъ, а Вилимъ или Вильгельмъ Р—ръ служилъ, какъ и отецъ, въ военной службѣ. Изъ одного его письма, писаннаго, въ ноябрѣ 1800 г., изъ „Лиля во Фландріи“

[1]) Служба В. В. Райзера отличена была уже и раньше, тоже, какъ видно, при участіи цесаревича Павла Петровича, судя по слѣдующему письму къ Райзеру Потемкина: „Мил. Госуд. Викентій Викентіевичъ. Съ найпріятнѣйшимъ удовольствіемъ моимъ имѣю случай препроводить къ вашему превосходительству новый опытъ высочайшей ея императорскаго величества за достохвальную службу вашу, милости, которой благоугодно было почтить васъ при высокомъ отъ его императорскаго высочества письмѣ орденомъ св. Анны, съ полученіемъ котораго искренне привѣтствуя, поставляю себѣ непреоборимымъ правиломъ ходатайствовать къ пользѣ и удовольствію вашему при всякомъ преподаваемомъ вами мнѣ случае и быть всегда съ совѣршеннымъ почтѣніемъ и преданностью вашего пр—ва, милост. государя моего, покорный слуга графъ Потемкинъ. Іюля 19 дня, 1775 г. Его Превос. Райзеру“. Какъ извѣстно, право жалованія голштинскимъ орденомъ св. Анны Екатерина II предоставила цесаревичу Павлу Петровичу.

видно, что онъ болѣе года находился „во Франціи военноплѣннымъ“ [1]). Затѣмъ, при образованіи въ 1812 г. полтавскаго земскаго ополченія, начальникомъ котораго былъ кн. Фил. Сем. Жеваховъ, Вил. Райзеръ былъ назначенъ „губернскимъ есауломъ“ этого ополченія. Послѣ изгнанія французовъ, полтавское ополченіе было направлено въ Польшу, причемъ Райзеръ имѣлъ званіе уже „губернскаго обознаго“ [2]). Дальше Польши полтавское ополченіе, кажется, не двигалось. Райзеръ съ своимъ отрядомъ стоялъ въ Люблинѣ и, кромѣ своего ополченскаго обозничества, несъ еще и другую должность—люблинскаго коменданта. Въ Польшѣ полтавское ополченіе оставалось и въ 1814 г. и, какъ видно, сильно скучало бездѣйствіемъ [3]).—Гдѣ жилъ и когда умеръ, по возвращеніи изъ Польши, В. В. Р—ръ—не знаемъ. Онъ оставилъ сына Николая и двухъ дочерей. Сынъ учился сначала въ харьковскомъ частномъ пансіонѣ Герасима Коваленкова (въ 1820 г.), а затѣмъ поступилъ въ военную службу и въ 1830 г. былъ уже офицеромъ генеральнаго штаба, находясь въ губ. г. Могилевѣ, при главной квартирѣ арміи.

Здѣсь онъ началъ вести свой дневникъ, въ которомъ записывалъ свое времяпрепровожденіе, состоявшее то въ исполненіи служебныхъ обязанностей, то въ посѣщеніяхъ знакомыхъ. Однообразіе дневника, веденнаго въ продолженіи шести лѣтъ, нарушено эпизодомъ о поѣздкѣ Н. В. Р—ра въ отпускъ домой, въ Малороссію, зимою 1834—35 г. Пробылъ онъ въ этомъ отпуску три мѣсяца (декабрь, январь и февраль) и записалъ за это время всѣ свои встрѣчи съ родными и знакомыми и впечатлѣнія. Пріѣхавъ въ Малороссію послѣ шестилѣтняго отсутствія, молодой Н. В. Р—ръ (ему было ок. 30-ти лѣтъ), внимательно всматривался въ домашнюю и общественную жизнь своихъ родныхъ и знакомыхъ и наблюденія эти довольно подробно запи-

---

[1]) „Находясь 14—ть мѣсяцевъ во Франціи военноплѣннымъ, притерпѣваю я совершенно во всемъ недостатокъ, не имѣя здѣсь никого изъ ведущихъ съ Петербургомъ кореспонденцію знакомыхъ“... Попалъ въ плѣнъ Р—ръ, вѣроятно, изъ экспедиціоннаго отряда генерала Германа, отправленнаго въ Голландію.

[2]) См. письмо В. В. Капниста (автора „Ябеды“) къ Р—ру—*въ приложеніи А.*

[3]) См. письмо Томары къ Р—ру, *въ приложеніи Б.*

салъ въ свой дневникъ. Этотъ эпизодъ—о поѣздкѣ Р—ра въ отпускъ въ Малороссію,—мы и печатаемъ здѣсь, какъ заключающій въ себѣ небезъинтересныя бытовыя подробности о частной жизни малорусскихъ помѣщиковъ тритцатыхъ годовъ.

Ал. Л.

Пирятинъ, 3 декабря 1834 г. Около полудня пріѣхалъ въ Пирятинъ.—Хотѣлъ ѣхать въ Поставмуки, какъ входитъ жидъ и говоритъ, что Катинька и Дмитрій Васильевичъ [1]) живутъ въ Давыдовкѣ, восемнадцать верстъ отсюда, и приказали просить къ себѣ, и прибавилъ, что онъ на меня давно выглядывалъ.—Дорога ужасная,—къ вечеру едва дотащился я въ Давыдовку. Сестра обомлѣла у меня на шеѣ.—Какой огромный и толстый у меня зять! Я шесть лѣтъ не былъ, слѣдовательно, можно понять мое удовольствіе! Къ полнотѣ моего удовольствія не доставало чего то,—это доброй моей Настиньки [2]).

6. Мои имянины провели мы дома; никого не было, да у нихъ никого и не бываетъ; странно!—Д. В—а братъ—въ нѣсколькихъ шагахъ и онъ у него не бываетъ.—Странно, что Катинька не любитъ ни дядю, ни даже кого либо изъ нихъ; Д. В. тоже, и очень дурно относились объ Анютѣ и Алексѣѣ.—Но не смотря на то, я желаю ихъ видѣть и мнѣ кажется, что я все еще не дома;—да, признаюсь, мнѣ что то не нравится житье зятя. Домъ двухъ-этажный, въ серединѣ пустой, голый. Да, намеки нашей Насти и принужденное замужество Дашки и слезы, что нечего ѣсть и много кой чего другого, все заставляло меня желать ѣхать въ Поставмуки. Но на мое предложеніе всегда находились отговорки: то лошади въ хуторѣ, то дурная дорога, то—и проч... Любезный старикъ В. Пав. провелъ у насъ почти цѣлый день.

---

[1]) Г—ленко, который женился на К. В. Райзеръ въ 1834 г., будучи вдовцомъ и имѣя отъ первой жены восемь дѣтей, какъ говоритъ его вторая жена въ одномъ своемъ письмѣ.

[2]) Настасья В—на была другая сестра Н. В. Райзера, вышедшая замужъ въ томъ же 1834 г., за Вас. Ал. Коренева.

7. Сегодня пришла Нат. Вас.;—что за смѣшная, однимъ словомъ сорокалѣтняя дѣвушка, толстая, высокая, безобразная,—съ большими притензіями на невинность. Передъ вечеромъ я съ нею пошелъ къ Пав. Вас.—совершенный хохолъ! Жена его уморительно говоритъ по-русски, но они живутъ лучше моего зятя.

9. Мы все-таки ни ѣдемъ! а мнѣ здѣсь дѣлается какъ-то невесело. Не нравится мнѣ что-то зять мой, хотя онъ чрезвычайно ухаживаетъ около меня; но онъ большой эгоистъ, скупъ, упрямъ; всѣ его разговоры о хозяйствѣ, деньгахъ, пріобрѣтеніяхъ, о томъ, что онъ надулъ кого нибудь... Другого же разговора, къ моему сожалѣнью, я замѣтилъ, что не можетъ весть. Нѣтъ, выборъ сестры—незавидный; что заставило ее выдти? Они безпрестанно уговариваютъ меня, чтобы я имѣніе продалъ и Д. В. обѣщаетъ дать больше тысячи рублей противъ другихъ.—Чтобы это значило?

11. Мы еще здѣсь. Но я какъ-то объявилъ, что найму лошадей и уѣду, чтобы видѣться со своими родными, это кажется подѣйствовало и рѣшено завтра ѣхать. Какой безпорядокъ! ни экипажа, ни кучеровъ!—Лошади стояли на бардѣ и здѣсь для нихъ сѣна нѣтъ. Сегодня привелъ Николка мою пару изъ Поставмукъ въ самомъ несчастномъ видѣ. Послѣ обѣда пріѣхала Прися, славная, свѣжая дѣвка...

12. Я никогда не могъ представить, чтобы меня посадили въ такіе сани!—отпускной свитскій офицеръ ѣдетъ съ помѣщикомъ зятемъ и въ такомъ видѣ? Я всю дорогу кипѣлъ, и наконецъ, не вытерпѣлъ—сказалъ, въ Пирятинѣ, сестрѣ: „ей Богу мнѣ совѣстно на людей смотрѣть и я долженъ отворачиваться, когда проѣзжаю мимо кого“. Наконецъ, поздно вечеромъ, мы въѣхали на большой нашъ дворъ, люди встрѣтили насъ. Какое удовольствіе, послѣ шести лѣтъ, вступить въ собственный родной домъ!

13. Въ одинадцать утра поѣхали къ дядѣ. Тамъ еще не знали, что я въ Поставмукахъ. Какъ были рады, довольны всѣ. Часа черезъ два пріѣхалъ Алексѣй и Мари. Я его девять лѣтъ не видѣлъ: молодецъ, хорошъ собой, Мари—мила. Они всѣ такъ рады, увидѣвши меня! за что же я ихъ не буду любить? Да притомъ я не вѣрю тому, что о нихъ мнѣ разсказывали.

Надя и Маша невѣсты и милыя дѣвушки, особливо Надя,—Анюта же почти не постарѣла;—дядинька крѣпко опустился и похудалъ.—На завтра Алексѣй пригласилъ къ себѣ.

14. Кат. и Д. В. сначала не хотѣли ѣхать, но я ихъ уговорилъ. Уль. Ми. также добра и мила, какъ и прежде. Алексѣй живетъ изрядно; въ домѣ порядокъ и онъ смотритъ настоящимъ помѣщикомъ; я его люблю душевно, братски.

15. Обѣдали у дяди Алексѣя, и Мари тоже была. Павинька преуморительный. Надя изрядно бы пѣла, если-бы прибавляла больше смѣлости; у Мари голосъ сдѣлался слабѣе; Маша препорядочно играетъ.

16. День провели тоже у дяди. Пріѣхалъ Трофимъ Степановичъ. Мои его тоже не любятъ, но я не нахожу за что. Досадно видѣть, что Кат. и Д. В—чъ стараются удаляться и какъ бы чуждаются родныхъ. На завтра мы пригласили къ себѣ на обѣдъ.

17. Сестрамъ понравилась моя комната. Играли на Настинькиныхъ фортопіанахъ, которыхъ тонъ очень хорошъ; какъ я чувствую недостатокъ, что нѣтъ моей милой сестры!—Катинька какъ то холодна со мной и замѣтно принужденіе, но Настинька, я увѣренъ, чтобъ иначе была.

18. До сихъ поръ, ожидая Настиньки, мы ни къ чему не приступали и я еще ничего не знаю, ни во что не мѣшался, но чувствуя, что надо же хотя немного войти въ хозяйство и узнать, что составляетъ мое богатство; сегодня пошелъ ходить.—Прокопъ пришелъ ко мнѣ. Я узналъ, что на нашемъ корму стоятъ Д. В—ча волы, между тѣмъ какъ для нашихъ его мало, и при этихъ годахъ это небездѣлица; что перевезено изъ Пятигорецъ болѣе шести сотъ пудовъ хлѣба, что взято Катинькой въ Давыдовку тысячи полторы денегъ; что безпрестанно употребляли людей и измучили крестьянскихъ воловъ на работы имъ-же, что... но много, много кой чего такого, что мнѣ ясно показало, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Какъ я былъ чувствительно огорченъ, увидя, что обманулся въ безкорыстной сестринской любви, увидѣлъ ясно, что для пользы своей, она забыла брата и сестру. Припомнилъ нѣсколько обстоятельствъ и ея разговоры,

началъ догадываться, что она меня не любитъ и что дурно платитъ за мою всегдашнюю къ ней любовь и полную довѣренность. Люди же ихъ командуютъ и приказываютъ и, не имѣя ни одежды, ни обуви, приказываютъ сами шить и то и другое. Боже мой, вѣдь это при моихъ глазахъ, что-же въ другое время. Я приказалъ Прокопу никакихъ приказаній Д. В—ча не слушать, а говорить мнѣ; приказанія же сестры исполнять, но увѣдомляя меня. Возвратясь, я засталъ своихъ за чайнымъ столомъ. Приписывая всѣ невыгодныя для насъ распоряженія Д. В—чу, я рѣшилъ говорить ему сколько могъ шутя, вѣжливо просилъ его, что нельзя ли воловъ перегнать въ Енковцы къ винокурнѣ, объясняя ему причины на то, но онъ ужасно сконфузился и свернулъ на сестру и потомъ прибавилъ: „ну, если воловъ нашихъ прогоняютъ, то что жъ намъ тутъ дѣлать, поѣдемъ“! Гмъ! Какъ будто они для воловъ тутъ жили? Тутъ Катинька начала говорить двусмысленности: что какъ она старалась, какъ... однимъ словомъ они жестоко разсердились за воловъ и, на всѣ мои резоны, рѣшились ѣхать и—послѣ обѣда уѣхали. Я былъ чрезвычайно недоволенъ, разсерженъ, огорченъ и вотъ какъ послѣ шести лѣтъ мнѣ рады! Нѣтъ моей милой, доброй Настиньки. Вечеръ былъ я у дядиньки.

19. Поѣхалъ я съ сестрами въ Сухоносовку,—всѣ удивлялись отъѣзду сестры. Мари пѣла.

22. Получилъ отъ Настиньки письмо; еще не знаетъ, будетъ ли или нѣтъ. Какое ее милое письмо, какъ она любитъ меня! Какая пустота въ домѣ и комнатахъ! Удивляюсь, почему не курили въ винокурнѣ; теперь такъ выгодно,—приноситъ до двадцати руб. въ день, но это расчетъ Д. В. (я не говорю сестры). Авдотья каждое утро со мною чай пьетъ. Я ее ни о чемъ не распрашивалъ, но она разсказала такія новости, а особливо каково было жить Настиньки съ Катинькой, что я право ужаснулся и долженъ душевно согласиться, что Катинька дурная женщина.

23. Часовъ въ двѣнадцать ночи, когда еще я не спалъ, а только лежалъ,—вижу свѣтъ въ окнахъ, встаю и вижу винокурня горитъ. Разбудилъ всю дворню и пошелъ къ винокурнѣ. Огня

въ печахъ нѣтъ, трубы чисты и еще не совсѣмъ закоптѣлись,—загорѣлась же крыша; никакъ не могъ понять, какъ это случилось; я бы думалъ, что подожгли—такъ кому-же? На дняхъ пошла бы уже водка. До пяти часовъ я былъ тамъ и жестоко озябъ и охрипнулъ.

24. Послѣ праздниковъ велѣлъ приступить къ постройкѣ винокурни. Сегодня прикащикъ Д. В—ча присылалъ къ Прокопу просить новой водки. Ѣлъ кутью у дяди.

25. Рождество. Пошелъ къ обѣднѣ и засталъ тамъ Надю, Машу и Дуню. При выходѣ изъ церкви, всѣ крестьянки стояли на улицѣ и между ними нѣкоторыя были довольно нарядочныя; я не замедлилъ имъ раскланяться. Потомъ поѣхали къ дядѣ. Къ обѣду пріѣхалъ братъ и Мари. Весь день провели чрезвычайно пріятно, какъ обыкновенно въ кругу добрыхъ и милыхъ родныхъ. Вечеромъ подъ окномъ раздалось пѣніе—коледовали въ честь мою и другихъ. Играли въ вистъ и былъ маленькій маскарадъ. Въ Лубнахъ устроилось собраніе; Алексѣй членъ его и къ новому году собирается туда. Если была-бы Настинька, то я бы ничего не желалъ, вспоминая же Катиньку, мнѣ дѣлается всегда грустно. Она пишетъ ко мнѣ, но письма ее не есть сестры къ брату, а дышутъ гордостью, какимъ то повелѣніемъ и преимуществомъ; это всего забавнѣе, она можетъ считаетъ меня ребенкомъ.

26. Поутру Алексѣй и Мари рано выѣхали домой, куда къ обѣду и я съ сестрами пріѣхалъ. Видиша не было,—поѣхалъ къ Сукову. Я увѣренъ, что братъ здѣсь лучше многихъ живетъ и у него обѣдъ былъ хоть куда. Онъ разсказывалъ мнѣ кой что о Катинькѣ, которое дурно рекомендовало ея характеръ, и жизнь Настиньки была очень незавидна. Вечеромъ всѣ поѣхали въ въ Поставмуки. Тамъ застали Т. и Афанасьеву. Братъ со своими будетъ у меня ночевать и я просилъ Присю поѣхать впередъ, чтобы приготовить, куда и мы къ 11-ти часамъ не замедлимъ пріѣхать. Долго еще сидѣли, вспоминали, говорили и наконецъ У. М. пошла въ диванную, супруги въ Настинькину, Прися въ гостинную, а я въ Катинькину комнату, столовая же назначена, какъ обыкновенно, сборной. Я почти цѣлую ночь не спалъ.

27. Поутру собрались въ столовую и Мари хозяйничала. Я всегда шучу съ нею и она иногда сердится, но люблю ее душевно за ея добрый, милый характеръ. Скоро послѣ чаю дамы наши уѣхали на тотъ дворъ, а мы еще остались. Къ двѣнадцати пошли и мы. Застали старика Горленку, который смѣясь, спрашивалъ зачѣмъ я прогналъ своихъ. Потомъ пріѣхалъ Видишъ и Афанасьевъ съ сыномъ, нѣжинскимъ студентомъ. Но наконецъ, послѣ всѣхъ, является изъ Чернухъ капитанъ съ прапорщикомъ, первый преуморительный:—сухой, маленькій, рябой и приглупенькій; другой же высокій, здоровый, неуклюжій. Анюта была большая хозяйка; обѣдъ былъ прекрасный, наливка—чудо и за столомъ порядочно потягивали за здоровье именинника. Послѣ играли въ вистъ, на фортепіанахъ, пѣли, танцовали, въ промежуткахъ выскакивалъ изъ за картъ капитанъ и въ потѣ лица пилилъ на скрипкѣ. Всѣ помирали со смѣху. Вечеромъ танцовали, капитанъ опять морилъ и студентъ, его копируя, усиливалъ смѣхъ. Изъ дамъ была Пантелемонова (жена стар. ад. на Кавказѣ) подъ пару капитану. Для героя бала—капитана, танцевали экосезъ, гдѣ онъ старался выказать свое искусство. Поздно ночью разъѣхались; у меня въ такомъ же порядкѣ ночевали.

28. День провели у дяди. Вечеромъ Алексѣй уѣхалъ домой, Афанасьевъ съ сыномъ въ Лубны.

29. Были всѣ въ Сухоносовкѣ, ожидали старика Горленку, но онъ не пріѣхалъ. Рѣшено въ понедѣльникъ, то есть 31-го, ѣхать въ Лубны въ моей будѣ, въ которой побиты стекла и дверь безъ петель, я же поѣду завтра вечеромъ.

30. Пообѣдавъ у дяди, часа въ четыре выѣхалъ я въ Лубны и ужъ поздно вечеромъ пріѣхалъ туда. Лубны почти тѣ же. Съ трудомъ отыскалъ квартиру противъ Деля, у нѣкоего Радька,—разговорчивый, смѣшной старикъ.

31. Поутру я торопился окончить свой туалетъ, чтобы ѣхать съ визитами къ знакомымъ, былъ уже готовъ, какъ входитъ хозяинъ: „Отсе, якъ вы убралысь, нехай уже не показываются наши охвицеры; та якъ ноголылысь, то й помолодилы, десять литъ съ костій долой".—„А что, хозяинъ, много пріѣзжаетъ

изъ деревень въ здѣшнее собраніе?“ „Та богато, есть и гарныя, а то що съ нашихъ панночекъ лубенскихъ—уже стары тряпья!“ Пріѣзжаю къ городничему—засталъ въ приготовленіи къ собранію. Были очень рады, а особливо А. Феодоровна, сейчасъ же послали за П. Феодоровичемъ, который въ отпуску. Дождавшись его, я спѣшилъ далѣе, но они взяли слово, чтобъ я пріѣхалъ на обѣдъ.

Гильдебранта засталъ въ желтомъ халатѣ, съ бѣлой уже головой, со всѣми прежними манерами и привычками, только отъ скупости меньше трубки куритъ. Науменко такой-же. Полторацкихъ не засталъ дома, Головачевыхъ тоже. Старшая ея дочь уже замужемъ за Юзефовичемъ. Наконецъ во второмъ часу былъ уже я у Пинкорнеллевыхъ. Здѣсь до четырехъ провелъ я препріятно время, много шутилъ съ кумушкой, смѣялся, что она старушка и прочее. Лиза чрезвычайно неотесана и мужиковата. Но Николка пришелъ съ извѣстіемъ, что наши пріѣхали и я поспѣшилъ ихъ оставить. Начались разспросы: какъ, что и когда я долженъ былъ объяснять все, что зналъ и не зналъ. Вечеромъ пріѣхали Афанасьевы. Въ пять дамы начали одѣваться и едва, едва въ половинѣ девятаго были готовы. У воротъ дома Полторацкаго горѣли фонари, подъѣздъ освѣщенъ и на второмъ этажѣ гремѣла музыка и танцевали вальсъ. Въ передней встрѣтили директоры и между ими М. И. Скаржинскій [1]) предводитель, и В. В. Растенбергъ — исправникъ [2]). Залъ полна. Съ любопытствомъ бросилъ я взглядъ на дамъ и увидѣлъ Полторацкихъ, Головачевыхъ, Пинкорнеллевыхъ,—всѣ постарѣли и подурнѣли и много незнакомыхъ. М. Я. Кулябка сидѣлъ скромно въ углу и я подошелъ къ нему, потомъ къ Полторацкому; я его уже лѣтъ девять не видалъ, сдѣлался старикъ, сѣдой, но все такой же говорунъ, острякъ, насмѣшникъ. Рудановскій П. И. тоже тутъ вертѣлся и вмѣстѣ съ Павломъ Полтарацкимъ

---

[1]) О Скаржинскихъ см. въ приложеніяхъ В.

[2]) Василій Васильевичъ Растенбергъ, женатый на сестрѣ, по матери, Мих. Ив. Скаржинскаго, Настасьѣ Антоновнѣ Пашкевичъ, жилъ въ с. Рудкѣ, луб. уѣзда. Припомнимъ, что до 1862. должность исправниковъ была выборною.

составляли лучшихъ кавалеровъ. Собраніе было во всемъ блескѣ и при нашемъ входѣ, окончивъ вальсъ, готовились къ французскому кадрилю. Я сидѣлъ въ гостинной и говорилъ съ А. Ф. „Вы танцуете кадриль?“—„Нѣтъ, я только что пріѣхалъ, хочу осмотрѣться“. „Не хотите ли со мной?“ Загремѣла музыка и мы стали. Наша визави была Родзянкова, бывшая Устимовичъ, пріятной, милой наружности и недурно одѣтая; съ лѣвой же стороны Варвара Полторацкая съ удивительной фигурой, высокая, стройная, но нехороша собой. Послѣ кадриля пошелъ въ залъ и сѣлъ около Кулябки, въ углу; скоро потомъ его жена отозвала и я остался одинъ.

Мари ходитъ по залѣ и Рудановскій куртизанитъ. Жаль, что Надя, а особливо Маша, такъ застѣнчивы, онѣ были бы изъ лучшихъ. Вотъ шибко пробѣжала, окинувъ меня глазами, маленькая, полная, съ живымъ, пріятнымъ личикомъ дѣвушка,—это Александра Павловна Леонтовичъ, какая проворная!—Но скоро опять возвращается и уже не одна, съ правой ее стороны небольшаго роста, плотная дама, съ хорошенькимъ лицомъ, но не очень ловкаго обращенія,—это ея сестра Домна, за Родзянкой, недавно за мужемъ и очень аппетитно смотритъ;—другихъ же не знаю да и не хочется спрашивать; онѣ тихо прошли мимо меня и каждая по очереди подарила меня взглядомъ. За ними ходитъ Лиза Пол.; Я. Ан., Андрей Санковскій; какъ жалко, что послѣдняя такъ блѣдна, а имѣетъ очень не дурныя черты лица, но ея блѣдная бѣлизна ослѣпительна и придаетъ ей видъ страждущей. Мари меня подзываетъ и я вмѣшался въ ходящую толпу; но офицеры засуетились и стали на мѣстахъ, музыка грянула и дамы слетѣлись. Я стоялъ близъ полковницы Леманъ; какъ она перемѣнилась. Я зналъ ее дѣвушкой, въ Могилевѣ, во всемъ блескѣ красоты. Ка. Па. (Катерину Пахомовну) Чернову справедливо называли царицей баловъ, но теперь и слѣдовъ нѣтъ. Съ другой стороны гнѣздилась впереди меня, какая то маленькая, черная, съ жидовскими глазами и въ бѣломъ шелкѣ дѣвушка; она безпрестанно оглядывалась и смотрѣла такъ пристально, что я принужденъ былъ отворачиваться. Послѣ кадрили подходитъ ко мнѣ Сан-

ковскій, рекомендуется и припоминаетъ, что былъ хорошій пріятель съ моимъ отцемъ; я тоже узналъ его,—очень любезный человѣкъ и мнѣ пріятно было съ нимъ познакомиться. Потомъ подошелъ къ Лизѣ Пол. и просилъ на кадриль, но она ангажирована и предложила на слѣдующій. Я возвратился на свое мѣсто и музыка уже проиграла первое колѣно, всѣ на своихъ мѣстахъ, какъ вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ отпускной Ко. Ар. Силичъ и проситъ стать съ ними визави; окинувъ глазами сидящихъ дамъ, замѣтилъ А. Леонтовичъ, направился къ ней; еще не успѣлъ подойти и докончить предложенія, какъ она вскочила, подбѣжала ко мнѣ и съ улыбкой заняла свое мѣсто. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ее хорошенькое, красивое личико и не прошло двухъ минутъ, какъ она предупредила меня и засыпала вопросами, при чемъ не забыла упомянуть, что будетъ и завтра и на масляну въ собраніи, и спросить—буду ли я тоже; и все то говорено было скоро съ прибавленіемъ малороссійскихъ словъ (однакожъ, вообще замѣтилъ я, что теперь ужъ лучше говорятъ по русски). Послѣ кадриля она побѣжала къ сестрѣ и долго съ нею говорила, посматривая на меня. Танцуя съ Лизой, много болтали. Потомъ взялъ я Домну Родзянкову; чрезвычайно была внимательна и старалась быть любезною; правда не дурна собой, но простовата, впрочемъ... Какая уморительная эта Кулябкова, какая манера, какой видъ? и это бѣлое атласное платье, какъ сшито и какъ на ней сидитъ? Варвара Юзефовичъ кажется любитъ кокетничать и позволяетъ говорить съ собой свободно и любитъ также погулять на чужой счетъ; ее сестра скромна и была-бы довольно пріятна, если бы имѣла не такъ серьезную мину. Домбровскія же съ своими разнокалиберными носами стрѣляютъ съ большимъ стараніемъ своими умильными глазками и кажется просятъ: поволочись за мною и даже влюбись; особливо же одна изъ нихъ, проходя мимо чрезвычайно жеманится: вертитъ головой, подпускаетъ подъ лобъ глаза и улыбается, и все это чрезвычайно ловко. Еще есть забавная фигура—это дѣвица Родзянкова, она имѣетъ видъ высокаго толстаго мужчины и пресмѣшно танцуетъ. Какая пропасть этихъ Родзянковыхъ; эта дама съ транспарантомъ

на головѣ, тожъ Родзянкова, и хоть нехороша собой, но ловка и держитъ себя хорошо, и должно быть, пріятна въ обществѣ, урожденная, кажется, Шамшовыхъ. Паша не отстаетъ отъ Санковской и съ ней танцуетъ, но чтобъ это не замѣтили, то танцуетъ попеременно то въ залѣ, то въ гостинной. Кавалеровъ очень бѣдно и, кромѣ Силича, почти ни одного офицера порядочнаго. Инженеръ Леонтовичъ, братъ дѣвушки, съ своей задратой головой тоже не завиденъ. Послѣ мазурки, которую танцовалъ я съ Домной и не дождавшись котильона, мы уѣхали домой. За ужиномъ, какъ обыкновенно, много было разговору, шутокъ, разсказовъ. Спрашивали у меня, понравилось ли мнѣ; но я право самъ не зналъ; только юнкеромъ былъ я въ собраніяхъ малороссійскихъ; съ тѣхъ поръ ни разу, все для меня было ново и даже странно, во многихъ случаяхъ я не зналъ какъ быть и потому новость ли или удовольствіе быть въ родномъ обществѣ дѣлали то, что мнѣ было не скучно; но полагаю, что если бы это продолжалось, то потомъ не ручаюсь, что напала бы скука. Впрочемъ, это вездѣ можетъ быть,—надо влюбиться! На этомъ вечерѣ Мари и Леманъ были лучше всѣхъ одѣты. Пресмѣшное обыкновеніе здѣшнихъ кавалеровъ: сейчасъ послѣ одного кадриля становяться опять на мѣста и дожидаться слѣдующаго; если же кому надо уйти, то ставятъ вмѣсто себя стулъ съ своими перчатками или съ чѣмъ другимъ. Признаюсь, интересно не дать себѣ и минуты покоя. Уже въ четвертомъ часу мы разошлись; я расположился на диванѣ, а Алексѣй на стульяхъ [1]).

1835 г., 1 января. Мы встали очень поздно и визиты Пинкорнелли, Паши и Гильдебранта принимали я и братъ, а сестры были еще не одѣты. Въ двѣнадцатомъ часу поѣхалъ я съ братомъ толкаться по домамъ. Полковника не застали, а

[1]) Приводимъ здѣсь замѣтку о томъ же самомъ лубенскомъ „собраніи“ другаго полтавскаго помѣщика Ст. Гр. Кирьякова (изъ с. Гонцовъ, луб. у.), найденнаго въ тѣхъ же бумагахъ К. Н. Скаржинской.—„31 дек. 1834 г. Выѣхавъ въ Лубны, вечеромъ въ 8 часовъ поѣхали въ собраніе, которое было въ домѣ Полторацкаго. Собраніе было самое блистательное, 90 особъ украшали оное. Музыка Тобольскаго пѣхотнаго полка прелестная. Директоромъ былъ полковникъ онаго полка Ник. Мих. Леманъ. Разошлись по домамъ въ 4 часа пополуночи“.

принимала насъ m-me Леманъ; Гильдебранта тоже не застали, у Пинкорнеллевыхъ пробыли съ полчаса, у Науменки закусывали. Пріѣхавши домой, узнали, что Леманъ съ своими офицерами былъ у насъ. Потомъ рѣшили ѣхать къ Рудановскимъ. Тамъ застали провизора съ казенной аптеки. Они занимаютъ у Болотникова двѣ комнаты и обѣ холодныя, не знаю какъ Клеопатра или, такъ называемая, куропатка, можетъ тамъ дѣлать свой туалетъ. Она была очень разговорчива. Наконецъ во второмъ часу Алексѣй поѣхалъ къ маршалу [1]), въ Кругликъ, я же не могъ туда отправиться, ибо вчера далъ слово Полторацкому обѣдать у него. Лиза была не совсѣмъ здорова, блѣдная, опустившись. Жалѣла, что не знала, что я вчера утромъ пріѣзжалъ и не смотря на то, что лежала въ кровати, а приняла бы меня. Обѣдъ былъ простой, семейный; изъ постороннихъ только я былъ. Послѣ обѣда Лиза, чувствуя себя нездоровою, пошла къ себѣ, а я Варинькѣ предложилъ, чтобы немного прокатилась къ братомъ для набранія новыхъ силъ къ собранію. Черезъ полчаса сани ихъ были готовы и мы поѣхали каждый на своихъ: я прямо домой, а они кататься. Скоро потомъ пріѣхалъ и братъ, разсказывалъ, что тамъ было ученое общество,— почти всѣ здѣшніе учителя, и что Силичъ силился выказать свои познанія. Потомъ начались у сестеръ толки: какъ и въ чемъ быть одѣту, какъ причесану, какъ зашпилену, какъ, какъ... и много прочаго. Однако-жъ сегодня рѣшили поторопиться, чтобы раньше пріѣхать въ собраніе. Но торопились, торопились, а все раньше восьми съ половиною часовъ не выторопились. Какая досада, что Д. Родзянкова навалила себѣ на голову такую огромную штуку,—не увеличивая, ее токъ, съ перьями составитъ добрый аршинъ высоты. Леманъ и Мари были почти въ однихъ платьяхъ и очень хорошо одѣты, съ беретами на головахъ. Вообще сегодня дамы одѣты, хоть не совсѣмъ съ лучшимъ вкусомъ, въ хорошихъ платьяхъ, только жалко, что многія въ кожанныхъ башмакахъ. Между мною и m-me Леманъ произошло маленькое недоразумѣніе, которое могъ я толко-

[1]) Т. е. къ предводителю дворянства М. И. Скаржинскому.

вать и въ хорошую, и въ дурную для себя сторону, но какъ въ семъ случаѣ самолюбіе можетъ насъ обманывать, то я рѣшился обидѣться. Слѣдующую, послѣ просимаго кадриля, мазурку я съ нею не танцовалъ и она сидѣла, хотя замѣтно, что хотѣла бы попрыгать. Мазурку я, не танцовавши, танцовалъ, и молодой Науменко замѣтилъ, что меня хотятъ замучить. Изъ одиннадцати или двѣнадцати кадрилей—я танцовалъ толькъ пять, въ томъ числѣ одну съ Домной; какъ она свѣжа; я думаю мужъ ее доволенъ; жаль, что нѣтъ другой Родзянковой (Устимовичъ), она тоже очень недурна и съ удовольствіемъ можно было приволокнуться. Котильенъ я не намѣренъ былъ танцовать и сидѣлъ въ диванной, куда потомъ пришла и полковница. „Вы не танцуете Катерина Пахомовна?“ спросилъ Полторацкій. „Нѣтъ, меня никто не проситъ“. Съ этими словами она взглянула на меня, я всталъ и подошелъ къ двери зальной, чтобы видѣть кто съ кѣмъ собирается танцевать и какъ каждый старается отыскать себѣ выгодное мѣсто. Потомъ подошла къ той-же двери и полковница и еще разъ взглянула на меня; по всему видно, что она желала, чтобы я ее попросилъ, но я продолжалъ смотрѣть въ залъ. Потомъ, обращаясь къ Полторацкому и смотря на меня, съ улыбкою спросила „Что-жъ не танцуете?“. Вопросъ этотъ сдѣланъ былъ съ такою манерою, что я совершенно готовъ былъ что-то такое отвѣчать, какъ Полторацкій подхватилъ „Я?—да со старикомъ кто захочетъ“.—„Та, которую молодые не хотятъ просить“.—„Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, если бы я просилъ васъ, чтобъ со мною танцовать?“—„Извольте“. „Не шутя?“—„Ну да“, и съ этимъ словомъ они вмѣшались въ начавшійся котильенъ и стали въ первой парѣ. Мнѣ кажется, они долго не довѣряли другъ другу. Полторацкій—что полковница не шутитъ, она—что старикъ рѣшился вертѣться. Но какъ бы то ни было они открыли котильенъ и Леманъ сейчасъ-же меня выбрала. Между тѣмъ я успѣлъ осмотрѣть сидѣвшихъ по угламъ дамъ и, не видя ничего интереснаго, рѣшился быть только зрителемъ. Между тѣмъ оглядываюсь—вижу Д. Родзянкова. Начавши съ ней говорить, узналъ, что она не танцуетъ, ну, какже было не попросить,—разумѣется учтивость того требовала. Я увѣренъ, что

она полагаетъ, что мнѣ жестоко нравится, ибо кромѣ того, что соскользало съ языка, она должна же замѣтить, что кромѣ ее, я ни съ одной не танцевалъ два раза вальсъ. Впрочемъ, она въ такомъ предположеніи не ошибается; правда она мнѣ нравится, но совсѣмъ не такъ и не въ томъ вкусѣ, какъ она можетъ быть полагаетъ. Послѣ котильена начали разъѣзжаться.

Право лубенскія собранія хоть куда: однѣхъ дамъ было пятьдесятъ шесть и, между нами, довольно изрядныхъ. Дома, потолковавши обыкновенно о собраніи и поужинавши, легли спать.

2 Января. Мнѣ нужно было съѣздить къ маршалу, въ Кругликъ, поговорить на счетъ моего отпуска и, между тѣмъ какъ Алексѣй занялся своимъ дѣломъ, въ первомъ часу поѣхалъ я, условившись возвратиться къ обѣду, чтобы потомъ ѣхать въ деревню. Здѣсь я засталъ довольно много гостей: Леманъ, Растенбергъ, морякъ Скаржинскій и не знаю кто четвертый, играли въ вистъ съ плѣномъ, А. А. Санковскаго, Кирьякова, который мнѣ самъ отрекомендовался, какъ сослуживецъ, ибо еще въ 1812 году служилъ онъ въ свитѣ и знаетъ многихъ нашихъ генераловъ, также и Рихтера, молодой Дель, аптекарь, съ которымъ, будучи еще дѣтьми, мы были знакомы, нѣсколько офицеровъ и другіе. Кирьякова жена, бывшая Нѣжинцова, которая такъ интересовала насъ во время оно, на спасовскихъ ярмаркахъ, но теперь баба—бабой. Сестры хозяина и одна дѣвушка, что живетъ у нихъ; всѣхъ ихъ видилъ я въ собраніи. Хозяинъ былъ очень занятъ и я не могъ его просить о своемъ дѣлѣ. Обѣдъ былъ незавидный. Уже три часа меня вѣрно въ городѣ ожидаютъ, но гости занимаютъ предводителя. Скоро послѣ обѣда пріѣзжаетъ А. И. Литвиновъ. Кирьяковъ отрекомендовалъ меня; онъ очень хорошо былъ знакомъ съ отцомъ и очень вѣжливъ. Наконецъ съ помощью Растенберга удалось затянуть въ кабинетъ Мих. Ив. (Скаржинскаго) и потомъ скоро я уѣхалъ. На дорогѣ въ городъ встрѣтилъ своихъ, ѣдущихъ домой, я пересѣлъ къ нимъ и къ темнымъ сумеркамъ были въ Поставмукахъ.

3. Когда всталъ я утромъ, то человѣкъ сказалъ мнѣ, что какой то офицеръ пріѣхалъ ко мнѣ передъ свѣтомъ и ночуетъ

въ гостинной. Кто бы такой и зачѣмъ? Наконецъ къ чаю онъ приходитъ въ столовую, извиняется и говоритъ, что, отыскивая нашу деревню, цѣлую ночь проѣздилъ. Леманъ не заставши уже насъ вчера въ Лубнахъ, послалъ его вслѣдъ за нами съ письмомъ къ Алексѣю, прося пожаловать сегодняшній вечеръ на балъ и ужинъ. Часовъ въ десять поѣхалъ я съ нимъ къ дядѣ. Офицеръ этотъ старый знакомый и хорошій малый, презабавный. Старикъ Горленко, который всё еще здѣсь, много съ нимъ шутилъ. Долго у насъ было совѣщаніе—ѣхать ли? Такое вниманіе со стороны полковника требовало, чтобы уважить его прозьбу, но съ другой стороны, только вчера пріѣхавши, сегодня опять ѣхать, и прямо на балъ, не годилось и правду сказать не стоило того. Я не хотѣлъ ѣхать, но не говорилъ этого прямо, отсовѣтовалъ сначала и имъ, и просилъ, чтобы они ѣхали, а я послѣ пріѣду. Но Алексѣй угадалъ мою хитрость и сказалъ, „что ежели ты не ѣдешь, то и мы не ѣдемъ". „Ну, когда такъ, то я ѣду". И часа въ три мы опять потащились. У почтеннаго Радька не было мѣста и мы остановились на той же улицѣ, но у другаго. Въ восемь часовъ Леманъ, узнавъ, что мы пріѣхали, присылалъ за нами свою карету, но ее сейчасъ же отправили назадъ. На этомъ балѣ были однѣ только лубенскія съ прибавленіемъ какихъ то Фитингофовыхъ, говорятъ богатыхъ, но чрезвычайно неуклюжихъ. Былъ также дивиз. генералъ Чегадаевъ и Капнистъ, предводитель, кажется, кременчугскій [1]). Было невесело—ни одного хорошенькаго лица. Въ первый разъ танцовалъ съ Санковской; ее сестра, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, чрезвычайно бѣла и вѣроятно будетъ такая же блѣдная. Ужинъ былъ изрядный, шампанскаго довольно. Во время ужина Лиза вышла изъ за стола и танцевала вальсъ, кажется не совсѣмъ кстати. M-me Леманъ была, что то очень странна. Во второмъ часу были уже мы дома.

4. Часовъ въ десять утра, между тѣмъ какъ запрягали и укладывались, я и Алексѣй зашли на почту и ходили по ба-

---

[1]) Семенъ Васильевичъ Капнистъ былъ кременчугскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а старшій братъ его Иванъ Васильевичъ—полтавскимъ губернскимъ.

зару, потомъ пріѣхали и наши, встрѣтили и говорили съ Санковскимъ. Подъѣзжая къ Поставмукамъ, встрѣтили Горленка, но онъ воротился съ нами опять назадъ. Послѣ обѣда Алексѣй поѣхалъ домой, а я часовъ въ третемъ вечера (sic).

17. Все это время, кромѣ къ дядѣ и брату, никуда не выѣзжалъ, занимался, сколько могъ, хозяйствомъ, курилъ горилку и приготовлялъ нужное для дѣленія (т. е. дѣлежа) имѣнія. Сегодня поутру былъ у меня Ал. Кудашевъ, юнкеръ драгунскій. Привезъ письмо отъ Настиньки и Василія Александровича,—не могутъ пріѣхать, не даютъ отпускъ. Милая Настенька, какъ она жалѣетъ. Меня это очень огорчило, я столько радовался мыслью видѣться съ нею въ Поставмукахъ; Боже мой! почему не случилось такъ, чтобы она жила у меня въ сосѣдствѣ! Настинька прислала довѣренность Алексѣю для раздѣла. Раздѣлъ! его еще не было, а ужъ онъ причинилъ мнѣ столько неудовольствій; какъ жестоко я обманулся въ Катинькѣ. Всякій день, живши дома, видѣлъ доказательство, что она не любитъ ни меня, ни Настиньку, а предалась всѣми чувствами къ корысти и собственной выгодѣ; какая пустота въ домѣ, нѣкогда столь полномъ; кладовыя, коморы, все хоть настежъ отвори. Не жалѣю всего этого; оно мнѣ совсѣмъ не нужно, но жаль, что она обвиняетъ во всемъ Настиньку, которой характеръ я хорошо знаю; сколько злоупотребленій. Къ обѣду поѣхалъ я съ Кудашевымъ къ дядѣ, къ вечеру къ Алексѣю. Князь поѣхалъ домой, но я не захотѣлъ рисковать,—на его лошадяхъ пускаться по горамъ, остался ночевать.

18. Послѣ обѣда по жестокой гололедицѣ я, Алексѣй и Мари поѣхали въ Поставмуки.

19. Поутру получили записку отъ Катиньки; они нѣсколько дней уже въ Еньковцахъ. Скоро потомъ поѣхалъ къ нимъ и тамъ обѣдалъ. Какой Д. В. странный человѣкъ?—заставляетъ беременную жену жить въ простой избѣ, безъ пола, со сквознымъ вѣтромъ зимой, холодной, ненатопленной, лишенной всѣхъ совершенно выгодъ. Но Катиньку это не тяготитъ; мнѣ кажется, она для экономіи легко это переноситъ, между тѣмъ какъ, живши въ Поставмукахъ, не могла терпѣть и малѣйшей невы-

годы. Обѣщали завтра или послѣ пріѣхать, чтобы съ Алексѣемъ приступить къ дѣлу.

21. Поутру, часовъ въ девять, братъ былъ уже у меня; въ 11-ть пріѣхали и изъ Енковецъ. Сдѣлали приступъ къ дѣлу съ небольшими спорами.

22—25. Занимались дѣленіемъ. Сколько вздорныхъ притязаній, неосновательныхъ требованій и брани вытерпѣлъ я и частью Алексѣй. Къ стыду моему я долженъ признаться, что вмѣсто удовольствія видѣться съ сестрой, я чувствовалъ чрезвычайное огорченіе и непріятность. Огорченіе было такъ сильно, что я началъ чувствовать себя нездоровымъ. Хотѣли даже черезъ судъ требовать отчетъ въ благодіяніяхъ отъ графа (?) и жаловаться ему на меня. Я даже далъ ему почтовой бумаги на жалобу, вышелъ, ибо чувствовалъ себя чистымъ и былъ на счетъ этого спокоенъ.

Мари пріѣхала къ концу этой сцены и удивилась моей блѣдности и больному виду; да если бы она заглянула въ мою внутренность, то не удивилась бы. Завтра ѣдетъ Алексѣй въ Кременчугъ. Положено, что только можно, то дѣлать безъ него, а для совершеннаго окончанія ждать его возвращенія. Онъ уѣхалъ обѣдать къ отцу. Мои же, пообѣдавъ у меня, отправились въ Енковцы, а я къ дядѣ. Засталъ ихъ еще за обѣдомъ. Братъ ѣдетъ въ моей кибиткѣ, одинъ, съ тѣмъ, чтобы изъ Кременчуга прямо къ третьему февралю въ Мечеть, къ Марковичамъ, гдѣ старуха имянинница. Просилъ, чтобы я пріѣхалъ туда вмѣстѣ съ Мари и Ульяной Михайловной, и наконецъ, въ третьемъ часу выѣхалъ въ Пятигорцы.

26. Утромъ пріѣхали изъ Енковецъ. „Нельзя продолжать дѣлежа, сказала Катинька, покуда не узнаемъ о завѣщаніи отца“. „Какое завѣщаніе“? „Да, подхватилъ Д. В., отецъ вашъ сдѣлалъ завѣщаніе, я это знаю“.—„Если такъ, то узнавайте“. „Надобно, чтобъ вы сами поѣхали“. Но какъ я ничего не зналъ о томъ, то отговорился. Они послѣ обѣда уѣхали, говоря, что будутъ ожидать меня, чтобъ ѣхать въ Лубны.

29. Мои опять пріѣхали. Но какъ я всегда смотрѣлъ на нихъ наблюдательнымъ взглядомъ, то сейчасъ замѣтилъ между

ними что-то такое. Наконецъ Катинька даетъ мнѣ бумагу, а Д. В. прибавляетъ: „это завѣщаніе вашего отца“. Они смотрѣли на меня быстро, чтобы видѣть какое впечатлѣніе на меня сдѣлаетъ бумага; но я прочелъ ее весьма равнодушно и, право, безъ всякаго притворнаго хладнокровія, отвѣчалъ: „Если она дѣйствительна, то я исполню ее съ удовольствіемъ“. Они были чрезвычайно ласковы и хотѣли уже начать дѣленіе по бумагѣ; я имъ сказалъ, чтобы они дѣлали, что хотѣли, но что я долженъ впередъ самъ справиться объ этомъ дѣлѣ. Передъ вечеромъ они уѣхали. Надо ѣхать въ Лубны, слѣдоват. не могу быть въ Мечетѣ.

30. Отправивши лошадь въ Сухоносовку, увѣдомилъ о причинѣ почему не могу ѣхать съ ними. Они жалѣли, но я рѣшился, дѣло довольно важное, чтобъ отложить его, притомъ недолго ужъ мнѣ и жить въ отпуску. Послѣ обѣда поѣхали въ Лубны.

31. Обѣдалъ у Науменки. Было много гостей, не могъ поговорить съ нимъ. Послѣ обѣда, когда разъѣхались, я объявилъ зачѣмъ пріѣхалъ, но онъ отвѣчалъ ни такъ, ни сякъ. Я полагалъ, что ему некогда, и, сказавъ, что буду вечеромъ, уѣхалъ. Вечеромъ былъ два раза и посылалъ столько, но его не было дома. Часовъ въ 8-мъ отвели у Радька же, гдѣ и я стоялъ, проѣзжей полковницѣ квартиру. Услышавъ, что она жалуется на невыгоду, я вышелъ къ ней въ сѣни и предложилъ, что если только найду гдѣ другое мѣсто у хозяина, то съ удовольствіемъ уступлю ей свою комнату. Но мѣста не нашлось и мы только помѣнялись комнатами. У ней прехорошенькая дочь. Я далъ ей читать журналъ и вообще съ удовольствіемъ провелъ съ ними время. Ее мужъ перешелъ изъ улановъ въ коммиссіонеры и назначенъ въ Кременчугъ, куда и онѣ ѣдутъ.

1 февраля. Былъ въ судѣ, читалъ бумагу; она ничтожная и при томъ-же совершена до моего рожденія. Зайдя къ моимъ сосѣдкамъ и пожелавъ имъ счастливой дороги, поѣхалъ домой. Дорогой встрѣтилъ прикащика Д. В—ча, который тоже за чѣмъ то былъ въ Лубнахъ. Дома узналъ, что они нѣсколько разъ присылали узнать пріѣхалъ ли я и что велѣли сейчасъ же дать знать объ этомъ. Вечеромъ былъ у дяди. Дядя выгоняетъ

меня въ Мечеть и даетъ лошадей. Сначала я не хотѣлъ, но подумавъ, что безъ Алексѣя нечего дома дѣлать, рѣшился.

2. По утру рано пріѣзжаютъ. Не вытерпѣли, спросили первыя. Я имъ сказалъ откровенно всё, что слышалъ въ судѣ. Д. В. съ принужденіемъ повалился со смѣху, давая видъ, что я лгу. За обѣдомъ онъ рѣшительно вывелъ меня изъ терпѣнія и я не совсѣмъ учтиво напомнилъ, чтобы онъ уважалъ память моего отца и наконецъ просилъ избавить меня отъ его наставленій. Послѣ обѣда они поѣхали въ Енковцы, а я, заѣхавъ прежде къ дядѣ, въ Мечеть. Ночевалъ въ д. Лозоркахъ, у прикащика Боярскаго. Его братъ сватался за Настинькой въ то время какъ она была обручена и обѣщалъ записать ей сто тысячъ.

3. Я не знакомъ у Марковичевыхъ и потому, пріѣхавъ въ Мечеть, велѣлъ вызвать Алексѣя и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ [1]). Гостей было много. Хозяйка сказала, что она видѣла меня еще маленькимъ и что она бы меня узнала, но я ее не помню. Потомъ братъ познакомилъ меня съ его кузинами, изъ коихъ три замужемъ, а три невѣсты. Одна изъ замужнихъ Настасья Андреевна за Иваненковымъ, съ которымъ я былъ въ пансіонѣ у Коваленка. Хозяинъ богатый помѣщикъ; домъ большой, просторный и изрядно меблированъ, вообще изъ лучшихъ въ окрестности. Кузины милыя дѣвушки, а особливо меньшая Софи, очень не дурная, жаль, что необходительна, мало видѣла свѣту. Черезъ часъ по пріѣздѣ моемъ вышла Мари и обрадовалась, увидѣвъ меня, она не ожидала, чтобъ я пріѣхалъ. Послѣ обѣда начались танцы, музыка, . . . (?) [2]) дурныя остатки отъ прежней. Братъ Анд. Санковскаго—Александръ, любезный старикъ, познакомился со мной, сослуживецъ отца. Кромѣ того были: старикъ Огрaновичъ, за дочерью котораго сватался прежде братъ Паскевича, трое Ильяшенковыхъ переяславскаго уѣзда и много другихъ цивильныхъ; пѣхотный маіоръ и прапорщикъ,

[1]) Д. Мечеть въ это время принадлежала Андрею Михайловичу Марковичу. См. брошюру А. И. Марковича—„Марковичи". Кіевъ. 1890. (Прилож. къ Кіевск. Старинѣ).

[2]) Неразборчиво написанное слово, которое можно читать—свѣчки, свѣзки.

послѣдній изъ юнкерской школы, но я его не помню, также отставной полковникъ Павловъ, исполнявшій до Федоренки должность начальника артиллеріи во второмъ корпусѣ. Время прошло очень пріятно, танцовали долго; за Марковичами много волокитъ.

4. Сегодня поутру пріѣхалъ, давно ожидаемый, Пригара съ братомъ, зять Анд. Михайловича, недавно еще женился и Кат. А. дѣвственная дама. Молодой человѣкъ, пріятной наружности, но глухой, безъ трубы мало слышитъ. За обѣдомъ пили ихъ здоровіе, а кузины мое. Послѣ обѣда порывались было танцовать, но многихъ не доставало, разъѣхались и меня засадили въ вистъ. Сегодня также пріѣхали Щербаки: старшій— зять хозяина, младшій холостой, проказникъ. Софи пѣла, но безъ манеры и голосъ не совсѣмъ обработанъ. Вечеромъ Ул. Мих. и Софи кормили меня вареньемъ, какъ послѣдняя увѣряла, ея стряпанья. Завтра поутру ѣдемъ въ Пятигорцы. Кузины обѣщали на масляну въ Сухоносовку, чтобы потомъ въ лубенскія собранья.

5. Послѣ завтрака мы выѣхали и вечеромъ пріѣхали въ Пятигорцы. Сколько воспоминаній возродилъ у меня этотъ домъ, гдѣ я не помню былъ ли въ мундирѣ. Покойникъ Александръ, приготовляясь жениться на Лизѣ Пол. порядочно его отдѣлалъ, а Алексѣй оканчиваетъ недоконченное братомъ. Мари хозяйничала и сама приказывала ужинъ. Въ Пятигорцахъ теперь живетъ Гриша Ивахненко въ отставкѣ и уже женатъ.

6. Поутру выѣхавъ изъ Пятигорецъ, часу въ четвертомъ были уже въ Поставмукахъ. Пробывъ у себя нѣсколько минутъ, поѣхалъ на тотъ дворъ.

7. Изъ Енковецъ пріѣхали. Опять старое; требованіямъ и упрекамъ нѣтъ конца. Говорили, что имѣютъ въ виду знающаго человѣка, пошлютъ за нимъ, полагаясь на его мнѣніе.

10. Ночевалъ у Алексѣя въ Сухоносовкѣ. Сегодня поутру два раза присылали изъ Енковецъ за мной, увѣдомить, что пріѣхалъ г. Мирецъ и что я могу услышать его мнѣніе. Къ чему это?—Это имъ нужно, а не мнѣ, неужели они полагаютъ, что повѣрю какому то Мирецу? Хитрость не очень тонка.

Однако ѣду, чтобъ сдѣлать имъ удовольствіе. Мирецъ старикъ, съ несовсѣмъ прямымъ взглядомъ, но изрядной наружности. Поклонясь ему учтиво, я началъ посторонній разговоръ, но не тутъ-то было: Мирецъ и Д. В—чъ начали разговоръ, котораго слѣдствія для меня ужасныя, я долженъ непремѣнно дѣлать, какъ они хотятъ, а не то, право, буду повѣшенъ. Я все время молчалъ. Наконецъ онъ уѣзжаетъ, ручаясь своимъ имѣніемъ. „Ну что видите!“ „Да, вижу, что онъ старый плутъ“. Это кажется ихъ удивило. Возвращаясь домой, встрѣтилъ своего мужика съ запиской, который меня не узналъ; смотрю—отъ Тимошевскаго, онъ ушелъ и проситъ поскорѣе пріѣхать. Отправивши записку къ Катиньки, поспѣшилъ домой. Никогда пріѣздъ его не былъ бы такъ для меня пріятенъ, какъ теперь, въ моемъ теперешнемъ положеніи увидѣть человѣка, въ привязанности коего не сомнѣваешься—есть кладъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Вилейки (минской губерніи), чтобъ видѣться съ нами. Вечеромъ былъ у дяди.

11. Были у дяди.

12. Ѣздили въ Сухоносовку. Видишъ тоже былъ съ нами; онъ всегда останавливается у меня и теперь—тоже. Кузинъ нѣтъ, но завтра мы ѣдемъ въ Лубны, И. И. съ нами.

13. Передъ вечеромъ пріѣхали мы на свою квартиру въ Лубны въ домѣ Болотникова. Домъ большой, съ пятью для насъ комнатами. Сегодня собраніе, надо быть. Я, братъ и Ти. поѣхали нѣсколько впередъ, скоро потомъ и наши дамы пріѣхали. Однако теперь нѣтъ всѣхъ тѣхъ, что были наканунѣ новаго года. Проведя довольно пріятно время, часу въ третьемъ возвратились мы домой.

14. Я съ сестрами были уже готовы дѣлать визиты, какъ приходитъ человѣкъ отъ Кати и проситъ, чтобъ я пришелъ къ нимъ. Почему же они не заѣхали къ намъ? Побывавши у Головачевыхъ, поѣхали мы къ Д. В—чу. Они остановились въ маленькой дурной комнатѣ. Какъ больно видѣть, что они изъ экономіи лишаютъ себя приличнаго. Потомъ были у Пинкорнелевыхъ. Теперь здѣсь ярмарка, но дурная—не то, что спасовская и троицкая. А. Ф. и Лиза пріѣзжали къ намъ. Катинька

и Д. В—чъ обѣщали заѣхать передъ своимъ выѣздомъ, но не заѣхали. Вечеръ дома; былъ знакомый Алексѣю офицеръ—уморительный.

15. Сегодня будетъ маскарадъ. Поутру ѣздилъ къ Полторацкому. Лиза и Варя не выходили—готовятся. Я видѣлъ—пронесла коридоромъ дѣвка бѣлое платье, обшитое галунами. Въ лавкахъ видѣлъ Л. П. и Вар. Юзефовичъ, покупающихъ еще галуны, но онѣ скоро меня прогнали изъ лавокъ. Много было купчихъ, но ни одной хорошенькой. Я и Тимошевскій купили себѣ по хрустальной чайницѣ и стакану. Маскарадъ былъ преизрядный. Изъ лучшихъ масокъ былъ Дель и его провизоръ. М-me Леманъ тоже недурно была одѣта. Полторацкія, Головачевы, Пинкорнелли и Фитинговъ были замаскированы. Ва. Пол. по фигурѣ сейчасъ же можно было узнать. Алек., Лео. и До. Р. не были маскированы, Домбровскія въ натуральныхъ. М. П. Милорадовичъ наконецъ появилась; подурнѣла, погрубѣла и говоритъ басомъ. Да! Казначей Низовскаго полка, Домбровскій, въ отпуску и былъ съ женой и съ сестрой жены. Его жена изъ М. Пилица, Краков. Воев., дочь почмейстера. Польки, только что понимаютъ по русски. Многіе, говоря со мною, шутили на ихъ счетъ. Я хвалилъ до чрезвычайности и на мазурку просилъ панну. Въ первый разъ въ это время заговорилъ по польски. Большая часть дамъ смотрѣла на меня съ любопытствомъ, а знакомыя трунили надо мной, говоря: „Ну ужъ полька! и зачѣмъ ее взяли?“ Котильонъ не танцовалъ (просилъ А. М., но она была ангажирована), а сидѣлъ съ Алексѣемъ, часто выбирали въ томъ числѣ, въ первый разъ танцовавшая съ Пашей, Санковская. Лиза П. очень любезничала съ полковымъ адъютантомъ, который однако-же по наружности весьма неинтересенъ. Стыдилъ ее, зачѣмъ она его надуваетъ.

16. Не прощаясь ни съ кѣмъ, выѣхалъ я изъ Лубенъ, прощаясь съ ними на долго и можетъ быть и очень. Дорога прескверная, голая земля, а мы на саняхъ. Черезъ Удай дѣлали чувствительную переправу. Мы мужчины заѣхали ко мнѣ, а дамы на тотъ дворъ. Закусивъ, пошли и мы туда.

17. Обѣдали у Алексѣя, потомъ всѣ заговлялись у дяди.

18. Сегодня поутру И. В. дѣлалъ смотръ молодымъ бабамъ, чтобы выбрать кормилицу для Катиньки, и очередь пала на молодую, свѣжую жену сына Корнѣева. Бѣдная плакала, никакъ не хотѣла ѣхать: „тамъ панъ такій страшный“. Сегодня же выѣхала и Авдотья въ Давыдовку.

19. Поутру получили отъ Д. В—ча записку, что Катинька чувствуетъ себя нездоровою и проситъ скорѣе прислать кормилицу; но она давно ужъ готова, да не на чемъ отправить, лошадей своихъ они жалѣютъ—хотятъ откормить для продажи! и такъ на волахъ? Потомъ я и И. В. въ моей кабріолеткѣ поѣхали въ Сухоносовку. Грязно, бѣдныя лошади едва встянули на гору. У. Михайловна говѣетъ, (сестры въ Поставмукахъ тоже). Къ вечеру возвратились домой. Въ девять часовъ является другой посланный изъ Давыдовки съ извѣстіемъ, что Богъ далъ мнѣ племянника. Просятъ, чтобы И. В. и я сегодня-же пріѣхали къ нимъ, ибо Катинька слаба. Что за человѣкъ этотъ Д. В—чъ: жена первыми родами слегла, нездорова, нужна скорая помощь доктора и онъ посылаетъ за 60 верстъ за докторомъ пѣшкомъ. Ну когда сегодня ѣхать, лошадей нѣтъ. Я приказалъ Ермишкѣ сегодня же идти въ Енковцы и завтра чуть свѣтъ, чтобъ были лошади.

20. Уже 12-й часъ, а лошадей нѣтъ. Наконецъ приводятъ, запрягаютъ въ бричку И. В., но они ее и не сдвинутъ, стоятъ на соломѣ съ бардой; есть еще пара, изрядныхъ, но ихъ пожалѣли для такого маловажнаго случая. Надо продать. Наконецъ я рѣшился велѣть припречь свою пару, и такъ пятеркой отправились. Выѣхалъ на гору, встрѣтилъ Алексѣя и Мари, они ѣхали въ Поставмуки, но потомъ возвратились. Не доѣзжая Пирятина, въ корчмѣ кормили лошадей, разумѣется за мои, а не за зятя деньги. Поздно ночью въ часу третьемъ пріѣхали мы въ Давыдовку. Чтобы не обезпокоить, прошли заднимъ крыльцомъ. Дѣвки спятъ глубокимъ сномъ; темно. Надо будить, но не знаемъ съ кого начать. Но мало по малу задняя половина пришла въ движеніе. Настя чрезвычайно обрадовалась: „колыбъ вы знали що винъ тутъ выроблявъ!“ Я велѣлъ постлать себѣ и И. В. на полу въ залѣ, ибо нѣсколько здѣсь теплѣе. Едва

мы легли, какъ приходитъ Авдотья. Во-первыхъ перекрестилась, что мы пріѣхали, потомъ, ставъ колѣнками на нашу постель, разсказывала чудеса: „Ахъ! кормилецъ мой, батюшка, да вѣдь онъ меня чуть не убилъ! да чѣмъ же я виновата. Ну какъ таки нѣтъ акушерки! можетъ ли дойти до такой степени скупость, чтобы для какихъ 20 р. рисковать жизнью жены. Послѣ этого онъ не стоитъ ни малѣйшаго уваженія.

21-ое. Когда сидѣлъ я въ спальнѣ Катиньки, приходятъ сказать, что Николка ко мнѣ пришелъ. „Что ты“? „Да нечѣмъ, сударь, лошадей кормить, ихніи солому ѣдятъ, а наши стоятъ“. „Почему же не спросишь?“ „Да говорятъ, что нѣтъ ничего“. Нѣтъ ничего, даже для меня и въ тоже время, какъ для нихъ же измучилъ я своихъ лошадей и кормилъ дорогою ихнихъ, у зятя помѣщика, имѣющаго свою степь и деньги въ московскомъ банкѣ! Нечего дѣлать далъ я рубль серебромъ и велѣлъ, чтобъ купилъ сѣна и овса.

Послѣ обѣда говорили о дѣлѣ нашемъ, но они все хитрятъ и хотятъ надуть, завтра, поутру рано, ѣдемъ, надо спѣшить, срокъ отпуска приближается, а еще надо видѣть милую Настиньку.

20. Начали говорить опять о нашихъ дѣлахъ. Боже мой, что они со мной дѣлаютъ! какую сцену они приготовили! И я стыжусь теперь, что допустилъ до себя такую слабость; и къ чему такъ огорчаться! Хотя мы остались, но я ничего не могъ ѣсть и наконецъ, простившись уже совсѣмъ, часа въ два выѣхали и только часу въ первомъ ночи доѣхали къ Чернухамъ, чтобы по условію ночевать у Видиша.

23. Илья Владиміровичъ купилъ себѣ мальчика. Въ двѣнадцатомъ вмѣстѣ съ Т. С., поѣхали домой, заѣхали въ Сухоносовку и потомъ прямо домой.

28. Почти все это время провели вмѣстѣ. Видишъ жилъ съ нами. Итакъ завтра ѣду! лошадей нанялъ, вещи приведены въ порядокъ, нѣсколько изъ нихъ оставляю дома. Управленіе имѣніемъ препоручу Алексѣю. Добрый братъ взялся за это охотно. Давыдовскіе будутъ чрезвычайно недовольны, что не имъ препоручено, но я не такъ простъ. Мужики безпрестанно при-

ходили просить, чтобъ, при раздѣлѣ, оставить ихъ у меня, не желая и боясь быть у Дм. В—ча, такъ въ короткое время они узнали его. Если-бы я года три назадъ былъ дома, какая была бы разница, сколькихъ долговъ меньше было бы и я теперь получалъ бы что нибудь съ имѣнія, а теперь?..

1 Марта. Цѣлый день провели всѣ у дяди. Хотѣлъ было выѣхать послѣ обѣда, но меня не пустили; отправляюсь ночью; послѣ ужина И. В. и Т. С. меня провожаютъ до Лохвицы. Передъ вечеромъ я и И. В. пошли домой. Сдѣлавъ распоряженія, я уже хотѣлъ идти къ своимъ, какъ пріѣзжаетъ прямо изъ Сухоносовки У. М. съ вареньемъ, кренделями и пирожными. Послѣ ужина, часу въ двѣнадцатомъ, послѣ прощальнаго сидѣнія я наконецъ распрощался съ моими милыми, добрыми родными и вмѣстѣ съ И. В., Т. С., (Алек. же лихорадка задержала), пошелъ домой. Вещи мои поѣхали прежде. Дворовые стоятъ въ передней и кажется жалѣютъ, что я ѣду. Наконецъ въ часъ оставилъ я родной домъ.

2. Марта. Поутру рано пріѣхали мы въ Лохвицу. Наконецъ часу въ двѣнадцатомъ, засвидѣтельствовавъ въ судѣ свою довѣренность и простившись съ добрыми товарищами, поѣхалъ къ Глухову...

Приложенія.

А) М. Г. мой Вилимъ Викентьевичъ. Чувствительнѣйше благодарю васъ за лестную вашу ко мнѣ довѣренность. Прошу быть удостовѣреннымъ, что я цѣню оную въ полной ея мѣрѣ,— и за великое собственно себѣ пріобрѣтеніе почелъ бы, ежели-бъ могъ быть въ чемъ нибудь полезнымъ столь достойному какъ вы человѣку.

Его высокопревосходительство (кн. Лобановъ-Ростовскій?) по званію вашему губернскаго обознаго, опредѣлилъ вамъ жалованья 1200 р. и 100 р. на канцелярскіе расходы. За двѣ трети препровождаются вамъ теперь. Желаю, чтобы сіе назначеніе было соотвѣтственно желанію вашему. Могу васъ искренно

увѣрить, что его в. пр—во не ограничился бы имъ, еслибъ непредвидимыя и весьма значительныя издержки не истощили суммъ, которыми располагать онъ можетъ. Экстраординарной почти уже ничего не остается: рублевой на жалованье положительное гг. чиновникамъ и козакамъ не достанетъ; а теперь на уплату онаго состоялось высочайшее соизволеніе. Требованія по квитанціямъ довершаютъ все; и дѣло идетъ весьма близко около банкерутства. Въ такомъ положеніи, судите сами, можно ли здѣлать все то, что бы желалось? и не должна ли весьма непріятна быть необходимость ограничивать себя въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ, наипаче человѣку душевно къ добру и къ одолженіямъ расположенному?

Я вамъ представилъ истину и надѣюсь, что вы убѣдитесь ею. Въ протчемъ прошу васъ не сумнѣваться, что мнѣ несказанно пріятно будетъ воспользоваться случаемъ доказать вамъ на дѣлѣ искренность пріязненнаго къ вамъ расположенія и готовность мою отвѣтствовать вашей довѣренности и здѣлать вамъ угодное.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, м. г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Василій Капнистъ.

1813 года, марта 3-го дня. Кибинцы.

Б) М. Г. Вилимъ Викентьевичъ. Ничого вже брехать, бо брехня наробить болше бидъ, и давно бъ було треба отослаты вамъ ножи. Ну що вже по правдѣ таки сказать, нѣгде дѣтця, виноватъ. Самому минѣ було нѣколы, бо вразъ, вразъ (?) проходить вередливе виско. Павелъ Ивановичъ бувши у мене въ Яновѣ [1]), отнявъ у васъ одну дюжину ножей и принадлежащій къ оной великій нижъ съ веделкою; другую жъ дюжину посылаю вамъ, за которую еще и по сіе время не заплачено грошей, такъ якъ вы писали до мене, щобъ минѣ не платить. Ось ище щось скажу вамъ, що въ думцѣ у мене: хочу втекты, бо далебѣ вже остыло и (о)бридло отакъ служить; кажуть, що мы хороши, а що съ того. Здѣлайте милость, увѣдомте

[1]) Въ Польшѣ.

мене чи нема чутки до дому? Остаюсь навсегда, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою Томара.

2 августа, 1814 года. (Изъ Янова?).

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе батьковѣ нашему князю Филипу Семеновичу (Жевахову) та ще и Варварѣ Ивановнѣ и всѣмъ моимъ землякамъ [1]).

В. Свѣдѣніе о лубенскихъ Скаржинскихъ. Какъ матеріалъ для знакомства съ составомъ малорусскаго общества XVIII вѣка, сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія о лубенскихъ Скаржинскихъ. „Литовскій шляхтичъ“ Александръ Скаржинскій по окончаніи наукъ въ „Оршинской академіи“, служилъ переводчикомъ латинскаго и польскаго языковъ при „генералитетѣ“, находившемся въ Польшѣ при русской арміи. Въ это же время онъ принялъ православіе и, по окончаніи польской войны, просилъ награжденія у тогдашняго правителя Малороссіи кн. Барятинскаго. Въ отвѣтъ на эту просьбу Скаржинскій въ 1737 г. былъ назначенъ лубенскимъ полковымъ сотникомъ, „по предварительномъ представленіи отъ кіевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго удостовѣренія, что Ск—ій въ православной кафолической греческаго исповѣданія вѣрѣ утвержденъ“. Вмѣстѣ съ принятіемъ православія Ск—ій сталъ называться Михаиломъ. Оставался онъ сотникомъ до 1750 г. У Михаила Ск—аго было три сына: Петръ, Михаилъ и Иванъ. Петръ служилъ въ военной службѣ, имѣлъ чинъ генералъ-майора, Георгія за взятіе Очакова и въ 1793 г. былъ „кавказскимъ намѣстникомъ“. По выходѣ въ отставку П. Ск—ій жилъ въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ, въ слоб. Трикратахъ, полученной имъ, кажется, въ приданное (женатъ онъ былъ на Ульянѣ Булацель). Михаилъ М—чъ Ск—ій въ 1765 г. былъ выбранъ и назначенъ сотникомъ во вторую лубенскую сотню; оставивъ сотничество въ 1773 году,

[1]) Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что среди значительнаго количества писемъ, писанныхъ къ В. В. Райзеру уроженцами полтавской губ., другихъ писемъ писанныхъ по малорусски мы не встрѣтили.

онъ получилъ чинъ сначала бунчук. товарища, а затѣмъ майора; потомъ былъ Лубенскимъ повѣтовымъ маршаломъ и умеръ въ 1804 г. неженатымъ.—Иванъ М—чъ Ск—ій началъ службу, 16-ти лѣтъ отъ роду, въ малороссійской коллегіи; въ 1773 г. былъ назначенъ Румянцевымъ въ Лубенскій полкъ полковымъ хорунжимъ и оставался на этомъ мѣстѣ до 1780 г., когда былъ произведенъ въ чинъ бунч. товарища, а въ 1787 при отставкѣ получилъ чинъ премьеръ-майора. Затѣмъ Ив. М—чъ служилъ золотоношскимъ повѣтовымъ маршаломъ. Женатъ онъ былъ на Еленѣ Григорьевнѣ Закревской. Теперешніе лубенскіе Ск—іе происходятъ отъ Ив. М—ча, а потомство Петра М—ча живетъ въ херсонской губерніи. Однимъ изъ сыновей Петра М—ча былъ Викторъ (р. 1788 г.) знаменитый лѣсоводъ, облѣсившій сотни десятинъ херсонскихъ степей [1]).

[1]) Свѣдѣнія о его лѣсонасажденіяхъ см. въ Запискахъ Сельск. Хоз. Южн. Россіи, изд. въ Одессѣ.

Бердичевская ярмарка.

(Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году) [1]).

Приближалась осенняя, Козьмо-Демяновская ярмарка въ Бердичевѣ, отличавшаяся отъ лѣтней, Онуфріевской, лишь тѣмъ, что была короче послѣдней, и пріѣзжіе не глотали столько пыли, какъ въ іюнѣ, во время сильнѣйшихъ лѣтнихъ жаровъ; но съѣздъ былъ такъ же многолюденъ и столько же привозилось товаровъ, какъ и на св. Онуфрія, особливо если осень была благопріятна. Въ томъ году въ концѣ октября стояла прекрасная погода, дни были солнечные, почти лѣтніе. До того времени мнѣ не приходилось еще бывать въ Бердичевѣ, и я всю дорогу тѣшился мыслью, что увижу эту знаменитую и богатую столицу польскихъ евреевъ.

Пріѣхали мы въ городъ около 3-хъ часовъ по полудни, остановились на квартирѣ и, мучимые голодомъ, тотчасъ отправились въ ближайшій трактиръ, чтобы пообѣдать; но намъ сказали, что обѣдъ уже отошелъ; то же самое услышали мы въ другомъ и въ третьемъ трактирѣ. Оставался еще одинъ трактиръ, такъ называемый Познанскій, въ которомъ можно было

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ вольный переводъ, или точнѣе, извлеченіе изъ довольно интересныхъ, но давно позабытыхъ мемуаровъ Подольскаго шляхтича Франциска Ковальскаго, воспитанника Виницкой гимназіи и затѣмъ Кременецкаго лицея. Они были изданы въ 1859 году въ Кіевѣ Леономъ Идзиковскимъ, подъ заглавіемъ: *Wspomnienia, pamiętnik Franciszka Kowalskiego.* Мы разсчитываемъ познакомить читателя и съ другими отрывками этихъ мемуаровъ, ближе касающимися прошедшей жизни нашего края.

имѣть обѣдъ во всякое время; но лишь только мы направились къ нему, къ намъ подбѣжалъ еврей-факторъ и съ тревогой въ лицѣ сталъ отговаривать, чтобы мы не ходили туда.

— Почему? спросили мы.

— Потому что страшно туда ходить.

— Какіе же тамъ страхи?

— А, вай! тамъ великіе страхи! Туда всѣ паны боятся ходить, потому что въ томъ трактирѣ сидятъ одни гусары, что стоятъ въ Бердичевѣ; а то такіе галабурды—ай вай! Каждаго зацѣпятъ, осмѣютъ, одурачатъ, обыграютъ на бильярдѣ, поколотятъ, вытолкаютъ. Я вамъ, ясные панове, не совѣтую ходить туда.

— Что же намъ дѣлать? Гдѣ же мы пообѣдаемъ?—обратился я къ своему спутнику пану Доливѣ.

— Пустое! —отвѣчалъ онъ.—Идемъ къ Познанскому. Гусары насъ не тронутъ; мы расположимся гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, тихонько пообѣдаемъ и уйдемъ,—они насъ и не замѣтятъ.

Подходимъ къ прекрасному каменному зданію, близъ ратуши, и уже всходя по лѣстницѣ на верхъ, гдѣ былъ трактиръ, слышимъ крикъ, шумъ, смѣхъ и пѣніе. Отворяемъ дверь въ столовую и видимъ однихъ гусаровъ, которые, сидя за длиннымъ столомъ, ѣдятъ, пьютъ и шумятъ; было ихъ около двадцати человѣкъ. Незамѣченные ими, мы поскорѣе прячемся въ сосѣднюю комнату, гдѣ стоялъ бильярдъ, и скромно усаживаемся за маленькимъ столикомъ. Прислуживавшій намъ „хлопецъ“ оставилъ непритворенной дверь въ сосѣднюю залу, и мы могли наблюдать за тѣмъ, что тамъ происходило. Гусары оканчивали свое столованіе и должны были перейти затѣмъ въ нашу комнату, чтобы заняться уже до самой ночи бильярдной игрой; сообразивъ это, мы спѣшили поскорѣе утолить голодъ, чтобы заблаговременно убраться по-добру, по-здорову.

Въ то время, какъ мы расплачивались, шумъ и смѣхъ въ сосѣдней залѣ внезапно прекратился. Заглянувъ туда, мы увидѣли, что къ столу, за которымъ сидѣли гусары, подошелъ съ учтивымъ и покорнымъ видомъ какой-то шляхтичъ и обратился къ нимъ съ необыкновенно-почтительною рѣчью:

— „Прошу прощенія у вельможныхъ пановъ, что я дерзнулъ вступить въ ихъ благородное общество; но я только что пріѣхалъ, очень проголодался и смѣю надѣяться, что вельможные паны соблаговолятъ дать мнѣ мѣсто за столомъ, чтобы я могъ пообѣдать.

— Ха, ха, ха!—раздался взрывъ смѣха.

— Вельможный мосци-добродзѣю!—отозвался одинъ, видимо передразнивая его: просимъ, очень просимъ; вотъ мѣсто!

И они усадили между собою пріѣзжаго и, принявъ во вниманіе его смиренный и какъ-бы запуганный видъ, тотчасъ же подняли его на смѣхъ. Тотъ продолжалъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ, не обращая на ихъ насмѣшки никакого вниманія. Это равнодушіе лишь больше подзадоривало веселую компанію.

— Видно, вельможный мостци-добродзѣй три дня не ѣлъ!

И откуда вельможный мосци-добродзѣй выписалъ себѣ такіе зубы? Ха, ха, ха! А какіе глаза у вельможнаго мосци добродзѣя! Ха, ха, ха! А какія уши! А усы! Ха, ха, ха! И откуда вельможный мосци-добродзѣй добылъ такой перстень? Вѣрно, отъ коханки! Ха, ха, ха!

Такъ потѣшались надъ бѣднымъ „ярмарковичемъ“ удалые гусары, вырывали у него изъ рукъ стаканъ съ водой или рюмку съ виномъ; а онъ—ни слова, будто былъ нѣмой, и только спѣшилъ поскорѣе пообѣдать, чтобы уйти отъ насмѣшниковъ.

— Кто это такой?—спросилъ я своего спутника.

— Тсс!—остановилъ меня п. Долива: не говори такъ громко, чтобы не примѣтили насъ гг. гусары, а то и намъ отъ нихъ достанется. Я этого пана ярмаковича хорошо знаю.

— Любопытно, кто жъ это?

— Это Миколай Чайковскій изъ Каменца. Вотъ увидишь, какую онъ выкинетъ имъ штуку?

— Какую же штуку?

— Будь терпѣливъ—увидишь, какъ они съ лихвою заплатятъ ему за свои „жарты“. Останемся еще здѣсь, посмотримъ, что будетъ.

Насмѣшки продолжали сыпаться градомъ на бѣдного ярмарковича, но онъ все молчалъ и только по окончаніи обѣда спросилъ хлопца: сколько съ него слѣдуетъ получить.

— Рубль серебромъ отвѣчалъ слуга.

— Но, мой коханый, я истратилъ въ дорогѣ всю мелочь и имѣю лишь ассигнаціи.—Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, развязалъ большую пачку сторублевыхъ ассигнацій и, подавая одну изъ нихъ слугѣ, спросилъ, можетъ-ли онъ дать сдачу.

— Со ста рублей?—изумился плопецъ.—Нѣтъ, нельзя!

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, ты сдашь мнѣ съ дуката?

— Съ дуката можно, отвѣчалъ слуга.

Тогда Чайковскій снялъ съ себя грубый кожаный *чересъ* (поясъ), которымъ былъ опоясанъ, развязалъ одинъ конецъ и высыпалъ оттуда большую кучу золота. Вручивъ слугѣ одинъ дукатъ, онъ снова всыпалъ монеты въ чересъ и опоясался имъ подъ своей чамарой. Все это онъ сдѣлалъ съ тѣмъ пугливымъ видомъ, съ какимъ обыкновенно хуторяне развязываютъ свои кошели при чужихъ людяхъ.

У гусаръ глаза загорѣлись при видѣ такого богатства, и они сразу же аттаковали бѣднаго „ярмаковича“: окружили со всѣхъ сторонъ, схватили подъ руки и съ шумомъ потащили въ бильярдную комнату.

— Вельможные.... вельможные паны добродзѣи! Паны добродзѣи!—упрашивалъ ихъ испуганный Чайковскій: куда вы меня тащите?

— Сюда, сюда, вельможный мосци-добродзѣю, въ сосѣднюю комнату, къ бильярду!—кричали гусары.

— Къ бильярду? А на что мнѣ тотъ бильярдъ? Я уже вполнѣ сытъ и больше ѣсть не хочу.

— Ха, ха, ха!—раздался дружный взрывъ.—Вельможный мосци-добродзѣй воображаетъ, что бильярдъ—это что-то съѣдобное! Ха, ха, ха!

— А, вѣрно, что-нибудь въ родѣ компота или конфитуръ (варенья); а я компотовъ и конфитуръ не ѣмъ, какъ и небожчикъ мой вуяшекъ (дядя).

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, бильярдъ—это не компотъ и не конфитуры: это—игра!

— Игра?—удивленно переспросилъ Чайковскій.—Въ самомъ дѣлѣ? Какая же это игра?

— А вотъ увидишь, мосци-добродзѣю! Это—хорошая игра. Ты легко ей научишься и будешь играть съ нами.

— Я буду играть съ вельможными панами добродзѣями?! И еще буду ей учиться?.. На что она мнѣ! Увольте меня, вельможные паны, у меня нѣтъ времени: я пріѣхалъ на ярмарку купить себѣ воловъ, коней и всего, что нужно въ хозяйствѣ, потому что я—бѣдный гречкосѣй. Мнѣ нужно поскорѣе справиться на ярмаркѣ, чтобы во время вернуться домой, гдѣ меня ожидаетъ жена; иначе она меня поколотитъ, ей-богу! и очень больно поколотитъ: то такая сварливая баба, настоящій Иродъ, гайдамака! ей-богу!

— Ха, ха, ха! громко заливались гусары; отпуская разныя прибаутки по адресу жены Чайковскаго, которой у него никогда не бывало.

— Прощайте, прощайте, вельможные паны! Я долженъ итти!...—и съ этими словами Чайковскій порвался къ двери.

— Куда? куда?—закричали гусары и заступили дорогу.— Ты не уйдешь отъ насъ такъ: ты долженъ играть съ нами.

— Смилуйтесь, ясновельможные паны! Пустите душу на покаяніе!—чуть не плачетъ несчастный шляхтичъ. Но ему уже всунули въ руку кій, разложили шары на бильярдѣ, и одинъ изъ присутствующихъ поставилъ ставку.

— По чемъ же играть будемъ? спросили Чайковскаго.— Вѣдь это игра на деньги.

— Какъ на деньги?! вскричалъ бѣдняга, вытаращивъ отъ изумленія глаза.—Я, бѣдный гречкосѣй, никогда не играю на деньги, а только играю дома въ марьяжъ съ моимъ сосѣдомъ панномъ Бартломеемъ, когда онъ въ праздникъ заѣдетъ иногда ко мнѣ на своей дрындулькѣ, а въ другую игру не умѣю играть...

— Ха, ха, ха! То—марьяжъ, а то—бильярдъ! Въ бильярдную игру всегда нужно играть на деньги. Ну, по чемъ же станемъ играть, мосци-добродзѣю? Мы обыкновенно играемъ по сту рублей ассигнаціями.

— Матко Найсвѣнтша! По сту рублей ассигнаціями? Я полагалъ, что по три гроша!..

— По три гроша?.. Что же ты мосци-добродзѣю, смѣешься надъ нами?

— Сохрани Боже, чтобы я дерзнулъ смѣяться надъ ясновельможными панами; но я никогда въ жизни не игралъ даже и по три гроша!..

Ну, а мы иначе не играемъ, какъ по сту рублей,—закричали всѣ.—Довольно, игра начинается!

Гусаринъ далъ выставку, и Чайковскій съ комической неловкостью ударилъ кіемъ! и далъ киксъ. Всѣ дружно разсмѣялись.

— Вельможные и коханые паны добродзѣи! Я не умѣю что дѣлать съ этимъ кіемъ—взмолился опять Чайковскій. Не хочу играть! Я пойду на ярмарку...

— Э, нѣтъ, вельможный мосци-добродзѣю, ты долженъ теперь играть, потому что партія начата.

Нечего было дѣлать; Чайковскій покорился своей печальной участи, и игра началась. Невозможно описать, сколько было шума, галаса и смѣха между присутствовавшими, пока продолжалась эта партія. Чайковскій съ такой забавной миной и съ такой неповоротливостью прицѣливался кіемъ, что морилъ со смѣху всѣхъ; нечего и говорить, что онъ дѣлалъ безпрестанные киксы, проигралъ партію и остался „на кіѣ“.

— На кіѣ, на кіѣ! ха-ха-ха!—кричали, всѣ награждая его аплодисментами.—Браво, вельможный мосци-добродзѣю! Полѣзай же подъ бильярдъ и плати двойную ставку.

— Что? какъ?— недоумѣвалъ Чайковскій. Что значитъ „на кіѣ“?

— Ха-ха-ха! Онъ ничего не понимаетъ! А это означаетъ вотъ что: кто въ партіи не сдѣлаетъ ни одного удара, тотъ остается „на кіѣ“ и обязанъ пролѣзть подъ бильярдомъ и заплатить двойную ставку; таково правило игры.

— Какъ то, вельможные паны? я обязанъ, какъ собака, лѣзть подъ бильярдъ и платить двойную ставку? Такое правило?

— Да, такое правило. Полѣзай же живо, вельможный мосци-добродзѣю, и положи въ лузу двѣсти рублей.

— Признаюсь, это—очень скверное правило!— печально промолвилъ Чайковскій и съ самымъ комическимъ видомъ по-

лѣзъ подъ бильярдъ, а вылѣзши оттуда, отряхнулся, сплюнулъ и проговорилъ:

— Чортъ бы побралъ такія конфитуры (варенье)!—А позвольте спросить, вельможные паны,—добродушно обратился онъ къ гусарамъ: вы сказали, что кто останется на кіѣ, тотъ долженъ лѣзть подъ бильярдъ. Такъ ли я понялъ?

— Конечно, такъ.

— Честное слово?

— Честное слово. Таково правило игры.

— А еслибъ, примѣрно, кто-либо изъ вельможныхъ пановъ, храни Боже, остался на кіѣ,—и онъ также полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Разумѣется!

— Честное слово?

— Честное слово.

— Это забавно! Я никогда не слыхалъ о такомъ правилѣ. А теперь, вельможные паны, смилуйтесь и отпустите меня. Пусть ужъ я пойду на ярмарку, а то жена пребольно меня поколотитъ; и лошади мои стоятъ на улицѣ и ждутъ. Вѣдь я заплатилъ уже 200 рублей за эти проклятыя *конфитуры* и долженъ буду передъ своей вѣдьмой дать отчетъ: что я скажу ей? Будьте здоровы, вельможные паны! Я долженъ непремѣнно уйти. Благодарю за науку.—И онъ направился къ дверямъ.

— А еще со мной! еще со мной! Поставь разомъ двѣсти рублей, авось свои отыграешь!—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ и хватаютъ за руки.

— Святый Боже! Двѣсти рублей? Не хочу, не хочу! Я иду!

И „Святый Боже“ не поможетъ—ты долженъ играть: вотъ я уже далъ выставку.

И Чайковскому снова всучили кій и потащили его къ бильярду. Онъ отпрашивается, едва не плачетъ. Ничто не помогаетъ! Снова начали партію. Чайковскій съ тою же комическою неловкостью стучитъ кіемъ, но на этотъ разъ ему удалось сдѣлать два правильныхъ удара.

— Слава Богу!—радостно восклицаетъ онъ: по крайней мѣрѣ теперь не полѣзу подъ бильярдъ! Однако, смилуйтесь,

вельможные паны! Не могу больше! И такъ ужъ я заплатилъ 400 рублей, а тамъ ярмарка ждетъ и лошади на улицѣ.

— Что тамъ ярмарка? Ярмарка не уйдетъ! А вотъ вельможный мосци-добродзѣй со мной еще не игралъ. Ну-ка начнемъ маленькую партійку въ 400 рублей.

— Это Божье наказаніе! Пустите, панове, я не имѣю времени!—Но гусары заступили ему дорогу и потащили къ бильярду съ криками: Ты долженъ играть третью партію!

— По крайней мѣрѣ, научите меня, вельможные паны, какъ слѣдуетъ играть, потому что я чистый оселъ.

— Изволь, мосци-добродзѣю! Это очень не трудно: вотъ такъ держи кій, вотъ такъ бей.—И стали его учить. Онъ какъ послушнѣйшій неукъ, внимаетъ и пробуетъ.

За третей партіей онъ сдѣлалъ уже 18 ударовъ, хотя и проигралъ 400 рублей; за четвертой—30, за пятой—50, а шестую онъ уже выигралъ,—и разомъ вернулъ всѣ свои проигрыши, такъ какъ всѣ партіи шли quitte va double.

— А, слава Богу! вздохнулъ радостно Чайковскій: эта партія мнѣ какъ-то удалась. Теперь ужъ я вельможнымъ добродзѣямъ ничего не долженъ, ни они мнѣ; позвольте же теперь уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! вельможный мосци-добродзѣю!—закричали всѣ хоромъ: ты долженъ играть еще съ каждымъ, съ каждымъ!

— А то Божеское наказаніе!—жалобно завопилъ бѣднякъ, почесывая затылокъ.—Вельможные паны-добродзѣи, не принуждайте меня играть! Вотъ я при этихъ свидѣтеляхъ (а къ тому времени на шумъ забавнаго приключенія вся зала наполнилась любопытными зрителями) покорно прошу васъ: отпустите меня! Такъ я проиграюсь до рубашки, не съ чѣмъ будетъ идти и на ярмарку, а то пожалуй еще разъ заставите меня лѣзть подъ бильярдъ!

— Конечно; если останешься на кію, обязательно полѣзешь.

— А если, сохрани Боже, кто либо изъ вельможныхъ пановъ останется? Онъ тоже полѣзетъ подъ бильярдъ?

— Натурально, полѣзетъ.

— Честное слово, вельможные паны?

— Честное слово, мосци-добродзѣю. Ну, играемъ. Вотъ я даю выставку.

Партія началась. Мой спутникъ толкаетъ меня и шепчетъ на ухо: „Теперь смотри: начинаются штуки".

Осмѣянный, обыгранный, неповоротливый Чайковскій въ самомъ дѣлѣ началъ показывать настоящія „штуки": въ одинъ пріемъ окончилъ партію и посадилъ противника на кій.

— Ахъ я оселъ! Что я сдѣлалъ!—съ испуганнымъ видомъ вскричалъ Чайковскій.—Сердечно прошу вельможнаго коханаго пана простить меня: это не болѣе, какъ несчастная случайность. Мнѣ очень прискорбно, что вельможному пану прійдется, по правиламъ игры, лѣзть подъ бильярдъ, какъ то было и со мною.

Гусары раскрыли рты отъ изумленія. Но дѣлать нечего: честное слово дано—путешествіе подъ бильярдомъ исполнено безъ прекословія, поставлена двойная ставка, и игра снова началась. Не прошло пяти минутъ, какъ другой бравый гусаринъ полѣзъ подъ бильярдъ. Всѣ приходятъ въ азартъ и на перебой другъ передъ другомъ удваиваютъ ставки. Чайковскій съ тѣми же забавно-неуклюжими пріемами съ каждымъ разомъ играетъ все лучше: дѣлаетъ дублеты, триплеты и клапштоссы, или же, оставаясь неподвижно на одномъ мѣстѣ, онъ какъ волшебникъ, заставляетъ свои шары возвращаться на тѣ пункты какіе ему желательны. Каждаго изъ противниковъ онъ, оставляетъ „на кіѣ", всякій разъ униженно предъ нимъ извиняется и тономъ самаго почтительнаго участія приглашаетъ его подчиниться неумолимымъ правиламъ игры и совершить прогулку подъ бильярдомъ. Кончилось тѣмъ, что онъ обыгралъ всѣхъ до чиста и положилъ въ карманъ около двадцати тысячъ рублей.

Опорожнивъ всѣмъ карманы, онъ учтиво поблагодарилъ за науку.

— Какъ же я сердечно благодаренъ вельможнымъ, коханымъ и ласковымъ панамъ, что они соизволили меня, бѣднаго ярмарковича, научить игрѣ на этомъ бильярдѣ! Въ самомъ дѣлѣ, какая это прекрасная и легкая игра! А я, простакъ, полагалъ прежде, что бильярдъ—это какія-то конфитуры!...

Если вельможные паны позволятъ, я прійду завтра еще поучиться у вельможныхъ пановъ и засвидѣтельствовать имъ мою глубочайшую сердечную благодарность за науку.

— Нечего насъ благодарить: ты самъ далъ намъ добрую науку—обыгралъ всѣхъ до чиста.

— Ахъ, я убѣдительнѣйше умоляю вельможныхъ и коханыхъ пановъ извинить меня: это—не болѣе, какъ слѣпая случайность.

Онъ простился самымъ учтивымъ образомъ и вышелъ съ низкими поклонами. Мы едва удерживались отъ смѣха и поспѣшили за нимъ. Мой спутникъ представилъ меня Чайковскому, и это было первое мое знакомство на ярмаркѣ, тѣмъ болѣе пріятное, что подобнаго бильярдиста мнѣ никогда еще не приходилось видѣть, да едва ли и есть другой, ему подобный.

— Ну, панъ, ты хорошо проучилъ ихъ!—замѣтилъ со смѣхомъ мой спутникъ.

— А что-жъ! скромно отвѣтилъ Чайковскій: они сами меня научили, а я, какъ понятливый ребенокъ, такъ быстро научился, что имъ же оказалъ маленькую услугу: облегчилъ имъ карманы. Теперь имъ легче будетъ гонять по городу и чинить „галабурды“.

— А мы съ такимъ захватывающимъ интересомъ смотрѣли на игру, какъ будто предъ нами шло представленіе лучшей пьесы Шекспира или Шиллера.

— Что же Шекспиръ и Шиллеръ! Они артисты въ своемъ родѣ, а я въ своемъ. Шекспиръ и Шиллеръ назвали бы меня осломъ по сравненію съ собой; а я несомнѣнно посадилъ бы ихъ на кій, какъ тѣхъ вельможныхъ и коханыхъ пановъ добродзѣевъ, которые теперь навѣрное находятся не въ авантажѣ.

Мы посмѣялись еще и простились съ паномъ Чайковскимъ.

Вернувшись на постоялый дворъ, мы встрѣтились съ расфранченной хозяйкой-еврейкой, вышедшей встрѣтить насъ.

— Какъ поживаете пани Сура?—спросилъ мой спутникъ. Гдѣ же твой мужъ, почтенный панъ Гершко?

— Его нема въ хатѣ.

— А гдѣ же онъ?

— Вунъ сидитъ въ леху.

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— Атъ! вунъ робитъ тамъ вельки интереса.

— Какіе же то „интереса?“

— И атъ! вунъ робитъ вино шампанское для пана Чаецкаго; то барзо добрый панъ.

Мы съ изумленіемъ узнали, что въ Бердичевѣ, въ домѣ почтеннаго Гершка существуетъ фабрика шампанскаго вина.

Переодѣвшись, мы вышли побродить по городу. Въ первый разъ я увидѣлъ здѣсь эту разноплеменную, разноязычную, крикливую толпу людей въ разнообразнѣйшихъ одеждахъ, безконечнымъ потокомъ затоплявшую улицы пѣшо, конно, въ бричкахъ, возахъ, коляскахъ, каретахъ. Смѣшанный гулъ голосовъ сливался въ глухіе звуки, напоминавшіе клокотаніе кипящей воды; лѣтомъ, на св. Онуфрія, среди этого гаму, звонко выдѣляются еврейскія выкрикиванія: холодная вода со льдомъ! холодная вода со льдомъ!

Городъ большой, со множествомъ красивыхъ каменныхъ домовъ, но ужасно, чисто по еврейски, тѣсный; базарная площадь, однако, довольно обширна. Возлѣ ратуши находится огромное зданіе съ высокой башней, въ верхнемъ этажѣ котораго въ то время помѣщались владѣльцы Бердичева, а также богатые купцы и банкиры, а въ нижнемъ—лучшіе магазины, въ томъ числѣ—славнаго тогда Шифнагля. Толпы покупателей и праздныхъ зрителей переходили изъ одного въ другой; мужчины и женщины, старые и молодые, дамы въ изысканныхъ нарядахъ, сопровождаемые элегантной молодежью, паны и простые шляхтичи осаждали магазины или сами служили для нихъ сильнымъ гарнизономъ. По улицамъ, среди невообразимой толкотни, безпрестанно раздавались крики кучеровъ: Направо! держи направо! Молодежь по большей части красовалась на своихъ аргамакахъ. Всѣ продавали, покупали, а иные и плутовали безъ конца.

Вотъ ѣдутъ верхами какіе-то средневѣковые рыцари и возглашаютъ, что сегодня будетъ происходить акробатическое представленіе; вслѣдъ за ними дождемъ сыпятся въ толпу разнаго рода афиши. Евреи, какъ ошпаренные, мечутся всюду: то факторы, то просто карманщики, то съ пачками подъ пахой, то безо всего; каждаго проходящаго, особенно молодыхъ, они останавливаютъ, предлагаютъ свои товары—и непремѣнно задешево, якобы себѣ въ убытокъ, въ особенности, если нападутъ на неопытнаго панича. Вотъ идетъ, охарашиваясь, молодой щеголь, пріѣхавшій съ отцомъ на ярмарку и вышедшій поглазѣть на публику. Съ нимъ встрѣчается еврейчикъ, съ какимъ то узелкомъ подъ полой.

— Паничу! паничу! ясный пане!—шепчетъ онъ ему съ таинственнымъ видомъ.

— Что тебѣ?

— Я хочу показать паничу сличный раритетъ.

— Что же у тебя? Покажи.

— Я имѣю для панича самый рѣдкій раритетъ, антикъ: футерко одного американскаго звѣрька.

— Покажи, покажи.

— Але то, паничу, *пэкэлэ*, подъ секретомъ; я его никому не могу показать, только одному паничу, ей-богу!

— *Пэкэлэ?* что же это такое *пэкэлэ?*

— То есть заграничный товаръ, контрабанда.

— Покажи скорѣй, не тяни,—выходитъ изъ терпѣнія паничъ.

— Але нехай паничъ отойдетъ трошечки на бокъ, абы якый полицай не зобачилъ, бо то—пэкэле, самая большущая рѣдкость!—и онъ показываетъ маленькую шкурку съ мелкимъ серебристымъ волосомъ, гладкимъ какъ шелкъ.

— Ахъ какая прекрасная шкурка!—восклицаетъ изумленный паничъ, хватая ее.

— А правда, что слична? Я же говорилъ паничу, что это антикъ, заграничная рѣдкость, изъ самой Америки, пэкэлэ.

— Что жъ за него? Какъ этотъ звѣрекъ пазывается?

— Это звѣрятко называется *азокъ*.

— Азокъ? Я не слыхивалъ никогда о такомъ звѣрѣ.

— Бо оно не здѣшнее, а заграничное, изъ Америки. Купите, паничъ, только скорѣе, тутъ нужна осторожность, бо якъ який полицай зобачытъ, ай вай! то меня посадитъ въ полицію.

— Ну, что же ты хочешь за этого азока?

— Я возьму съ панича, что мнѣ самому стоитъ: десять карбованцевъ.

— Десять карбованцевъ? Это ужасъ.

— А хиба то много? Ну, что паничъ дастъ?

— Я дамъ три рубля.

— Три? Ай вай! Можетъ быть, паничъ жартуетъ со мною? Мнѣ самому стоитъ девять съ половиною карбованцевъ, а мнѣ надо же заработать хоть полъ-рубля, бо я съ того живу.

— Ну, даю четыре.

— Ай вай! Дайте, паничу девять съ половиною, какъ мнѣ самому стоитъ; я такъ только одному паничу продаю, а больше никому.

— Такъ и быть, дамъ пять рублей, а больше ни гроша.

— Ай вей, паничу, полицай подходитъ: скорѣй, паничу! пусть будетъ девять карбованцевъ.

— Бери шесть, а не то убирайся!—и паничъ хочетъ отойти.

— Ну, ну, продаю, продаю! и то только паничу, а больше никому, хотя и въ убытокъ себѣ.

Паничъ вынимаетъ шесть рублей и расплачивается, а еврей исчезаетъ.

Возвратившись на квартиру, необыкновенно радостный, сынъ хвалится отцу удачной покупкой.

— Что же тамъ у тебя, Юзю?—спрашиваетъ отецъ.

— Купилъ превосходный американскій мѣхъ удивительнаго качества: ты будешь имѣть, папа, отличнѣйшую, элегантную шапочку для утренняго костюма, даже для верховой ѣзды.

— Покажи, что тамъ такое.

Отецъ молча посмотрѣлъ покупку и потомъ спрашиваетъ:

— Что же это за мѣхъ?

— Ага! папа никакъ не угадаетъ, ха—ха! Это—американскій звѣрь, *азокъ*.

— Азокъ? что за азокъ?

— Да, папа, азокъ; это такой американскій звѣрекъ, неизвѣстный въ Европѣ.

— А много ты за него далъ?

— Вообрази, папа! Очень дешево: всего шесть рублей. Правда, недорого?

— Шесть рублей? Ха—ха—ха! Какой же ты глупый, мой сынокъ!

— Глупый? Почему?

— Потому что эта шкурка стоитъ не дороже десяти, въ крайнемъ случаѣ пятнадцати грошей.

— Пятнадцати грошей? Но пойми, папа, что вѣдь это очень рѣдкая вещь. Онъ говорилъ, что взялъ съ меня сколько самому стоитъ, и только мнѣ одному такъ дешево продалъ, себѣ въ убытокъ.

— Ха-ха-ха! Какой же ты оселъ, мой Юзю!

— Но, папа, все же это рѣдкій, американскій звѣрекъ.

— У каждаго жида въ Бердичевѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ и селѣ въ Европѣ водится этотъ глупый американскій звѣрь и лазитъ по кровлямъ и заборамъ.

— Что ты разсказываешь, папа? Что же это за звѣрь?

— Это, мой Юзю, по-просту—коза.

— Коза? Не можетъ быть! Гдѣ же это видано, чтобы козья шкурка имѣла такой шелковый, серебристый волосъ!

— Да, это не настоящая коза, а козленокъ, выпоротый изъ утробы матери,—такъ называемый *выпортокъ*; вотъ почему волосъ на немъ такой мелкій и блестящій. Видишь, Юзю, какъ тебя жидъ одурачилъ?

— Ахъ онъ шельма, воръ, разбойникъ! А еще увѣрялъ, что это *пэкэлэ*, контрабанда, американскій антикъ, азокъ! Яжъ его непремѣнно разыщу на ярмаркѣ и оборву ему пейсы!

— О, ты его поймаешь теперь—какъ разъ! Не таковскій онъ! ха—ха!

Но случайно вышло такъ, что спустя часъ паничъ сталкивается съ тѣмъ самымъ евреемъ здѣсь же, у воротъ своей квартиры.

— А, это ты, шельма? ты, плутъ, разбойникъ? Поди сюда поди!—и тащитъ его за пейсы въ домъ, гдѣ находился отецъ

и нѣсколько ярмарковичей.—Вотъ, папа, тотъ мошенникъ, что продалъ мнѣ шкурку!

— Ай вай! гевултъ! Чего паничъ отъ меня хочетъ?

— Это ты, шельма, продалъ мнѣ шкурку?

— Ну, и что жъ изъ того? Я продалъ—и очень дешево, только для панича.

— Дешево? Взялъ шесть рублей за такую дрянь, которая не стоитъ пятнадцати грошей!

— Герште! Какъ не стоитъ! Я понесъ большой убытокъ.

— Убытокъ? Ахъ ты разбойникъ! Ты увѣрялъ, что продаешь шкурку американскаго звѣрька *азока*, а это—просто коза!

— Ну, что азокъ, что коза—то все одно: по нашему читая, отъ правой руки къ лѣвой, выйдетъ *азокъ*, а по вашему, слѣва на право—выходитъ *коза*. Чи идетъ, чи ходитъ—все на одно выходитъ. Ну, и чего же паничъ отъ меня хочетъ?..

Отецъ и присутствовавшіе гости невольно разсмѣялись этому остроумному объясненію; паничъ сконфуженно почесалъ затылокъ, а еврей шмыгнулъ—и былъ таковъ!

Меня, какъ новичка, первый разъ посѣтившаго Бердичевскую ярмарку, очень занимало и даже поражало это шумное, разноплеменное стеченіе народа. Я долго не могъ освоиться съ ярмарочной суматохой; даже по ночамъ въ моихъ ушахъ отзывался неумолкаемый говоръ, шумъ, а передъ глазами проходилъ безконечный калейдоскопъ самыхъ разнообразныхъ лицъ, фигуръ, костюмовъ, сценъ, нерѣдко фантастическихъ. Въ ту эпоху Бердичевская ярмарка славилась по всей Польшѣ и Россіи и играла ту же роль, что Лейпцигская въ Германіи. Сюда пріѣзжали торговцы изъ глубокой Россіи, Австріи, Германіи, Болгаріи, Турціи, Аравіи и Богъ знаетъ откуда; а сколько съѣзжалось покупателей, гостей, прибывшихъ изъ любопытства, для развлеченія, а часто и для игры въ *фараонъ*! Почти въ каждомъ домѣ, днемъ и ночью, шелъ картежъ, слышались возбужденные голоса, крики радости или страшныя проклятья, хлопанье бутылокъ и т. под.

Крѣпко держался я своего ментора и путеводителя, пана Доливы-Старжинскаго, съ которымъ мы пріѣхали въ Бердичевъ

и который возилъ меня по знакомымъ. Часто и онъ садился за зеленый столъ, игралъ и нерѣдко выигрывалъ, а я лишь смотрѣлъ, не испытывая ни малѣйшей охоты принять участіе въ игрѣ,—смотрѣлъ не въ карты, а на лица игроковъ. По правдѣ говоря, для наблюдателя нѣтъ болѣе увлекательнаго занятія, какъ слѣдить за измѣненіемъ выраженій на лицахъ игроковъ, когда они забавляются своей „малеваной литературой", за этой безпрестанной смѣной радости, надежды, разочарованія и полнаго отчаянія. Вотъ одинъ страшно сморщился и съ ожесточеніемъ рветъ въ куски проклятую пятерку, что его погубила; другой радостно улыбается: вѣрно, фортуна ласково погладила его по головкѣ; третій угрюмо рычитъ и рветъ на себѣ волосы: очевидно, проигрался до нитки. Иной съ счастливымъ видомъ собираетъ со столика кучи золота и ассигнацій; тотъ порывисто встаетъ съ мѣста и, чтобы утѣшиться или придать себѣ больше куража, жадно прикладывается къ стоящимъ въ углу бутылкамъ и поглощаетъ безъ разбору, что попадетъ подъ руку: водку, вино, портеръ, ликеръ. Вокругъ нихъ господствуетъ немолчный, хаотическій шумъ, гвалтъ, на фонѣ котораго, какъ громовые удары, раздаются зловѣщія слова: пароль! бью! ва-банкъ! Не возможно изобразить подобныя сцены, свидѣтелемъ которыхъ я бывалъ неоднократно.

Чаще всего подобныя сцены повторяются тамъ, гдѣ предводительствуютъ игрой и мечутъ банкъ спеціальные артисты, попросту—шулера. Мнѣ случалось знавать ихъ; обыкновенно это такой народецъ, что, имѣя деньги, я побоялся бы переночевать съ ними въ одной комнатѣ. По большимъ городамъ, или же во время многолюдныхъ съѣздовъ, ярмарокъ, контрактовъ они набираютъ подручныхъ агентовъ, которые разыскиваютъ молодыхъ, неопытныхъ богатыхъ людей, коварно увлекаютъ ихъ въ игру, а въ концѣ концовъ грабятъ и обираютъ ихъ не хуже разбойниковъ на большихъ дорогахъ.

На ярмаркѣ въ Бердичевѣ мы были свидѣтелями одной забавной сцены съ шулерами. Дознались они, что прибылъ на ярмарку молодой помѣщикъ, недавно унаслѣдовавшій послѣ скопидома-дяди милліонное состояніе. Было извѣстно, что до того вре-

мени онъ былъ совершеннымъ бѣднякомъ, и теперь, имѣя въ карманѣ болѣе ста тысячъ злотыхъ, пріѣхалъ сдѣлать нѣкоторыя закупки и вмѣстѣ съ тѣмъ поразвлечься. Не успѣлъ онъ осмотрѣться, какъ его окружилъ цѣлый сонмъ найсердечнѣйшихъ пріятелей, которыхъ онъ никогда не знавалъ и въ глаза не видывалъ; то были агенты извѣстнаго всему свѣту Х., который содержалъ въ разныхъ городахъ Европы и въ Бердичевѣ во время ярмарки открытые игорные дома и исправно очищалъ карманы безчисленному множеству молодыхъ, неопытныхъ паничей. Сердечные друзья не давали отдыха нашему новичку, показывали ему разныя забавы и развлеченія, водили въ театръ, въ кондитерскія, винныя лавки, а онъ благодушно за все расплачивался, будто на радостяхъ, что обрѣлъ вдругъ столько добрыхъ пріятелей. Одн ажды, возвращаясь изъ погребка, они, будто мимоходомъ, завели его въ игорный домъ, гдѣ, обложившись кучами лежавшихъ на столѣ дукатовъ и ассигнацій, банкиръ хладнокровно металъ банкъ, а толпа возбужденныхъ понтеровъ, съ недвижно устремленными въ карты глазами, въ зловѣщемъ молчаніи ожидала выхода карты, которая должна была принести жизнь или смерть каждому изъ нихъ.

При входѣ окруженнаго сонмомъ добрыхъ пріятелей богатаго гостя, банкиръ, заранѣе предупрежденный, поднялъ глаза и, привѣтливо поклонившись ему, крикнулъ: *place! place, messieurs!* Всѣ разступились и дали гостю мѣсто у стола. Послѣ обмѣна взаимныхъ учтивыхъ фразъ, ему предложили принять участіе въ игрѣ.

— Что же я поставлю на карту?—спросилъ гость нерѣшительнымъ тономъ.

— Что?—подхватилъ одинъ изъ пріятелей.—А много панъ имѣетѣ при себѣ?

— Восемьдесятъ тысячъ въ золотѣ и бумагахъ,—добродушно сознался молодой помѣщикъ.

— То поставь, панъ, все.

— Все? какъ же все?

— А такъ, все: либо генералъ, либо капуцинъ.

— Вотъ прекрасно—все! А что жъ у меня останется, если проиграю? Что я буду дѣлать безъ гроша, и какъ доберусь домой?

— Ха-ха-ха! И чѣмъ же особеннымъ панъ рискуетъ?

— Какъ чѣмъ? Рѣшительно всѣмъ.

— Смѣшно и слушать! Если проиграешь, то будешь голъ, какимъ былъ раньше, и это не можетъ особенно огорчать пана, потому что ты достаточно освоился съ нищетой, за то узнаешь ярмарку и людей; а если выиграешь, то сразу будешь имѣть 160 тысячъ—капиталъ, съ которымъ можно скупить чуть не всѣхъ воловъ и лошадей на ярмаркѣ. Наконецъ, въ случаѣ проигрыша, пану все же останется земля.

— Это правда; однако, я все-таки побаиваюсь, друзья мои! твердитъ немного охмелѣвшій хуторянинъ, только что вернувшійся изъ погребка.

— Фи! стыдись, панъ, говорить это: всѣ станутъ смѣяться.

— Станутъ смѣяться? Развѣ всѣ ставятъ такъ много?

— Конечно, всѣ. Вотъ хотя бы эти господа, что сейчасъ играютъ: не одинъ изъ нихъ поставилъ сто тысячъ, а получитъ двѣсти. Такъ и ты, панъ, поставишь восемьдесятъ, а выиграешь сто шестьдесятъ тысячъ.

— Панъ серьезно говоритъ это.

— Конечно, не шучу. Панъ знаетъ, какъ сердечно я къ нему расположенъ.

— Честное слово, я выиграю?—и протягиваетъ совѣтнику руку.

— Честное слово!—увѣряетъ тотъ; и они ударили по рукамъ.

— А! если, панъ, даешь мнѣ честное слово, что выиграю, а панъ долженъ лучше знать про это, потому что лучше моего знаетъ это дѣло, въ такомъ случаѣ....—и онъ вынимаетъ бумажникъ съ ассигнаціями и два кошелька съ золотомъ.—Вотъ мои восемьдесятъ тысячъ: прошу дать мнѣ карту.

Поспѣшно подали ему колоду картъ, и онъ выбралъ двойку и на эту двойку поставилъ весь свой капиталъ.

Наступила минута общаго молчанія. Всѣ съ любопытствомъ или съ насмѣшливымъ изумленіемъ посматривали на отважнаго понтера и на банкомета, который, покраснѣвъ отъ радости, съ бьющимся сердцемъ, съ загорѣвшимися при видѣ вѣрной

добычи глазами, дрожащими руками металъ банкъ: влѣво, вправо, влѣво... и вдругъ—о несчастье! черезчуръ взволнованный банкиръ какъ то ошибся, подмѣнилъ не ту карту—и двойка пала на сторону равнодушнаго понтера!. Внезапный ударъ грома не поразитъ такъ заблудившагося въ дремучемъ лѣсу путника, какъ эта ужасная двойка сразила въ самое сердце почтеннаго банкомета: блѣдный, съ широко раскрытымъ ртомъ и глазами, онъ хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его не слушался. Черезъ минуту онъ, однако, совсѣмъ оправился; его, видимо, оживила надежда, что молодой человѣкъ, опьяненный неожиданнымъ счастьемъ, захочетъ продолжать игру; но тотъ съ хладнокровнѣйшимъ видомъ, среди общаго молчанія, сгребъ со стола свои и выигранныя деньги, сосчиталъ, наполнилъ ими всѣ свои карманы и, обращаясь къ тому изъ пріятелей, которой уговорилъ его играть, промолвилъ съ изысканной, хотя и иронической, учтивостью:

— Мнѣ очень пріятно выразить уважаемому пану благодарность за то, что онъ изъ дружеской расположенности склонилъ меня отважиться на такой отчаянный рискъ. Панъ можетъ судить, какъ я глубоко его уважаю, если, довѣряя лишь его честному слову, безъ колебанія поставилъ на карту такую крупную сумму: такъ крѣпко я былъ увѣренъ въ выигрышѣ. Вижу, что панъ не на вѣтеръ бросаетъ свое честное слово. Теперь мнѣ остается лишь поблагодарить почтенныхъ пановъ за лестное знакомство и распроститься съ ними навсегда.—И поклонившись учтиво, онъ хотѣлъ выйти.

— Но позвольте, позвольте!—вскричалъ пораженный банкометъ: такъ не годиться уйти, забравши деньги: вы должны дать намъ реваншъ.

— Въ этой милой забавѣ—отвѣчалъ молодой человѣкъ—можно уйти, оставивъ деньги; почему же нельзя уйти, забравши ихъ?

— Но, пане!—отозвалось нѣсколько голосовъ:—такъ не годится; вы должны еще играть.

— Почему же не годится? Я тому почтенному пану слѣпо повѣрилъ, когда онъ при васъ поручился честнымъ словомъ въ

моемъ выигрышѣ; теперь я требую, чтобы паны взаимно повѣрили моему честному слову, которое торжественно даю въ настоящую минуту: я никогда въ жизни не игралъ въ карты и никогда впредь играть не буду.

— Какъ? панъ не будетъ играть?—закричали всѣ съ тревогой.

— Никогда! Даю въ томъ честное слово, котораго также я не бросаю на вѣтеръ, и клянусь предъ Богомъ, что отнынѣ никогда въ жизни не возьму и въ руки картъ, какъ не бралъ ихъ до сегодняшняго дня.

Сдѣлавъ общій поклонъ, онъ ушелъ.

— Sacrébleu!—вскричалъ ломая руки банкометъ: какову штуку сыгралъ съ нами этотъ хуторянинъ, мужикъ: забралъ почти всю наличность банка и ушелъ!—Тутъ посыпались проклятія на голову злополучнаго хуторянина, и игра скоро прекратилась, потому что въ банкѣ осталось немного денегъ.

— Однако, его непремѣнно надо поймать!

Скоро всѣ члены благороднаго товарищества разбѣжались по городу искать разорившаго ихъ счастливца; но его и слѣдъ простылъ: вѣроятно, онъ немедленно выѣхалъ изъ города. Эта исторія быстро разошлась по всему Бердичеву, и осмѣянные шулера должны были закрыть свой притонъ.

Однажды встрѣтился съ нами на улицѣ знакомый молодой человѣкъ, пустой хвастунишка и отчаянный франтъ.

— А, какъ поживаете?

— А ты какъ поживаешь?

Послѣ обычныхъ привѣтствій и разспросовъ, онъ настойчиво приглашаетъ насъ зайти къ нему на минуту, выпить по стакану вина, а между тѣмъ по дорогѣ заводитъ насъ въ оптическій магазинъ.

— Тутъ пріѣхалъ изъ-за границы одинъ еврей-оптикъ,—объясняетъ онъ намъ,—и привезъ новѣйшихъ фасоновъ очки; хочу купить. Будьте добры, панове, зайдемте на одну минутку. Я только выберу и тотчасъ уйдемъ.

Заходимъ въ магазинъ; за прилавкомъ сидитъ старый, почтеннаго вида, прилично одѣтый еврей. Нашъ пріятель начинаетъ

выбирать очки, но хулитъ всѣ: тѣ не по глазамъ, тѣ стараго фасона. Торговецъ предлагаетъ ему испробовать разные номера; онъ поочередно вскидываетъ очки на носъ, взглядываетъ на еврея и объявляетъ, что очки никуда не годны.

— Но почему же всѣ не годны?—спрашиваетъ продавецъ.

— Потому что показываютъ мнѣ однихъ дураковъ—и при этомъ паничъ смотритъ сквозь очки на еврея.

— Странно! Не можетъ быть, я въ первый разъ слышу это. А позвольте мнѣ, паничу, взглянуть!—и съ этими словами еврей беретъ очки, внимательно смотритъ сквозь нихъ на панича и тономъ изумленія говоритъ:

— Въ самомъ дѣлѣ! вы сказали правду! Какъ это странно! Молодой человѣкъ покраснѣлъ, раскашлялся, тотчасъ заговорилъ о другомъ, купилъ первыя попавшіяся очки—и мы поспѣшно вышли.

Почти всякій вечеръ мы были въ театрѣ; не помню, чья труппа играла въ то время, Зміевскаго или Зелинскаго. Актеры играли хорошо. Однажды сыграли моего Doktora z musu [1]) и тѣмъ болѣе доставили мнѣ неожиданное удовольствіе, что я совсѣмъ не зналъ ихъ и не хлопоталъ о постановкѣ моей комедіи. Театръ былъ полонъ; ложи, кресла и партеръ биткомъ набиты. По окончаніи піесы громко вызывали актеровъ, а нѣкоторые изъ моихъ Кременецкихъ пріятелей, замѣтивъ меня въ ложѣ, кричали: *виватъ авторъ! виватъ переводчикъ!* Выходя изъ театра, мой пріятель Старжинскій встрѣтился съ одной знакомой графиней изъ Волыни и представилъ ей меня, какъ своего пріятеля и переводчика только что игранной пьесы. Графиня сказала мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и пригласила насъ обоихъ къ себѣ на вечеръ на завтрашній день.

На другой день съ утра мы вышли на обычную прогулку по ярмаркѣ. Медленно подвигаясь среди ужасной тѣсноты, мы съ трудомъ добрались до звѣринца, гдѣ видѣли нѣсколько азіатскихъ и африканскихъ звѣрей; оттуда зашли въ циркъ, смот-

---

[1]) Авторъ, еще въ бытность студентомъ Кременецкаго Лицея, перевелъ нѣсколько комедій Мольера и въ томъ числѣ—„Le medecin malgré lui“.

рѣли и другія зрѣлища, какихъ было много въ Бердичевѣ, и наконецъ вышли на конскую ярмарку. Здѣсь стоило остановиться подольше. Предъ нами было множество табуновъ въ огражденныхъ загонахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ зрителями. Тутъ находилось много *татарскихъ* лошадей, степныхъ, невыѣзженныхъ, такихъ дикихъ и упрямыхъ, что лишь съ большимъ трудомъ можно было пріучить ихъ къ упряжи. Среди нихъ всюду суетились татары, которые ловили ихъ арканами, быстро взнуздывали и мчались, какъ вѣтеръ, по широкой ровной площади, также огороженной заборомъ. Далѣе, на самой окраинѣ города, происходили конскіе бѣга, въ которыхъ участвовали по временамъ лошади самыхъ извѣстныхъ заводовъ: князей Чарторыйскихъ, Сангушковъ, Браницкихъ. Иные изъ помѣщиковъ пріѣзжаютъ на ярмарку исключительно въ надеждѣ посредствомъ выигранныхъ призовъ поправить свои разстроенныя дѣла.

На конной площади и на бѣгахъ, среди любопытствующей публики, легче всего встрѣтить знакомыхъ. Еще издали замѣтили мы какого то смѣльчака, который, съ короткой трубочкой въ зубахъ, бился съ дикимъ жеребцомъ, никакъ не позволявшимъ сѣсть на себя. Видя, что его нельзя иначе укротить, отважный ярмарковичъ неожиданно подскочилъ вверхъ, схватилъ упрямое животное за уши—и вдругъ жеребецъ со всѣхъ четырехъ ногъ повалился на землю, Раздался вокругъ крикъ изумленія, а ярмарковичъ во мгновеніе ока вскочилъ верхомъ на коня, подобралъ поводья, свиснулъ, гаркнулъ—и взбѣшенный аргамакъ стрѣлой умчалъ его въ поле. Спустя нѣкоторое время укрощенный конь на обратномъ пути бѣжалъ уже вольнымъ алюромъ и, покрытый пѣной, сталъ на прежнемъ мѣстѣ, какъ вкопанный. Мы подходимъ ближе, и въ отважномъ сѣдокѣ я узнаю своего школьнаго товарища Спиридона Осташевскаго, носившаго прозвище Шпыря и извѣстнаго по цѣлой Украинѣ, благодаря его необыкновенной силѣ и сатанинской отвагѣ. Былъ онъ въ то время молодымъ еще человѣкомъ, умѣреннаго роста, атлетическаго сложенія, косая сажень въ плечахъ, лицо бѣлое, румяное, взглядъ всегда ласковый, голосъ такой могучій, что его можно было слышать и среди тысячной толпы. Помню, его

пѣніе служило предметомъ насмѣшекъ: говорили, что когда ему приходила фантазія затянуть какую-либо пѣсню, то всѣ волки въ лѣсахъ издали ему вторили. То былъ прекрасной души человѣкъ, такой незлобивый, что его никто не видѣлъ въ гнѣвѣ. Была у него и поэтическая жилка, и нерѣдко онъ пописывалъ порядочные стихи; еще недавно [1]) выпустилъ онъ въ свѣтъ довольно забавныя сказки сложенныя украинскимъ нарѣчіемъ, какимъ пишетъ Томко Падура, котораго казацкія пѣсни всюду распространены. Впрочемъ, Шпырь—разносторонній писатель: кромѣ упомянутыхъ „*Казокъ рускихъ*“, онъ еще издалъ брошюру „О *wychowaniu koni*“ и другую—„О *wychowaniu panien*“.

— Это ты, дорогой Шпырь?—вскричалъ я, обнимая его.

— А ты какъ поживаешь, Ковалю? Что подѣлываешь? Можетъ, пріѣхалъ покупать *пегаса?* Какъ ты попалъ сюда?

— Я пріѣхалъ съ Станиславомъ Старжинскимъ, у котораго проживаю теперь въ Замѣховѣ.

— А, это тотъ поэтъ? А хорошо пишетъ! Онъ здѣсь? Познакомь меня съ нимъ.

Я тотчасъ исполнилъ просьбу стараго товарища.

— Поздравляю пана!—сказалъ ему Старжинскій послѣ обычныхъ учтивостей при взаимномъ представленіи: вы мастерски укротили жеребца; мы всѣ удивлялись.

— А, то такая упрямая шельма!—гукалъ Шпырь.—Никакъ не давался сѣсть на него. Ну, да и я упрямъ: таки поставилъ на своемъ!

— Панъ, должно быть, пріѣхалъ купить или продать лошадей?—спросилъ Старжинскій.

— Да, хочу купить пару—другую.

— Но, говорятъ, лошадиные торговцы не совѣстятся обманывать покупателей?

— О, чорта съ два кто проведетъ меня въ этомъ дѣлѣ! никто лучше меня не знаетъ толку въ лошадяхъ. Къ тому же, я и ветеринаръ. Можетъ, панъ тоже пріѣхалъ покупать лошадей?

---

[1]) Писано въ концѣ 1850-хъ годовъ.

— Да, я хотѣлъ бы купить, да опасаюсь: по правдѣ сказать, я мало смыслю въ этомъ дѣлѣ.

— О, я пану радъ услужить и хотя сейчасъ выберу самыхъ лучшихъ лошадей. Какихъ угодно: верховыхъ или экипажныхъ?

— Экипажныхъ.

— Отлично! сію минуту. Здѣсь по близости я видѣлъ прекрасный четверикъ.

И Шпырь повелъ насъ къ ближайшему загону, гдѣ тотчасъ выбралъ и сторговалъ для Старжинскаго отличной четверикъ, который и былъ отведенъ на постоялый дворъ, гдѣ мы остановились.

Такъ какъ было время завтрака, то мы втроемъ отправились въ знакомый уже намъ трактиръ Познанскаго. Тамъ опять мы застали гусаръ, но, къ великому нашему изумленію, они спокойно сидѣли за столами, безъ криковъ и прежняго задора. Всѣмъ уже была извѣстна ихъ исторія съ Миколаемъ Чайковскимъ, который и самъ черезъ минуту присоединился къ нашему обществу; но гусары уже не приглашали его играть на билліардѣ. Между гостями ловко сновали „хлопцы“ и „дивчата“ съ приборами, порціями, бутылками, а въ углу залы игралъ порядочный оркестръ изъ чеховъ. Его покрывалъ громкій говоръ публики, среди котораго рѣзко выдавался трубный голосъ Шпыря. Потомъ стали появляться въ залѣ разносчики афишъ, приглашавшіе то въ театръ, то въ циркъ, то на представленія фокусниковъ, то на музыкальный концертъ, то на гимнастическія упражненія. На афишахъ всѣ фокусники титуловали себя непремѣнно учениками Пинетти, а музыканты—Паганини, о которомъ въ то время лишь немногіе кое-что слышали. Нашего артиста Липинскаго не было, о чемъ всѣ сожалѣли, потому что его смычекъ уже и тогда славился въ Европѣ; но онъ пріѣзжалъ лишь въ Кіевъ на контракты. Всѣ эти зрѣлища были переполнены публикой.

Послѣ завтрака мы условились осмотрѣть знаменитый костелъ и кляшторъ кармелитскій, такъ какъ пора уже было думать объ отъѣздѣ. По пути, съ трудомъ протискиваясь межъ

толпой, мы бѣгло осматривали блестящіе магазины—французскіе, нѣмецкіе, италіанскіе, русскіе, греческіе, болгарскіе, и широкой улицей, обстроенной каменными домами, въ которыхъ помѣщались еврейскія лавки съ сукнами и шелковыми матеріями, подошли къ костелу—величественной базиликѣ, имѣющей лишь тотъ недостатокъ, что ее совсѣмъ заслоняютъ сосѣднія высокія зданія и при ней очень маленькій погостъ. За то ея куполъ возвышается надъ всѣмъ городомъ и далеко выденъ издали. Этотъ огромный костелъ съ кляшторомъ расположенъ при самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ со сторонъ Райгородка, на высокой горѣ, и имѣетъ видъ сильной крѣпости съ бастіонами и бойницами, потому что и въ самомъ дѣлѣ это была крѣпость, въ которой, еще въ исходѣ XVIII ст., сидѣли барскіе конфедераты. Я не знаю ничего величественнѣе внутренняго вида костела: блестящія богатства олтарей ослѣпляютъ глаза, а обширность храма едва уступаетъ Почаевскому. Среди братіи—кармелитовъ я узналъ колегу по Кременцу, ксендза Соколовскаго, отличнаго проповѣдника; вмѣстѣ съ другими клириками изъ разныхъ кляшторовъ—изъ Луцка, Житомира, Константинова, онъ посѣщалъ въ лицеѣ лекціи исторіи и литературы польской и латинской. Ксендзъ Прокопъ, нашъ лицейскій проповѣдникъ, служилъ для нихъ образцемъ въ церковномъ краснорѣчіи.

На обратномъ пути зашли въ книжную лавку Глюксберга, извѣстнаго варшавскаго книгопродавца и издателя. Сынъ его Неофилъ держалъ большой книжный магазинъ въ Кременцѣ, при лицеѣ, но въ лѣтнее время развозилъ книги для продажи по Волыни, Подолью и Украйнѣ и посѣщалъ болѣе значительныя ярмарки. По моему совѣту, п. Старжинскій купилъ у него только что вышедшіе въ свѣтъ два томика сочиненій Мицкевича, о которыхъ еще никто и не слыхалъ здѣсь въ то время.

Вечеромъ мы отправились къ графинѣ. То была не очень богатая, но гордая аристократка. Пріѣхала она въ Бердичевъ съ тремя дочерьми неизвѣстно зачѣмъ, потому что ничего не покупала, развѣ лишь кое-что изъ дамскихъ нарядовъ у Шафнагля, и принимала у себя весь beau-monde, какой съѣзжался на ярмарку. Говорили, что она не пропускала ни одной Бер-

дичевской ярмарки, чтобы не лишать дочерей случаевъ блистать своими прелестями. Я познакомился съ ними, бесѣдовалъ, и сказать правду—онѣ произвели на меня пріятное впечатлѣніе.

Мы застали у графини довольно многолюдное общество, разбившееся на нѣсколько группъ, въ средѣ которыхъ шли оживленные разговоры—натурально, о третьей особѣ, т. е. объ отсутствующихъ знакомыхъ: сама графиня съ почтенными матронами трактовала о пани судьиной, ея дочери съ молодыми пріятельницами и мужчинами—о паннахъ судьянкахъ,— и все это на смѣшанномъ французско-польскомъ языкѣ, отъ котораго и до сихъ поръ еще не могутъ отстать наши образованные классы.

— Я люблю иногда посѣщать Бердичевъ,—повѣствовала пани маршалкова,—потому что здѣсь въ это время всегда можно найти une haute societé.

— Figurez-vous, ma chère,—продолжала графиня—что эта несчастная пани судьина тоже пріѣхала сюда съ своими дочками, croyant faire quelque chose, хи-хи! Rien ne me parait si ridicule que cette pauvre petite madame судьина!

— C'est vrai, ma chère. Забавна эта шляхтянка, qui cependant parle français.

— Oh! que non, madame! хи-хи! comme une vache espagnole! Не знаю, право, гдѣ только она научилась, потому что сама же говоритъ, что не была ни въ какомъ пансіонѣ, да и дочекъ своихъ никуда не отдавала, а держитъ для нихъ у себя какую-то якобы гувернантку.

— Навѣрное une française, une anglaise ou une suisse au moins?

— Гдѣ тамъ? une polonaise, un être si pitoyable, хи-хи! Любопытно, чему эта полька могла ихъ научить, и развѣ жъ можно у нея научиться чистому французскому произношенію?

— А что же, должно быть, научила ихъ шить, штопать и вязать чулки.

— Возиться въ кухнѣ, въ кладовой—хи-хи! science qu'il faut laisser entièrement à nos femmes de ménage, aux soub-

rettes! Au moins, ce n'est pas du tout poétique, et ce n'est que de la vilaine prose!

Подали чай. Не успѣли обнести по первому стакану (а въ то время принято было пить по два, ни болѣе, ни менѣе), какъ въ гостинной появился новый гость, сразу же привлекшій къ себѣ всеобщее вниманіе. То былъ пожилой человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, небольшаго роста, довольно толстый, широколицый, съ живыми, бѣгающими глазками и постояннымъ смѣхомъ на устахъ; всѣ его движенія были живы и комичны. Фамилія его—Плазовскій, занятіе—служеніе музамъ. Онъ безъ запинки декламировалъ наизусть Горація, Виргилія и всѣхъ латинскихъ классиковъ, переводилъ ихъ и самъ писалъ стихи, за что его величали „подольскимъ *трубадуромъ*". Онъ пользовался всеобщей извѣстностью, такъ какъ проводилъ жизнь въ томъ, что вѣчно перекочевывалъ на своей пароконной дрындулькѣ отъ одного помѣщика къ другому, забавляя ихъ декламаціей своихъ и чужихъ виршей и перенося новости.

— А, здравствуй, Плазосю, поэтъ надъ поэтами! первый привѣтствовалъ его панъ Старжинскій.—Откуда прибылъ: изъ Парнаса или Геликона? Какъ поживаютъ музы и почтенный Аполлонъ? Должно быть, пріѣхалъ купить себѣ новаго *пегаса*, а то твой что-то прихрамываетъ!

Всѣ разомъ обступили его, засыпали вопросами и привѣтствіями, а онъ кланялся и не зналъ, кому прежде отвѣчать.

— Не прикажетъ ли панъ подать ему второй стаканъ чаю? шутя предложила хозяйка.

— О нѣтъ, пани добродзѣйко, я попрошу покамѣстъ дать мнѣ первый, а о второмъ послѣ поговоримъ.

— Ну что же, нашъ трубадуръ, что новенькаго подарила намъ ваша муза?—приставали къ нему гости.

— Не много новаго; вотъ только недавно окончилъ переводъ Овидіевой Ars amandi.

— Ars amandi?—воскликнулъ Старжинскій.—Поэтъ Плазовскій учитъ насъ любить! Слышите, господа молодые кавалеры, берите у него уроки любовнаго искусства.

— Что жъ это такое ars amandi?—спросила графиня.

— Искусство любить, пани добродзѣйко!—отвѣтилъ поэтъ съ заискивающей улыбкой.

— Это то, что пофранцузски называется l'art d'aimer? Очевидно, панъ Плазовскій долженъ быть опытнымъ въ этомъ искусствѣ, если берется учить ему молодыхъ. C'est drole!

— Какъ же надо любить, чтобы быть взаимно любимымъ? спросилъ его кто-то изъ молодыхъ кавалеровъ.

— О, пане-добродзѣю, надо умѣть сказать что нибудь пріятное своей дамѣ, поднести ей какіе нибудь хорошенькіе стишки.

— Пусть же самъ панъ прочтетъ намъ хорошенькіе стишки!—просила поэта одна изъ дѣвицъ.

— Пани добродзѣйко, не могу сразу припомнить: я столько ихъ написалъ!

— А помнишь—прервалъ его Старжинскій—ты недавно читалъ у меня прекрасные стихи—посланіе къ Фелидѣ съ приложеніемъ банки помады и бутылки съ водкой....

— Бутылки съ водкой!—раздались изумленія среди дамъ.

— Спѣшу оговориться,—пояснилъ Старжинскій: рѣчь идетъ не о простой горѣлкѣ, а о флаконѣ съ одеколономъ; а это лишь для риѳмы такъ сказано—„бутылки съ водкой“. Прекрасные стишки! Они такъ мнѣ понравились, что я ихъ выучилъ наизусть. Необыкновенная поэзія!

— Прочтите, прочтите! Мы слушаемъ! потребовали панны И Старжинскій съ пѳѳосомъ сталъ декламировать:

Felido moja kochana!
Do toalety co rana.
Posyłam ci prezent krótki:
Słój pomady, flaszkę wódki...

— Бутылку водки. Ха-ха—вскрикнули разомъ дамы и дѣвицы.—Фелида любитъ водочку! Ха-ха!

— Но я уже объяснилъ почтенному собранію,—защищалъ поэта Старжинскій,—что это не простая водка, а кельнская. И самъ авторъ въ этомъ мѣстѣ сдѣлалъ пояснительное примѣчаніе подъ строкой: *kolońskiey,* и прекрасно сдѣлалъ.

— Однако, цѣлую бутылку!—приставали дамы.—Это слишкомъ много!

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

— Да и помады цѣлую банку! Запасъ на нѣсколько лѣтъ! смѣялась хозяйка.

— Извольте видѣть: поэтъ такъ любитъ свою коханку, что ничего для нея не жалѣетъ!—толковалъ чтецъ.

И что же, конецъ стихамъ?—спросила одна панна.

— О нѣтъ, слѣдуетъ еще одна прелестная строфа.

... Abys się pomadowała.
I téj wódki uzywała.
I kochała mnie jednego,
Swego sługę najnizszego.

— Браво! браво! Прекрасно!—смѣялись всѣ.

— Навѣрное, панъ Плазовскій покорилъ этими прекрасными стихами сердце Фелиды!—замѣтила одна панна.—По крайней мѣрѣ, еслибы мнѣ написалъ кто-либо такіе чудные стихи, я непремѣнно полюбила бы его! хи-хи!

— Да и есть за что полюбить! Плазовскій несомнѣнно обладаетъ секретомъ вызывать любовь. У него много подобныхъ прелестныхъ вещицъ, и, кажется, что онъ скоро ихъ напечатаетъ—не унимался Старжинскій.

— Хочу издать кое-что,—отвѣчалъ поэтъ,—а полное собраніе появится лишь послѣ моей смерти, потому что я не хочу при жизни быть предметомъ всеобщаго вниманія. А пока что, я намѣренъ обратить вниманіе панства вотъ на эти двѣ книжечки.—При этомъ Плазовскій вынулъ ихъ изъ боковыхъ кармановъ.

— Что же это за книжки?—спросила графиня.—Это, вѣрно, поэзіи пана.

— О, пани добродзѣйко! еслибъ это были мои, я первымъ дѣломъ поднесъ бы ихъ вамъ. Но это—поэзіи, совсѣмъ не поэтическія и мало интересныя, какого-то нового виршеплета, Адама Мицкевича, лишь недавно изданныя въ Вильнѣ. Сегодня я купилъ ихъ у Глюксберга, онъ такъ расхваливалъ! а теперь вижу что даромъ бросилъ деньги.

— Адама Мицкевича? что это за Мицкевичъ?—съ изумленіемъ всѣ спросили.

— Я читалъ Мицкевича еще въ Кременцѣ—отозвался я,—и онъ привелъ меня въ восторгъ небывалой въ нашей литературѣ, геніальной оригинальностью.

— Не понимаю, что привело пана въ восторгъ!—замѣтилъ Плазовскій съ ироніей.—Я прочелъ первый томикъ и признаюсь—не рѣшился приняться за другой: все какія-то неслыханныя чуда да дива—какіе-то духи, чары, мары, ха—ха! о которыхъ и не снилось Горацію или Овидію.

— Позволь, пане Плазовскій,—прервалъ Старжинскій, взявъ у него одну изъ книжекъ.—Я прочту что-нибудь. Можно?

— Просимъ, очень просимъ!—заговорили дамы.

Старжинскій раскрылъ книгу и прочелъ первый попавшійся на глаза отрывокъ:

Na głowie ma kraśny wianek,
W ręku zielony badylek...

— Ахъ какая прелесть! Чудесно! вскричали всѣ дамы.

— Что же тутъ прекраснаго и чудеснаго?—недоумѣвалъ Плазовскій.—Богъ знаетъ что: badylek! motylek! Гдѣ же здѣсь поэзія? Развѣ есть что-нибудь подобное у Горація!

— Это правда: здѣсь нѣтъ ни банки съ помадой, ни бутылки съ водкой,—отрѣзалъ Старжинскій.

Всѣ разсмѣялись и потомъ снова попросили прочесть еще что-нибудь. Каждая новая пьеса вызывала все большіе восторги слушателей. Плазовскій продолжалъ критиковать новаго поэта съ точки зрѣнія теоріи „высокаго стиля“; но ему всякій разъ напоминали „банку помады и бутылку водки“, и онъ лишь пожималъ плечами, удивляясь вкусамъ молодежи.

Чтеніе снова продолжалось. Слушатели пришли въ неистовый восторгъ. Даже гордая графиня должна была сознаться: Vraiment c'est tres joli. Я не думала, чтобы могло быть на польскомъ языкѣ что-нибудь подобное.

— Мама, прикажи сейчасъ же послать за этими книгами къ Глюксбергу!—стали просить дочери графини.—Еще не поздно; можетъ быть, магазинъ еще не закрытъ.

Но любезные кавалеры предупредили желаніе дѣвицъ: всѣ они бросились къ Глюксбергу, раскупили для себя и для дамъ

послѣдніе экземпляры Мицкевича,—и званный вечеръ неожиданно превратился въ *литературный*. Такъ новоявленный литовскій поэтъ сразу же вскружилъ всѣмъ головы. Гости разошлись лишь послѣ полуночи. Мы съ Старжинскимъ, вернувшись домой, просидѣли надъ произведеніями чародѣя-поэта до самаго разсвѣта.

Такое на всѣхъ впечатлѣніе произвели поэзіи Мицкевича, впервые появившіяся въ нашемъ краѣ на ярмаркѣ въ Бердичевѣ, въ 1823 году.

Пора было уѣзжать. Мы простились съ многочисленными пріятелями, съ которыми успѣли познакомиться въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія на ярмаркѣ. Передъ выѣздомъ заходили къ нѣсколькимъ банкирамъ и богатымъ купцамъ, и такимъ образомъ я имѣлъ случай видѣть еврейскую аристократію. Бердичевскіе евреи почитаются какими-то прирожденными аристократами: самый бѣднѣйшій изъ нихъ смотритъ свысока на еврея—обывателя другихъ мѣстъ, хотя бы и богача, и пренебрегаетъ всякимъ, кто не изъ Бердичева; и наоборотъ—евреи изъ другихъ мѣстъ смотрятъ съ великимъ почтеніемъ на бердичевскаго еврея, хотя бы то былъ бѣдный балагула. Ничего нѣтъ забавнѣе еврея—аристократа и фанфарона, особливо если онъ еще къ тому изъ Бердичева: чѣмъ больше у него денегъ, тѣмъ больше въ немъ спеси и презрѣнія къ тѣмъ, кто бѣднѣе его. Въ этомъ отношеніи у евреевъ есть много сходства съ нѣкоторыми изъ нашихъ аристократовъ, именно съ тѣми, у которыхъ единственное достоинство—капиталъ. Если еврей-магнатъ обанкротится, онъ завтра же будетъ ползать у ногъ тѣхъ, кого вчера еще презиралъ. Не такъ ли поступаютъ и наши денежные аристократы, въ случаѣ потери ихъ единственнаго преимущества—капитала? Подолье и Украина больше другихъ странъ изобилуютъ подобными представителями денежной аристократіи; наоборотъ, Волынь преимущественно славится аристократіей рода, и если нужно дѣлать выборъ между ними, то я во всякомъ случаѣ отдалъ бы предпочтеніе послѣдней.

О. Л.

ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Народныя украинскія пѣсни заслужили себѣ прекрасную репутацію среди критиковъ, какъ музыкальныхъ, такъ и литературныхъ, не только въ славянскомъ мірѣ, но и внѣ его. Въ виду этого вопросъ о современномъ вымираніи ихъ или порчѣ долженъ бы былъ обратить на себя серьезное вниманіе. Такая вещь, какъ поэзія, простонародная, какъ и писанная, не живетъ сама по себѣ, безъ почвы психологической. Если поэзія вымираетъ или портится, то значитъ есть что то,—въ душѣ народа или общества, что умираетъ или портится,—и если при этомъ потеря ничѣмъ не замѣняется, то на лицо имѣется явная общественная опасность, *péril social,* какъ говорятъ французы, и безусловно необходимо, чтобъ она была обсуждена самымъ серьезнымъ образомъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ фактъ искаженія пѣсеннаго творчества на Украинѣ былъ достаточно обсуженъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ замѣчаться. Въ послѣднее время мы помнимъ только одну статью, посвященную этому предмету,—или лучше одну главу въ статьѣ г. Мордовцева „Подъ небомъ Украины“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1884 г., кн. XII.

Мы рѣшаемся посвятить этому же предмету настоящую статью, которой положенія беремся еще развить и дополнить новыми данными, если бъ это было необходимо.

Г. Мордовцевъ заявилъ фактъ, замѣченный многими,—а именно, что украинская пѣсня, отраженіе всего прошлаго Украины, ея быта и природы, начинаетъ подаваться передъ напоромъ пѣсни великорусской, преимущественно солдатской, такъ что есть вѣроятность, что національная украинская пѣсня со-

всѣмъ исчезнетъ. Мы начнемъ съ того, что предложимъ нѣсколько уменьшить размѣры послѣдняго опасенія. О близкомъ исчезновеніи украинской пѣсни и даже языка говорили еще въ 1817—1819 гг. Павловскій и кн. Цертелевъ, издатели первой грамматики украинскаго языка и перваго сборника украинскихъ народныхъ пѣсенъ,—а между тѣмъ съ тѣхъ поръ этотъ языкъ не исчезъ, а пѣсенъ собраны цѣлые томы. Въ самое недавнее время экспедиція въ югозападный край Чубинскаго собрала, при бѣгломъ объѣздѣ правобережной Украйны, нѣсколько тысячъ пѣсенъ,—а въ то же время одинъ человѣкъ г. Ив. Манжура въ теченіе двухъ только лѣтъ записалъ по крайней мѣрѣ 800—1000 пѣсенъ, преимущественно въ одной екатеринославской губерніи, и пѣсенъ, по большей части, превосходнаго качества по содержанію и языку [1]). Г. Андр. Шевченко представилъ въ югозап. отд. географич. общества въ 1875 г. 200 пѣсенъ, какъ первую часть собранія, сдѣланнаго имъ въ одномъ селѣ, Кереливкѣ, звенигородск. у., кіевской губ. Отсюда—до исчезновенія украинскихъ пѣсенъ еще не очень близко!

Мало того. Украинское простонародье не перестало творить новыя наслойки на старыхъ пѣсняхъ и даже новыя пѣсни, часто и политическаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ успѣли уже появиться въ печати,—напр. въ „Кіевской Старинѣ“ и „Кіевлянинѣ“. Изъ нихъ особенно интересны пѣсни о польскомъ возстаніи 1863 г. и объ освобожденіи крестьянъ, интересны тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ Россіи до сихъ поръ не усмотрѣно пѣсенъ о такомъ событіи, какъ прекращеніе крѣпостнаго права [2]). Наконецъ, простонародная украинская

[1]) Сборникъ г. Манжуры былъ предоставленъ югозападному отдѣлу географ. общества и частью вошелъ въ изданіе его членовъ: гг. Антоновича и Драгоманова (Историч. пѣсни) и Драгоманова (Преданія и разсказы),—но большая часть его осталась между небомъ и землею, послѣ закрытія отдѣла. Это *самый большій трудъ по части собиранія этнограф. матерьяловъ, какой только былъ сдѣланъ въ Россіи однимъ человѣкомъ.*

[2]) Г. Михневичъ, въ статьѣ „Извращеніе нар. пѣсеннаго творчества“, о которой мы будемъ говорить далѣе, сообщилъ стихи кр. Яковлева, сѣтующія, что

Какъ крестьяне волю получили,
Такъ себя больше къ пьянству пріучили и т. п.,

но неизвѣстно, на сколько эти стихи стали популярны.

пѣсня всасываетъ въ себя и сочиненія письменнаго творчества на одномъ съ ней языкѣ, иногда измѣняя ихъ, приспособляя ихъ ближе къ своему характеру. Во многихъ мѣстахъ Украйны собиратели записали отъ безграмотныхъ крестьянъ пѣсни сочиненія Котляревскаго, Т. Падуры, В. Забѣла, Шевченка и др.

Даже усвоеніе украинскою молодежью пѣсенъ солдатскихъ объясняется отчасти тѣмъ, что въ этихъ пѣсняхъ украинцы находятъ для себя наиболѣе родственное изъ всѣхъ другихъ великорусскихъ, которыя заносятся на Украйну. Это наше заявленіе, можетъ быть, покажется многимъ неожиданнымъ, но мы настаиваемъ на его вѣрности. Извѣстная часть великорусскихъ, солдатскихъ пѣсенъ,—преимущественно жалостная, пошла отъ пѣсенъ козацкихъ, донскихъ и волжскихъ,—а низовое козачество, даже великорусское, въ старину было проникнуто украинскимъ элементомъ и вліяніемъ. Затѣмъ въ XVIII в. украинское вліяніе на первые полковые хоры и пѣсенники было довольно сильно, особенно въ эпоху Разумовскихъ и Потемкина. Такимъ образомъ украинское простонародье слышитъ очень часто въ солдатскихъ пѣсняхъ нѣчто себѣ родственное, если не по содержанію, то по музыкѣ, которая при этомъ вноситъ въ украинское село и нѣчто новое: болѣе стройный хоръ, хотя часто и уступающій чисто-украинской пѣснѣ по красотѣ мелодій: извѣстно же, что національно-украинская пѣсня болѣе соловая, нежели хоровая.

Но, не смотря на всѣ эти ограниченія, нельзя, вопервыхъ, отрицать въ украинскомъ простонародьи наклонности мѣнять свою пѣсню на великорусскую, преимущественно солдатскую, а во вторыхъ, нельзя не признать этого явленія глубоко печальнымъ, т. к. сущность его заключается не только въ одной денаціонализаціи украинцевъ, но и въ ихъ деморализаціи,—и въ широкомъ и въ узкомъ значеніи этого слова. Вопросъ о томъ, чѣмъ теперь замѣняется національная пѣсня на Украинѣ, тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, что теперь начинаетъ пѣть простонародье и въ Великой Россіи. Если бы въ этой послѣдней пѣлись пѣсни лучшія, чѣмъ украинскія,—то можно бы было, пожалуй, даже порадоваться упомянутой выше замѣнѣ. Но въ томъ то и бѣда, чтъ нѣтъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“

(1880 г. кн. XII) была напечатана чрезвычайно поучительная статья по этому вопросу: „Извращеніе народнаго пѣснотворчества“ (Перепечатана въ книгѣ „Историч. этюды изъ русской жизни.“ Спб. 1882 г. т. II). Въ этой статьѣ обстоятельно показано, какой безсмысленный вздоръ и какая отвратительная грязь замѣняетъ въ Великой Россіи старыя народныя пѣсни. Въ этомъ отношеніи Украйна, если хотите, даже счастливѣе Великороссіи, не только потому, что въ ней національно-бытовая пѣсня,—эстетическая и осмысленная,—отстаиваетъ свое существованіе новыми плодами и усвоеніями, но и потому, что она, если уже изнемогаетъ, то скорѣе просто умираетъ, чѣмъ „извращается“, т. е. развращается, а также и потому, что на Украйнѣ уже одна разница языка представляетъ нѣкоторую преграду для распространенія въ народѣ тѣхъ новѣйшихъ издѣлій пѣсенной музы, которыя засоряютъ уста великорусскаго простонародья.

Изслѣдованіе причинъ этого засоренія, которое идетъ вслѣдъ за „опустошеніемъ народной души“, говоря словами г. Гл. Успенскаго, взятыми г. Михневичемъ за эпиграфъ его статьи, очень интересно,—и къ нему съ разныхъ сторонъ въ послѣднее время подходили разные русскіе писатели, отъ „народниковъ,“ въ родѣ г. Успенскаго, до старыхъ „западниковъ“, въ родѣ г. Кавелина. Одни винили тутъ „цивилизацію“, на которую сѣтуетъ и г. Михневичъ, и „городъ“, другіе видѣли въ этой пустотѣ чуть не племенную черту, неспособность справиться съ культурою. Мы позволяемъ себѣ думать, что и цивилизація, и городъ тутъ ни причемъ, и что племя великорусское не меньше другихъ способно къ культурѣ городской, какъ и сельской.

Мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ, есть больше надежды добраться до положительнаго объясненія, если вопросъ перенесенъ изъ тѣсныхъ рамокъ русской жизни на поле всемірнаго историческаго наблюденія. Если бы,—какъ думаютъ русскіе народники,—мысли о томъ, что русскій человѣкъ селянинъ, находящійся подъ „властію земли“ (терминъ г. Успенскаго), посуществу своему выше горожанина, можно было принять за историческій законъ,—тогда бы всемірная цивилизація была постепеннымъ ходомъ къ упадку че-

ловѣчества, а не къ прогрессу. А между тѣмъ всеобщая исторія учитъ насъ, что развитію человѣчества служили и служатъ въ особенности города, какъ большіе агломераты людей: Аѳины, Александрія, Римъ, Флоренція, вольные города Германіи и Голландіи, Лондонъ, Парижъ и т. п. Если бы было доказано, что на Руси современный городъ не исполняетъ своей прогрессивной функціи, а напротивъ только портитъ селянина, то причину этого явленія надо было-бы искать не въ самой сущности села и города, а въ особыхъ условіяхъ жизни въ данную эпоху, подъ вліяніемъ преходящихъ причинъ, и обратить вниманіе на измѣненіе этихъ условій и причинъ, а не задаваться неисполнимой задачей удержать русскаго человѣка въ селѣ, подъ властію земли.

Исторія показываетъ намъ, что и въ Великой Руси были свои города съ своей культурой, какъ напр. Новгородъ, и если не ходить дальше народной словесности, то вѣдь даже и теперь еще не вымерли пѣсни и былины Новгородскаго цикла, которыя, конечно, не чета продуктамъ, описаннымъ въ статьѣ г. Михневича; и до сихъ поръ въ народѣ ходятъ легенды, съ альтруистическою моралью, которыя привязываются къ той письменности, какая накоплялась въ монастыряхъ Новгородскаго края, и къ тѣмъ сектантскимъ движеніямъ, которымъ города Псковъ и Новгородъ служили центрами. Вся бѣда въ томъ, что съ нѣкотораго времени настоящаго города, т. е. организованнаго городскаго общежитія, нѣтъ на Руси, а есть только „городскія поселенія“. И если человѣкъ—животное общественное, и притомъ по стольку культурное, по скольку общественное,—то сельскій человѣкъ на Руси имѣетъ преимущества предъ городскимъ, такъ какъ село на Руси еще существуетъ, какъ общество. Городской же человѣкъ, особенно изъ простонародья, есть изолированный атомъ, при чемъ для него городская культура у насъ почти не существуетъ: вѣдь для простолюдина въ городѣ культура ничего не даетъ, кромѣ кабака, публичнаго дома и т. п. И вотъ эти то „образовательныя учрежденія“ являются и источниками новѣйшаго пѣсеннаго творчества въ русскихъ областяхъ. Что же удивительнаго, если это творчество безсмысленно

и грязно?[1]) Заполонивъ уже значительную часть населенія Великой Руси, это новѣйшее пѣсенное творчество наступаетъ теперь на Украйну. Здѣсь оно, конечно, встрѣчаетъ себѣ извѣстное сопротивленіе, какъ въ языкѣ населенія, такъ и въ традиціяхъ его культуры,—такъ какъ старая Украйна (XVII—XVIII в.) съ ея козацкими порядками, съ ея городами, мѣщанскими корпораціями и братствами, со школами и „шпиталями“ почти во всякомъ селѣ, съ странствующими бурсаками, съ ихъ виршами, пѣснями и театромъ, съ выборнымъ духовенствомъ, имѣла свою культуру. И эта культура, а вовсе не одно только непосредственное народное чувство, находящееся подъ властію земли, создало тѣ украинскія народныя пѣсни, которыя такъ восхищаютъ и до сихъ поръ своихъ и чужихъ.

Но сопротивленіе, какое оказываетъ старая украинская культура съ ея пѣснею новой великорусской пѣсенности, по многимъ причинамъ теперь гораздо болѣе пассивное, нежели активное, и какъ таковое, оказывается слишкомъ слабымъ.

Все патологическое значеніе этого явленія было бы выяснено, еслибъ кто нибудь издалъ собраніе великорусскихъ пѣсенъ, распѣваемыхъ теперь на Украйнѣ.

Покамѣстъ это будетъ кѣмъ либо сдѣлано, мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ какъ перерожденія старыхъ украинскихъ пѣсенъ подъ новымъ солдатско-великорусскимъ вліяніемъ, такъ и великорусскихъ пѣсенъ, распространяющихся на Украйнѣ.

Есть одна очень распространенная козацкая украинская пѣсня, сложенная, по всей вѣроятности, въ XVIII в., которая разсказываетъ

---

[1]) Въ статьѣ г. Михневича приведена такая пѣсенная характеристика Петербурга, какъ культурнаго центра для народа:

Петербургъ городъ привольный:—
Все трактиры, кабаки.

А вотъ какъ опредѣляетъ культурное значеніе питерской жизни дѣвка въ пѣснѣ въ архангельской губерніи:

Я сама дѣвка не дурна,
Петербургская натура!
Я во Питерѣ была,
Три науки поняла.
Ужъ и первая наука—
Я купила соловья (?!)
А вторая то наука—
Полюбила молодца,
А и третья то наука—
Разгорила до конца и т. п.

(Матерьялы по этн гр. арх. губ., собр. П. С. Ефименкомъ. М 1878, II, 74).

о томъ, какъ козакъ, заѣхавъ на ночлегъ въ домъ дѣвушки, отсталъ отъ своихъ товарищей, ушедшихъ въ походъ съ его конемъ.

Въ варьянтѣ г. Костомарова (зап. на Волыни), напечатанномъ въ Малор. Сборникѣ Д. Мордовцева (243), между дѣвушкой и козакомъ нѣтъ даже никакихъ интимныхъ отношеній: козакъ даже помѣщается не въ домѣ,—а „дивчына умна, розумна, спровадыла козака до гумна". Въ другихъ варьянтахъ, все еще очень старыхъ, прибавлена уже любовь дѣвушки къ козаку. Вотъ очень характерный и изящный варьянтъ, напечатанный у Чубинскаго (т. V, 950—951).

Ходывъ, блудывъ козакъ по диброви,
Тай прыблудывъ до хаты новои,
До хаты новои, дивкы молодои,
—„Дивчыноньку, пусты у господу!"
—Козаченьку, боюсь поговору.—
—Дивчыноньку, не бійся ничого,
Бо я роду, роду не такого,
Не звивъ зъ уиа ни зъ роду никого [1]).
Дивчыноньку, збудыжъ мене рано,
Ой такъ рано, шобъ ще не свитало,
Щобъ барабаны тай не выбывалы,
Скрыпки [2]), дудкы тай не выгравалы
Дивчына козака вирненько любыла,
Вирненько любыла, рано не збудыла;
Погнала коровы въ зелены дибровы,
А телята въ гай зеленькій.
Кынувся мыленькій,—а вже свитъ биленькій,
Уже барабаны тай повыбивалы,
Скрыпки, дудкы тай повыгравалы.
(См. также, 150—151, 1198).

Въ другихъ варьянтахъ проснувшійся козакъ укоряетъ дѣвушку:

Ты дивчына, израдныця моя,
Израдыла мене молодого;
Утратывъ я коня воронего,
Сиделечко съ пидъ злота самого,
Стременечка зъ билого зализа,
Поводочкы съ червоного шовку,—
А я козакъ Охтырского полку!

(Запис. Ив. Манжура въ 1875 г. въ с. Муражѣ, богодуховск. уѣзда, харьк. губ. См. Чубинскаго и Костомар. l. cit).

Параллельно этой пѣснѣ существуетъ другая, гдѣ дѣйствіе происходитъ между мужемъ-уланомъ и женою и оканчивается почти такъ-же. (См. у Чубинскаго, op. cit. 353; у насъ варьянтъ г. Манжуры полнѣе и лучше).

---

[1]) Въ одной изъ пѣсенъ XVIII в., Потемкинской эпохи,—мать, провожая сына въ походъ, наказываетъ ему:

Ой, не бый, сыну, коня въ головоньку,—кинь не буде спотыкатысь,
Ой, не зрадь, сыну чужойі дытыны,—не буде та Богъ караты. (Запис. Ал. Руданской, въ м. Колѣсикѣ подольск. губ., въ 1869 г.) Удивительно высокое и трогательное наставленіе!

[2]) Въ другихъ вар. *сурмы*.

Вотъ эти то двѣ пѣсни, которыя во второй своей половинѣ почти повторяютъ одна другую, были занесены рекрутами—украинцами въ русскую армію, вѣроятно, еще въ концѣ XVIII в. Въ собраніи г. Шеина (Русскія народныя пѣсни, Ч. I, М. 1870, 215—216) помѣщена великорусская редакція пѣсни, слившейся изъ двухъ вышеупомянутыхъ, въ такомъ видѣ:

Я люблю уланика,
Люблю молодова;
Дарю я уланика,
Дарю молодова,
Коморочку нову,
Весь дворъ на подмостѣ.
Пріѣхалъ уланикъ,
Къ Марусейкѣ въ гости [1]),
Лишь только пріѣхалъ,
Назадъ уѣзжаетъ,
Его раскрасавица,
Плачетъ да рыдаетъ,
Ночевать унимаетъ:
—„Ты ночуй, уланъ,
Хоть ночку со мной!“
—Радъ бы я, разлюбезная,
Хоть двѣ ночевать,
Не будутъ меня, уланика,
Товарищи ждать.
Если я ночую,
Сбуди меня рано,
Чтобъ не разсвѣтало.
Проснулся уланикъ;
На дворѣ бѣленько,
Его разлюбезная,
Плачетъ, обробѣла.
—Что ты, разнегодная,
Раньше не сбудила?
Ты меня, уланика,
Вѣчно погубила;
Былъ я уланикъ,
Перваго полку,
Второво эскадрона,
Четвертаго взвода,
Во первой шеренгѣ,
Съ правой сторонки,
Я уланикъ бравый,
Пѣсельникъ удалый.

(Запис. въ тверск. губ.).

Очевидно, это не единственная великорусская редакція занимающей насъ украинской пѣсни, такъ какъ даже на Украйнѣ записано нѣсколько ея разновидностей уже въ солдатскихъ, овеликорушенныхъ редакціяхъ. Пять изъ нихъ напечатано въ собраніи Чубинскаго (V, 971—973) и столько же мы имѣемъ въ рукописяхъ.

---

[1]) Изъ другой украинской пѣсни съ трагическимъ концомъ:

Ой прыйіхавъ мылый — А въ мылойи весь двиръ на помости
До мылойи въ гости,

(Костомар. въ Малор. Сборникѣ Мордовцева, 211. Чуб. V, §30—31).

Шевченко, руководствуясь, вѣроятно, другимъ варьянтомъ, сдѣлалъ изъ этихъ стиховъ начало своей превосходной передѣлки другой трагической пѣсни (Костом. 225, Чуб. V. 112, Голов. Томъ. I, 112, II, 594, III, 43).

У тыеи Катерыны,
Хата на помости;
Изъ славного запорожья,
Найихалы гости и т. д.

Въ этихъ солдатскихъ редакціяхъ жена одной пѣсни спутана съ дѣвушкой другой, при чемъ эту жену приказываетъ брать солдату начальство. Особа эта—или солдатская дочь, или солдатская вдова („холодна вода“,—какъ характеризуетъ ее одинъ варьянтъ), или „майорская дочь“; она “съ бариномъ жила“, или съ „разумомъ жила“, „на ночь пускала“!

Словомъ, пѣсня получила циническій характеръ. Наконецъ, она явилась въ слѣдующемъ видѣ:

Вербо, вербо, тонка, кудрява,
Тай ще кучерава,
Не стой надъ рѣкой,
Надъ быстрой водой.
Быстрая рѣка не исполнится...
Солдатъ рядовой
Просится домой,
Просится домой,
Къ матушкѣ родной.
—„Матушка родна,
Ожени меня,
Не журись за меня,
Лишь жени меня.
Самъ же я женюсь,
Самъ и зажурюсь:
Возьму я въ жену,
Солдатску дочку.“—
Солдатска дочка,
Зъ майоромъ жила,
Зъ майоромъ жила,
Вирне его любила—
—Вставай, майоръ,
Пиши перомъ:
Чи ты живъ, чи здоровъ?—
—„И живъ, и здоровъ,
Лишь болитъ голова.
Потерялъ коня,
Потерялъ коня,
И сиделечко,
Черезъ дивчину,
Черезъ сердечко,
Потерялъ коня,
Ше й подушечку.
Черезъ дивчину.
Черезъ Ганушечку.

(Запис. въ 1872 г. въ с. Великой Киріевкѣ ольгопольск. у., подол. губерніи).

Другой варьянтъ, записанный г. Андр. Шевченкомъ въ Кереливкѣ, больше удержалъ стройность разказа старой козацкой пѣсни, не напутавъ въ нее нѣсколькихъ женщинъ, но все таки припутавъ майора, и превратилъ дѣвушку первоначальнаго оригинала въ „вдову молоду“, которая

Зъ разуму жила,
Парня любила,
На ночь пустыла,

а нѣжный упрекъ козака дѣвушкѣ—въ брань, еще болѣе площадную, чѣмъ въ варьянтѣ Шеина:

Потерявъ коня,
Щей стременечко,
Черезъ тебе, б—ь,
Ты кошеничко!

Другая украинская пѣсня прошла сначала черезъ солдатскую, а потомъ прикащицкую редакціи и отъ этого еще болѣе набралась цинизма. Это пѣсня о томъ, какъ дочь, или жена, смѣло признается отцу, или мужу, въ томъ, что у нея были гости, между которыми одного она любитъ. Пѣсня эта тоже довольно распространена была на Украйнѣ еще во времена Запорожья. Напечатано ея два варьянта: лубенскій у Чубинскаго, (V, 671—672) и галицкій у Головацкаго (IV, 179—181), да мы имѣемъ три рукописныхъ варьянта: изъ Гадяча, полт. губ., изъ Херсона, и изъ с. Биличина, под. губ. Сводя существенныя черты всѣхъ ихъ и общія всѣмъ имъ, получаемъ такую пѣсню:

Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Яки въ тебе гости булы,
Вчора безъ мене.
—Бувъ Шевченко изъ Варшавы,
А Кравченко изъ Полтавы,
А казакъ Павло Придыбайло,
Мому сердцу сподобайло [1]),
Изъ славного Запорожья.—
—„Марусенько, серденько,
Скажи мени правдоньку,
Чимъ же ты ихъ привитала,
Вчора безъ мене?—
—Йивъ Шевченко курятину,
А Кравченко гусятину,
А козакъ Павло Придыбайло,
Зъ одніи мыскы зо мною [3]).
—Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Чымъ ты гостей частовала,
Вчора безъ мене?
—Пывъ Шевченко горилочку.
А Кравченко вышнивочку,
А козакъ Павло Придыбайло,
Меды та выно [2]).
—„Марусенько, серденько,
Скажы мени правдоньку:
Де ты гостей спаты клала,
Вчора безъ мене?—
—Спавъ Шевченко у стодоли,
А Кравченко у комори,
А козакъ Павло Придыбайло,
Оттутечкы зо мною [4]).

---

[1]) Этотъ стихъ находится только въ двухъ варьянтахъ: подольскомъ и галицкомъ, онъ повторяется, конечно, въ каждомъ куплетѣ.

[2]) Такъ въ Лубенскомъ в.,—въ другихъ и Придыбайлу отведена птица: курочки, или лебеди.

[3]) Украинская пѣсня вообще не любитъ нагромождать матеріальныя подробности, а потому большая часть варьянтовъ довольствуется однимъ куплетомъ или о пищѣ, или о питьѣ. То и другое вмѣстѣ находимъ только въ одномъ, херсонскомъ варьянтѣ.

[4]) Въ одномъ варьянтѣ, херсонскомъ вм. спавъ—*сивъ*: первый—*на лавци*, вторый—*въ комнатци*, третій—на *кроватци*.

Подольскій варьянъ послѣ этого прибавляетъ изъ любовно-весенней пѣсни:

И нацилувався, и намилувався,
Якъ у саду соловейко (та) нащебетався.

Херсонскій прибавляетъ еще одинъ вопросъ и отвѣтъ:

Ой, якъ же ты та безъ мене
Гостей провожала?
—Иванько йшовъ,—вклонився,
А Кравченко шапку снявъ,
А козакъ Павло Придыбайло
Обнявъ,—поцилувавъ!

Галицкій варьянтъ отвѣчаетъ на подобный вопросъ:

Ишовъ музыка граючы,
Мацько качуръ скачучы,
А Михайло Придыбайло.
Мому серцю сподобайло
Ишовъ зо мною плачучы.

Вотъ какъ передѣлалась эта пѣсня среди великороссовъ, конечно, прежде всего среди солдатъ:

—„Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька:
А и кто безъ меня
Были гости у тебя?
—Были генералъ смоленскій,
Да майоръ преображенскій.
Да поручикъ—голубчикъ былъ семеновскій уланъ.
—„Ты скажи, Марусенько,
Не утай, моя душенька,
А что безъ меня
Пили гости у тебя.
—Генералъ пилъ водочку,
А майоръ вышневочку,
А поручикъ—голубчикъ пилъ наливочку со мной.
—Ты, скажи, Марусенька, и пр.
А что безъ меня ѣли гости у тебя?
—Генералъ ѣлъ курочку,
А майоръ ѣлъ уточку,
А поручикъ—голубчикъ кушалъ рябчика со мной.
—„Ты скажи, Марусенька, и пр.
А кого безъ меня
Гости любятъ у тебя?“
—Генералъ любитъ горнишну,
А майоръ любитъ нянюшку,
А поручикъ—голубчикъ меня, молоду

(В. Варенцовъ, Сборн. пѣсенъ Самарскаго края, 1862, 215—16). Но на этомъ не стало. А. Синегубъ записалъ въ 1875 г. купеческую передѣлку этой пѣсни, уже отъ плотника изъ Екатеринослава, т. е., значитъ, уже возвратившуюся на Украйну, хотя, кажется, пока только больше въ захожую, великорусскую среду. Въ этой передѣлкѣ счастливецъ не пору-

чикъ, а „купчикъ Токмацкой", который уже пьетъ съ Галечкой шампанское. Финалъ пѣсни уже является въ такомъ видѣ:

—„Ой, скажи, моя Галечка,
Не жартуй, моя душечка:
Ну съ кѣмъ у тебя
Спали гости безъ меня?"
—Генералъ спалъ съ няничкой,
А майоръ спалъ съ мамочкой,
Ну, а купчикъ—голубчикъ спалъ со мной молодой.

—„Ой скажи, моя Галечка, и пр.,
Ну, чѣмъ же тебя
Подарили гости безъ меня?
—Генералъ далъ тальмочку,
А майоръ далъ шляпочку,
Ну, а купчикъ—голубчикъ далъ мнѣ тысячу рублей!

Интересно будетъ посмотрѣть, во что дальше разовьется эта пѣсня? Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы совсѣмъ обходимъ уже совершенно непечатныя пѣсни, которыя поются солдатами, часто въ присутствіи офицеровъ, и даже по ихъ наказу, хорами.

Рядомъ съ цинизмомъ и продажностью ласкъ идетъ грубость. И дѣйствительно, великорусскія пѣсни, записываемыя теперь на Украйнѣ, отличаются грубостію картинъ обращенія съ женщинами, составляющею такой контрастъ съ нѣжностію отношеній половъ, особенно парней съ дѣвушками, въ старыхъ украинскихъ пѣсняхъ, подтверждать которую нѣтъ надобности для всякаго, кто хоть держалъ въ рукахъ какой нибудь сборникъ пѣсенъ украинскихъ, напр. Метлинскаго. Чтобъ не удлинять слишкомъ статью нашу, мы приведемъ здѣсь только одну изъ довольно значительнаго количества имѣющихся у насъ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ на Украйнѣ. Это пѣсня, записанная кр. Ковалевымъ въ с. Биличинѣ, подольск. губ. въ 1869 г.

Ой, у полю деревенька,
Ни велика, ни маленька.
Есть въ тій деревеньци
Шинкарочка молоденька.
А у той шинкарочки
Есть у неи три дочки:
Йидна Маша, друга Саша,
Третья Катя, моя душа.

А до Кати Ваня ходить
Безъ расчету деньги носить,
А взявъ Катю за станочокъ,
Вдарывъ йійі у пысочокъ [1]),
Повалилася на грушу
—Люблю Катю такъ, якъ душу!
Стій, Катя, не валися,
Якъ любилась, такъ любися.

А вотъ конецъ варьянта этой пѣсни, записаннаго въ Ростовѣ на Дону въ 1874 г.

[1]) *Пысокъ* по укр. лицо, въ грубомъ смыслѣ.

А до Кати Ваня ходе,
Безъ зачоту деньги носе,
Хочъ не рубъ, два, то полтину;
Набравъ ситцу на спидницю,
А китайки на обкладки,
Поясочокъ на станочокъ,
На головочку цветочокъ,
Завивъ Катю у садочокъ,
Ударывъ Катю у выточокъ;
—„Ой, стой, Катю, не хилися!
Коли любишь, то любися,
А не любишь, откажися".
—Я любила, любить буду,
Отказуваться не буду [1])! —

Чтобъ окончательно освѣтить ту степень паденія извѣстной части украинскаго населенія, какую знаменуетъ распространеніе въ немъ выше приведенной пѣсни (изъ Ростова на Дону до Подоліи), надо замѣтить, что на сложеніе этой пѣсни пошло нѣсколько стиховъ и украинской пѣсни. Основа пѣсни, конечно, великорусская; она записана, напр., въ архангельской губерніи (Ефименко op. cit., 74), но конецъ, который встрѣчается и въ другихъ великорусскихъ пѣсняхъ (см. у Михневича, 399) по своему отразилъ разговоръ парня съ дѣвушкой въ одной украинской пѣснѣ. (Метлинск., 91—92). Въ послѣдней козакъ пріѣзжаетъ (безъ подарковъ и денегъ) до дивчыны на обычное, староукраинское, цѣломудренное, хотя и ночное, женыханье; дивчына рано его отправляетъ отъ себя, и козакъ ей говоритъ, конечно, безъ побоевъ:

Дивчыноньку молодая!
Чы ты мене вирно любышъ,
Що ты мене рано будышъ?
Коли любышъ, любы дуже,
А не любышь, не жартуй-же!
Коли любышъ, любы гаразд,
А не любышъ, кажы заразъ!
Коли любышъ, такъ любысь,
А не любышъ, не горнысь!
Коли любышъ, любы двичи,
А не любышъ, кажы въ вичи!

---

[1]) Картины битья дѣвушекъ довольно обычная вещь въ великорусскихъ пѣсняхъ. Ср. напр. въ статьѣ г. Михневича, въ пѣснѣ фабричной:

Наливай вина осьмуху,
Наберемся его духу,
Мы ударимъ Сашу въ ухо
Цѣловальника прибьемъ и т. д. (Ср. у Шеина 201—202)

Въ одной пѣснѣ (Шеинъ, 166—167) у парня „Шубочка ала, душегрѣечка красна, молодцу сердце зажгла",—и онъ „Какъ ударилъ парень дѣвку, по бѣлому, по лицу, Онъ по бѣлому лицу, По румяной по щекѣ, По желѣзной по серьгѣ".

У Якушкина „Парень дѣвку унимаетъ, слезы утираетъ. Не плачь, дѣвка, не плачь красна, Не плачь, расканалья! Буду дѣвку, буду больно бити при міру,—народѣ. (Русск. нар. пѣсни, 181; стр. 117, 139) и т. п. Замѣчательно, что такихъ грубостей больше есть въ новыхъ великорусскихъ пѣсняхъ, чѣмъ въ старыхъ.

Какая огромная разница между этой пѣснію и вышеприведенной великорусской!

Мы уже замѣтили выше, что бѣдствіе распространенія въ народѣ новыхъ пошлыхъ пѣсенъ въ извѣстномъ отношеніи обще Украинѣ съ Великороссіей, и въ послѣдней это бѣдствіе, быть можетъ, пока даже больше, по тому что, по крайней мѣрѣ, такихъ безобразій, какъ новѣйшія великорусскія фабричныя пѣсни, на Украйнѣ пока еще не замѣчено. А потому общимъ можетъ быть и лекарство противъ него. Конечно, „опустошеніе народной души“ находится въ связи съ сложными условіями современнаго положенія общества, а потому можетъ быть и излечено только сложными мѣрами. Народная пѣсня только показатель этого опустошенія. Но поскольку пѣсня играетъ роль въ жизни человѣка, она можетъ стать и проводникомъ въ его душу извѣстнаго содержанія. Вотъ почему забота объ улучшеніи народныхъ пѣсенъ можетъ имѣть, кромѣ своей непосредственной цѣли, еще и значеніе одного изъ общихъ средствъ воспитанія народной души. Образованные люди не должны бездѣйствовать въ данномъ случаѣ. Пѣсенно-музыкальная часть извѣстнаго выбора должна составить существенную принадлежность народныхъ чтеній, спектаклей; образованные люди должны взять на себя иниціативу народныхъ пѣвческихъ обществъ [1]), но кромѣ того, въ народныхъ школахъ и военныхъ казармахъ должны быть предприняты систематическія мѣры къ поднятію эстетическаго и нравственнаго уровня распространяющихся въ массахъ народа пѣсенъ. Между прочимъ, для этого должны быть изданы образцовые пѣсенники, которые бы имѣли цѣлью съ одной стороны—сохранить изъ теперешней устной народной словесности симпатичный, человѣчный ея элементъ, а съ другой—поднять и расширить этотъ элементъ внесеніемъ въ него дѣйствительно культурнаго матеріала, выработаннаго болѣе образованными классами. Что касается до украинскихъ пѣсенъ, то было бы странно, въ виду общаго согласія знатоковъ дѣла о высокихъ ихъ музыкальныхъ и поэтическихъ достоинствахъ, исклю-

[1]) Это уже дѣлается въ извѣстной мѣрѣ въ украинской части Галиціи.

чить ихъ изъ подобнаго рода пѣсенниковъ. Мы думаемъ, что украинскія пѣсни могли бы найти себѣ мѣсто въ извѣстномъ количествѣ даже въ пѣсенникахъ, назначенныхъ для областей великорусскихъ, гдѣ эти пѣсни всегда были очень любимы, какъ это доказывается свѣдѣніями о пѣніи ихъ въ хорахъ Нарышкиныхъ и Потемкина въ XVIII в. (см. объ этомъ Безсоновъ, Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ. 232—33, 28 и проч.).

Р. Л. И.

P. S. Статья наша была совсѣмъ окончена, когда мы узнали изъ рецензіи „Вѣстника Европы“ (1892, октябрь) о книжкѣ И. Я. Львова. „*Новое время, новыя пѣсни (о поворотѣ въ народной поэзіи)*“, вышедшей въ далекомъ Устюгѣ. Авторъ, наблюдавшій порчу народной пѣсни на другомъ концѣ Россіи, пришелъ къ выводамъ и совѣтамъ, подобнымъ съ нашими. Интересно, что онъ совѣтуетъ для противодѣйствія новымъ великороссійскимъ народнымъ пѣснямъ и въ Великороссіи, распространять, черезъ школы „и другими средствами, между прочимъ и переводныя маллороссійскія пѣсни“.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

5-го іюля. Вся кафедра полна была сегодня дамъ въ траурѣ по неудавшейся справѣ и по случаю выѣзда губернатора. Пойманъ поджигатель съ паклей. Каменецъ въ 1863 г. страшно пострадалъ отъ поджоговъ съ политической цѣлью. Хотѣли было сжечь архіерейскую церковь съ его подворьемъ. Подожгли густо застроенные дома, стоявшіе противъ церкви по другую сторону улицы. Вѣтеръ былъ сначала къ церкви, но послѣ повернулъ по направленію къ зданію губернскаго правленія и казначейства, католической кафедры и гимназическихъ зданій. Вся улица каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ въ ночное время запылала. Запылало зданіе и губернскаго правленія и кафедра. Явился губернаторъ и приказалъ губернскому казначею, поляку, служившему болѣе 30 лѣтъ казначеемъ, выносить изъ подвала деньги. Казначей, зная по слухамъ, что поляки предполагаютъ въ ночной суматохѣ ограбить казначейство, ослушался приказа, перетащилъ книги и бумаги изъ казначейства въ денежный подвалъ; самъ заперся въ немъ съ ефрейторомъ и двумя караульными, заперъ желѣзную двойную дверь, заперъ желѣзныя ставни и просидѣлъ въ подвалѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ потушенъ пожаръ. Отъ жара и дыма онъ чуть не задохнулся вмѣстѣ съ карауломъ. Вмѣсто бѣлой ленты, обѣщанной ему губернаторомъ за ослушаніе, онъ получилъ за спасеніе книгъ и денегъ орденъ.

[1)] См. „Кіевск. Стар.“, 1893 г., № 4.

Попечитель Кіевскаго округа Ѳ. Ѳ. Витте назначенъ въ Варшаву главнымъ директоромъ коммиссіи народнаго просвѣщенія (т. е. министромъ).

31-го іюля. Въ Могилевскомъ уѣздѣ раскрывается повстанская организація; доносчикомъ явился какой-то живописецъ, принадлежавшій къ организаціи.

31-го августа. Новый губернаторъ генералъ-маіоръ С—нъ извѣстилъ, что прибудетъ въ высокоторжественный день прямо въ церковь. Въ соборѣ оканчивалась обѣдня, какъ вдругъ полиціймейстеръ сталъ расчищать въ церкви дорогу. Передъ церковью остановилась тройка и изъ перекладной выскочилъ генералъ С—нъ и прошелъ на первое мѣсто. Послѣ молебствія онъ помѣстился подлѣ крыльца губернаторскаго дома и приказалъ войскамъ парадировать. Народъ помѣстился въ сторонѣ. Казаки пущены были неожиданно въ карьеръ съ пиками на перевѣсъ; чуть не раздавили нѣсколько зазѣвавшихся учениковъ низшихъ классовъ и разныхъ дѣтей. Послѣ парада губернатору представлялись всѣ чины. Управленіе его можно характеризовать стихами:

„Всѣ мы ждали генерала—
И правителя страны—
Тройка быстрая примчала
Только красные штаны".

6-го сентября. Губернаторъ былъ съ визитомъ у директора гимназіи Теодоровича. Спрашивалъ: есть-ли учителя поляки и благонадежны-ли они? Директоръ отвѣчалъ: „благонадежны, пока стоятъ штыки".—

— „Вы здѣсь давно?"—„Съ марта мѣсяца".—А прежде, гдѣ служили?"—„Директоромъ Ровенской гимназіи."—„Что, ученики тамъ бунтовали?"—„Нѣтъ. Былъ слѣдующій только случай: въ первый весенній день нѣсколько учениковъ за городомъ по шоссе сломали на мосту съ десятокъ гнилыхъ тумбъ, и одинъ при этомъ сказалъ спичъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что ломаютъ не тумбы, а москалей." —„И что-жъ?"—спросилъ губернаторъ.—„Этихъ учениковъ удалили изъ гимназіи".—„И только?! Жаль, что меня тамъ не было, я-бы не пощадилъ! У меня одиннадцать дѣтей, но пошали они—я бы ихъ всѣхъ

упряталъ!“ При этомъ присутствовалъ инспекторъ гимназіи, который вмѣшивался въ разговоръ, но С—нъ избѣгалъ и смотрѣть и отвѣчать ему, боясь уронить свое губернаторское достоинство.

На разсвѣтѣ съ 18 на 19 въ гимназическомъ дворѣ на мостовой найденъ выбросившійся изъ своей квартиры изъ окна 3 этажа учитель физики, полякъ Владиславъ Куликовскій. Послѣ осмотра тѣла на стройномъ бѣломъ тѣлѣ покойнаго на задней части оказалась свѣже-зажившая рана, произведенная, вѣроятно, картечью. Самъ онъ стрѣлять въ такое мѣсто не могъ. Послѣ анатомированія оказалось, что у него внутри все сгорѣло отъ сѣрной кислоты. Поводовъ къ смерти никакихъ: онъ не имѣлъ по службѣ никакихъ непріятностей, преподавалъ хорошо, держалъ себя прилично, имѣлъ зажиточныхъ родителей, во время вакацій посѣщалъ ихъ. Влюбленъ неудачно не былъ; принималъ живое участіе въ танцовальныхъ вечерахъ учительскихъ. Только на канунѣ смерти вечеромъ онъ долго гулялъ по католическому кладбищу. За нѣсколько дней до смерти онъ заказалъ новый гардеробъ. Все это не повело къ разгадкѣ смерти. Были предположенія, что въ его комнату ночью пробрались кинжальщики и насильно отравили его и выбросили на дворъ, но никто не слышалъ ночью ни малѣйшаго шума. Полагали также, что онъ не исполнилъ какого-нибудь распоряженія ржонда, что въ него стрѣляли картечью и наконецъ приказали ему умереть. Послѣднее предположеніе нѣсколько подтвердилось на его похоронахъ. Епископъ Фіалковскій сначала запретилъ хоронить его по христіанскому обряду, но когда переговорилъ съ знатнѣйшими поляками въ городѣ, разрѣшилъ самыя торжественныя похороны. Въ похоронахъ участвовало безмездно все католическое каменецкое духовенство съ кармелитами и клириками. Была музыка, масса польскаго люда. Его хоронили, какъ принца.

31-го октября. На дняхъ евреи привезли въ Каменецъ на 40000 фальшивыхъ бумажекъ изъ заграницы. Генералъ-губернаторъ извѣстилъ о провозѣ губернатора; тотъ поручилъ это дѣло полиціймейстеру. Посланъ былъ агентъ въ Гусятинъ наблюдать и по примѣтамъ арестовать провозителя. Почему-то агентъ рѣшилъ арестовать еврея-провозителя въ Каменцѣ. Тро-

нулся на почтовыхъ еврей, тронулся за нимъ полицейскій агентъ. Ѣхали всю дорогу одинъ за другимъ. При въѣздѣ въ Каменецъ ямщикъ, везшій еврея, пришпорилъ лошадей, т. ч. агентъ отсталъ, а еврей въ переулкѣ соскочилъ, и пропалъ его слѣдъ. Агента уволили, но уже черезъ годъ дано ему мѣсто исправника.

1-го ноября. На дняхъ я бесѣдовалъ съ инспекторомъ духовной православной семинаріи. Печально, по его словамъ, теперь состояніе духовныхъ училищъ. Если въ западномъ краѣ въ гимназіяхъ нашелъ пріютъ католицизмъ и польско-жидовскій патріотизмъ, то между семинаристами большинство питомцы Чернышевскаго и Молодой Россіи—истые нигилисты. Обряды осмѣиваютъ, Бога и загробную жизнь отвергаютъ, смѣются надъ таинствами, вѣнчаютъ на квартирахъ собакъ, пріобщаютъ котовъ и свиней. Весь созданный порядокъ вѣками обветшалъ—и долой его! Греческій и латинскій языкъ въ упадкѣ, богословскія науки тоже, а другихъ предметовъ вовсе не знаютъ. Дисциплина исчезла: хотятъ—идутъ на уроки, не хотятъ—не идутъ; на ректора архимандрита посвистываютъ; инспектора знать не хотятъ; учителямъ лѣзутъ съ кулаками въ зубы. А смирить ихъ строгими мѣрами не позволено, сказано держаться прогресса и не отставать отъ современности. Дѣйствительно, печальная картина, если все это справедливо. Хорошее выростетъ поколѣніе и много горя принесетъ оно Россіи.

10-го ноября. Попечитель округа Ширинскій-Шихматовъ прибылъ съ инспекторомъ казенныхъ училищъ Иваномъ Яковлевичемъ Ростовцевымъ въ Ровно, извѣстивъ о своемъ прибытіи въ Каменецъ, но побоялся грязной дороги и по шоссе обратно поѣхалъ въ Кіевъ.

19-го ноября. Преобразуется братство православное. Предсѣдателемъ избранъ архимандритъ, а помощниками его вице-губернаторъ Андреевъ, бывшій предсѣдатель уголовной палаты, и кафедральный протоіерей Новицкій. Затѣваютъ многое,—дай Богъ успѣха. Братство имѣетъ покамѣстъ долгу 1100 р., а наличнаго капитала 168 — обыкновенное веденіе у насъ общественныхъ дѣлъ и расходованіе общественныхъ денегъ.

20-го ноября. Директоръ Житомирскаго раввинскаго училища К., собравъ вѣрныя свѣдѣнія о попечителѣ округа, о князѣ Ширинскомъ-Шихматовѣ, и провѣдавъ о томъ, что открылась вакансія директора въ Каменецкой гимназіи, испросилъ у Ширинскаго отпускъ въ Кіевъ для совѣщанія съ врачами по случаю застарѣлой болѣзни. Князь Ширинскій-Шихматовъ мужчина высокаго роста и плотный. Онъ еще не старъ. Въ молодости велъ разсѣянную жизнь, а, женившись, любилъ жить роскошно и широко. Въ бытность попечителемъ въ Вильно, онъ поѣхалъ обозрѣвать округъ. Въ его отсутствіе отъ свирѣпствовавшей въ Вильно эпидемической скарлатины умерли всѣ четверо его дѣтей. Это произвело на него потрясающее дѣйствіе и коренной переворотъ въ его образѣ жизни и мысляхъ. Онъ принялъ смерть дѣтей, какъ Божью кару за прежнюю свою жизнь, сталъ каяться, молиться, поститься; сталъ вести уединенную жизнь. Передъ иконами явились неугасаемыя лампады. Вся новѣйшая наука, философскія ученія, новѣйшая литература явились въ его воображеніи произведеніями сатаны, дьявольскими искушеніями. Чтеніе священныхъ книгъ, бесѣды съ духовенствомъ, житія святыхъ заняли все его время. Онъ сократилъ въ гимназіяхъ преподованіе новой русской литературы, ограничивъ ее перечисленіемъ именъ выдающихся писателей: Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева и т. д. Въ комнатахъ у него запахло ладаномъ. Окружающіе его и подчиненные приняли постную наружность и заговорили библейскими изреченіями: сатана, искушеніе, суета суетъ не сходили у нихъ съ языка. Это мирило съ ними князя.

К., прибывъ въ Кіевъ, нанялъ себѣ помѣщеніе въ подвальномъ этажѣ черезъ два дома отъ помѣщенія попечителя, накупилъ дешевыхъ образовъ, и въ рамахъ и безъ рамъ, увѣшалъ и уставилъ весь уголъ комнаты, противоположный окну, выходившему на тротуаръ. Устроилъ налой, покрылъ его парчею, развѣсилъ и зажегъ лампады и восковыя свѣчи, и ждалъ, подкарауливая изъ за двери, князя. Князь послѣ обѣда имѣлъ обыкновеніе ежедневно, не смотря на погоду, съ тростью въ рукѣ, совершать прогулку по тротуару. Замѣтивъ князя, К.

бросался въ образную свою, отворялъ на тротуаръ форточку, разводилъ наскоро огонь въ жаровнѣ, насыпалъ на угли пригоршню ладану, а самъ бросался на колѣни передъ аналоемъ и усердно крестился и клалъ земные поклоны. На аналоѣ лежала въ старомъ кожаномъ переплетѣ библія печерской печати, взятая на время у печерскаго монаха. Проходя мимо открытой форточки, князь обонялъ не безъ удовольствія излюбленный имъ запахъ живца-ладана. Сначала князь рѣшилъ, что по близости имѣется покойникъ. Но повторяясь и на слѣдующій и на третій день, это заинтересовало князя. Онъ распросилъ прислугу,— оказалось, что по близости нѣтъ покойника. Князь сталъ наблюдать, откуда несется запахъ ладана, и, наконецъ, замѣтилъ у своихъ ногъ открытую форточку. Онъ не вытерпѣлъ, присѣлъ и увидѣлъ картину спасающагося, кающагося человѣка. Князь замѣтилъ его физіономію. Пошли справки, ничего не объяснившія князю. Въ университетской церкви князь опять встрѣтилъ эту личность, простоявшую въ уголку на колѣняхъ все служеніе и усердно клавшую земные поклоны. Въ воскресенье на обѣднѣ повторилось то-же. Никто не могъ объяснить князю, что это за личность. Княземъ овладѣло такое нетерпѣніе, что онъ самъ рѣшился на слѣдующій день сдѣлать визитъ этому святому, богомольному человѣку и побесѣдовать съ нимъ по душѣ. Но вотъ на слѣдующій день въ 10 часовъ лакей докладываетъ князю, что ему желаетъ представиться директоръ раввинскаго Житомирскаго училища. Приказано принять. И вотъ К. вошелъ въ кабинетъ князя и сталъ представляться. Князь прямо заключилъ его въ свои объятія, воскликнувъ: „я васъ знаю! я васъ понимаю, я сочувствую вамъ!“ Усадивши его и переговоривши съ нимъ по душѣ, Ширинскій представилъ его своей супругѣ. К. разсказалъ, какъ онъ страдаетъ среди евреевъ въ раввинскомъ училищѣ, и просилъ перевести его въ Каменецъ. Ширинскій обѣщалъ, разрѣшилъ ему отпускъ на родину на 2 мѣсяца и просилъ бывать у него до выѣзда изъ Кіева запросто. Въ среду К. явился къ Ширинскому попрощаться. Затянулась бесѣда на разныя темы. Лакей вошелъ доложить, что обѣдъ готовъ. Ширинскій пригласилъ К. отобѣдать у него. Тотъ сталъ из-

виняться, что онъ не можетъ. „Почему?“—„Я сегодня пощусь!“ Ширинскій схватилъ К. въ объятія и, многократно его облобызавъ, увлекъ въ столовую. „Да вѣдь и мы по средамъ и пятницамъ тоже соблюдаемъ посты!“—весело заключилъ князь. Такимъ образомъ К. навсегда обворожилъ Ширинскаго. Въ концѣ ноября пришло въ Каменецъ назначеніе К. директоромъ училищъ подольской губерніи, а нѣсколько дней спустя Солтановскій [1]) телеграммой получилъ приглашеніе отъ Витте изъ Варшавы занять мѣсто начальника Сувалкской учебной дирекціи. Спустя нѣкоторое время, я получилъ полуоффиціальное письмо отъ князя Ширинскаго—Шихматова, въ которомъ онъ проситъ меня управлять дирекціею до прибытія К. и инспектора Сосновскаго. Въ половинѣ февраля вечеромъ прибылъ К. въ Каменецъ. Онъ долго замѣшкался въ Кіевѣ, проводя время въ духовной бесѣдѣ съ княземъ Ширинскимъ; но послѣдній какъ-то забылъ сообщить ему о моемъ вызовѣ и назначеніи въ Каменецъ инспекторомъ Сосновскаго. К., оставшись недовольнымъ, что я не прислалъ ему часть своей мебели и самъ медлю къ нему явиться, послалъ ко мнѣ сторожа съ приказаніемъ представиться ему по службѣ. Я сторожа направилъ къ учителю Малавскому, исполнявшему должность инспектора. Малавскій объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Не прошло получаса, какъ К., выбритый, въ вицъ-мундирѣ явился ко мнѣ съ извиненіями и поздравленіями.

Квартира у меня въ Каменцѣ была казенная въ бывшемъ іезуитскомъ строеніи, зимою теплая, благодаря необыкновенной толщинѣ стѣнъ, а лѣтомъ по той-же причинѣ прохладная. Четыре комнаты имѣли своды, другія четыре были безъ сводовъ, но очень обширныя; сверхъ того, я имѣлъ гостинную и громаднѣйшій залъ, прежній іезуитскій костелъ, и на первомъ этажѣ обширную кухню, прачешную и кладовую. Вслѣдствіе обширности помѣщенія у меня разъ въ недѣлю происходилъ танцо-

[1]) Т. е. авторъ этихъ записокъ, который въ качествѣ инспектора Каменецъ-Подольской гимназіи разсчитывалъ быть назначеннымъ на мѣсто, предоставленное К., чѣмъ, можетъ быть, и слѣдуетъ объяснить нѣсколько субъективный тонъ всего разсказа.—Ред.

вальный вечеръ съ музыкой. Вечера эти были складочные, и на нихъ была запрещена игра въ карты. Кромѣ учителей, въ складкѣ никто изъ постороннихъ не участвовалъ. Жизнь въ Каменцѣ отличалась сравнительной дешевизной. Хорошій обѣдъ въ большомъ семействѣ, состоявшій изъ 4 блюдъ, обходился не дороже 75 копѣекъ. Говядина великолѣпная изъ степныхъ воловъ, масса птицы, фруктовъ, всякой зелени. На базарѣ вся провизія продавалась ежедневно въ какихъ угодно порціяхъ, доступныхъ для самыхъ бѣдныхъ людей. Можно было купить на $^1/_4$ коп. свѣжаго масла, тоже сыра, соли, сала и говядины, а также и зелени. Осенью существовалъ обычай въ праздники привозить въ городъ для продажи и живыхъ, и битыхъ свиней, чтобы жители могли запастись саломъ и окороками на всю зиму. Въ этотъ день свиньи продавались по баснословно дешевымъ цѣнамъ: можно было купить совсѣмъ приготовленную свинную тушу за 3 или $3^1/_2$ рубля, аршинныя колбасы продавались по $7^1/_2$ и даже по 5 коп. за штуку. Начиненныя кашей кишки стоили 3 коп. штука. Вареной, жирной свинины миска стоила 2 к.; сильный здоровенный мужикъ этой миской могъ наѣсться на весь день до отвалу. Отличные фрукты привозились изъ Бессарабіи, виноградъ изъ Крыма; изъ Одессы—лимоны, апельсины, гранаты, финики, изюмъ, миндаль, всякаго рода орѣхи. Рыбы и сельдей привозилось тоже вдоволь, и на все стояли низкія цѣны.

Каменецъ выстроенъ на скалѣ, омываемой рѣкою Смотричемъ со всѣхъ сторонъ. Онъ мощенъ камнемъ, но улицы необыкновенно узкія: едва могутъ разъѣхаться двѣ повозки. Тротуары до такой степени узки, что едва расходятся на нихъ, не толкая другъ друга, два прохожіе. Дома большею частью каменные, двухъ и одно-этажные. Но всѣ они невзрачной архитектуры и принадлежатъ нечистоплотнымъ евреямъ; дворы наполнены нечистотами, которыя никогда не вывозятся за городъ. Въ лѣтніе жары на дворахъ невыносимая вонь, которая разносится и по городу. Особенно грязна часть Каменца, называемая Карвасары. Она ютится подъ скалою отъ турецкаго моста, ведущаго въ крѣпость, до сада Витте. Тамъ вѣчная грязь и

вонь. Рынокъ также невзраченъ и грязенъ и застроенъ почернѣвшими и пошатнувшимися на бокъ деревянными еврейскими лавчонками. Маленькій бульваръ, состоящій изъ двухъ или трехъ дорожекъ, ютится надъ Смотричемъ на отвѣсной скалѣ. Вообще центръ города, имѣющій нѣсколько церквей, нѣсколько костеловъ, кажется, три монастыря, семинарію католическую, семинарію православную, гимназію мужскую, таксаторскіе классы, женскій пансіонъ, кишитъ жидами и представляетъ настоящій жидовскій городъ. Большинство домовъ составляютъ собственность евреевъ. Кромѣ зданія гимназіи, неоконченнаго дома порядочныхъ размѣровъ дворянскаго собранія, домовъ Кремера, Бржезинскаго и Фармгольца, все это дома заурядные. Гостинницъ ни одной. Остановиться можно въ обыкновенныхъ заѣзжихъ домахъ еврейскихъ, какіе существуютъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Подольской губерніи. Воды для питья и кушанья въ Каменцѣ не существуетъ, такъ какъ нѣтъ ни одного колодца. Воду доставляютъ водовозы изъ далеко лежащей за городомъ Гунской Крыницы. Предмѣстья города составляютъ: польскіе фольварки, русскіе фольварки, и еще постройки, потянувшіяся за Турецкой крѣпостью. Да уже возникло нѣсколько домиковъ на такъ называемомъ новомъ планѣ.

Знать чиновничья нанимаетъ квартиры въ центрѣ города, а мелюзга живетъ на фольваркахъ. Въ Каменецъ два въѣзда: черезъ крѣпость и турецкій мостъ, и другой—главный—черезъ мостъ со стороны польскихъ фольварковъ. Этотъ въѣздъ запирается на скатѣ горы съ моста узкими каменными крѣпостными воротами, называемыми польской брамой. Около этого узкаго проѣзда караулитъ инвалидный солдатъ, и день и ночь, для предупрежденія столкновенія между ѣдущими съ противоположныхъ сторонъ, такъ какъ въ воротахъ, идущихъ въ видѣ узкаго коридора со сводами, двѣ повозки не въ состояніи разъѣхаться, и опасность увеличивается еще тѣмъ, что ворота стоятъ на скатѣ. Есть еще пѣшеходное сообщеніе Каменца съ польскими фольварками, посредствомъ лѣстницы, высѣченной въ скалѣ и снабженной перилами. На польскихъ фольваркахъ дома деревянные, одно-этажные, частью съ садами. По дорогѣ въ Проску-

ровъ въ концѣ польскихъ фольварковъ находятся кладбища — католическое и православное. Первое, какъ обыкновенно, содержится въ большомъ порядкѣ. Много красивыхъ цѣнныхъ памятниковъ, между прочимъ изъ мѣстнаго камня, похожаго по отшлифовкѣ на темный мраморъ. Все кладбище засажено фруктовыми и дикими деревьями, дающими прекрасную тѣнь. Много тѣнистыхъ аллей. На польскихъ фольваркахъ одна небольшая церковь. Съ русскими фольварками сообщеніе черезъ Турецкій мостъ и крѣпость. Новая довольно большая каменная церковь стоитъ на скалѣ, недалеко отъ обрыва, и къ ней изъ Каменца въ отвѣсной скалѣ высѣчена узенькая лѣстница безъ перилъ; по ней могутъ подниматься только тѣ, кто не страдаетъ головокруженіемъ. Въ томъ предмѣстьи (Подзамче), которое за турецкою крѣпостью, въ обширномъ саду поднимается каменный двухъ-этажный дворецъ, не оконченный, не доведенный даже подъ крышу и обставленный еще лѣсами. Онъ принадлежитъ какой-то княгинѣ, которая, изъ расположенія къ архіерею, переведенному въ другое мѣсто, послѣдовала за нимъ, а дворецъ бросила неоконченнымъ. Она собственно его стала строить, чтобы быть поближе къ архіерею. Отвѣсные каменные берега Смотрича причиною того, что отъ головокруженія или поскользнувшись, особенно въ гололедицу, зимою и послѣ дождя, падаютъ люди съ высоты нѣсколькихъ сажень и разбиваются на смерть. При мнѣ было нѣсколько случаевъ, но особенно памятна мнѣ смерть красиваго молодаго семинариста. По окончаніи занятій, онъ пошелъ за городъ поджидать изъ дому лошадей. Отъ скуки онъ началъ собирать цвѣты на отвѣсныхъ скалахъ Смотрича. Замѣтивъ на отвѣсной скалѣ выросшій изъ щели кустарникъ шиповника въ цвѣту, онъ захотѣлъ украсить свой букекъ розами. нагнулся, схватилъ рукою цвѣтокъ, потерялъ равновѣсіе,—и полетѣлъ внизъ. Изъ чувства самосохраненія, падая, онъ обѣими руками схватилъ колючій шиповникъ; но кустъ слабо вросъ въ щель, и бѣдный юноша, держа кустъ въ рукахъ, упалъ на камни и ушибся на смерть.

Мѣстоположеніе Каменца таково, что, не смотря на свою неопрятность и ординарныя постройки въ жидовскомъ стилѣ,

онъ издали, со стороны Гунской Крыницы, кажется въ высшей степени живописнымъ городкомъ. Онъ много выигрываетъ отъ высокаго минарета и старой турецкой крѣпости. Въ окрестностяхъ Каменца я не былъ, но много слышалъ о красотѣ ихъ, особенно о живописномъ положеніи одного богатаго имѣнія. Въ 20 верстахъ отъ Каменца протекаетъ Днѣстръ. Аристократія чиновничья ѣздитъ туда купаться.

Въ 1864 году всѣ предводители дворянства въ Подольской губерніи были назначены правительствомъ. Дворянскія собранія и выборы предводителей дворянства уничтожены. Губернскимъ предводителемъ дворянства былъ назначенъ помѣщикъ графъ Марковъ. Я его всего одинъ разъ видѣлъ въ Каменцѣ во время прибытія губернатора Сухотина. Марковъ присутствовалъ въ церкви во время торжественнаго богослуженія въ высокоторжественный день и затѣмъ представлялся Сухотину. Въ прежнія времена губернскіе предводители по выборамъ, богатые польскіе помѣщики, по часту жили въ Каменцѣ, давали вечера, балы и распоряжались губернаторскими и разными высшими чиновниками по своему произволу. Особенно извѣстенъ былъ графъ Пржездзѣцкій, владѣтель Черноострова. Онъ долго былъ предводителемъ. Старикъ лѣтъ 70-ти, вдовый, любилъ страстно самъ танцовать мазурку и угощать. Онъ никуда самъ не ѣздилъ: его всегда сопровождала его капелла, оркестръ духовой и бальный, составленный изъ его крѣпостныхъ подъ руководствомъ и управленіемъ капельмейстера итальянца. Онъ имѣлъ небольшой, но прекрасный въ Черноостровѣ палацъ, стоявшій на горѣ надъ Бугомъ. Отъ дворца къ Бугу шли террасы, и прямо изъ дверей дворца изъ залы ступени опускались до самаго моста, который въ видѣ прямой линіи пересѣкалъ лежащій на Бугѣ островъ и тянулся далѣе до роскошнаго сада и парка, расположеннаго по другую сторону Буга. Мостъ былъ деревянный для пѣшеходовъ. На островѣ, среди деревъ построенъ былъ лѣтній домикъ, красивой архитектуры. Другой островъ вправо отъ моста, подлѣ парка, соединялся съ нимъ паромомъ. На этомъ островѣ разводились кролики. За садомъ была оранжерея, теплицы и помѣщенія огородниковъ. Бугъ противъ палаца имѣлъ въ ши-

рину болѣе версты. Бугъ недалеко отъ Черноострова въ лѣсахъ беретъ свое начало и течетъ около Черноострова и Проскурова въ видѣ озеръ и прудовъ и имѣетъ плотины. У Пржездзѣцкаго имѣлись двѣ большія крашеныя лодки, на которыхъ старикъ въ лунныя ночи иногда катался по Бугу, окруженный своимъ штатомъ и въ сопровожденіи музыки, которая на рѣкѣ исполняла разныя пьесы. У графа Пржездзѣцкаго былъ свой придворный живописецъ итальянецъ Цуккини, особенно хорошо писавшій портреты, свой придворный врачъ, свой аптекарь, адвокатъ, управляющій, начальникъ охоты и проч. Говорили, что графъ порядочно промотался, и что дѣтямъ его, воспитывавшимся гдѣ-то заграницей, достанется не многое.

1-го февраля 1865 года, сдавъ гимназію и казенныя гимназическія суммы директору К., послѣ обѣда я отправился на новое мѣсто въ Сувалки въ Царство Польское. Собрался весь гимназическій штатъ съ женами проводить меня. Я по случаю наступившихъ жестокихъ морозовъ, доходившихъ до 31° холода, долженъ былъ оставить въ Каменцѣ жену и трехъ малолѣтнихъ дѣтей и письмомъ просилъ князя Ширинскаго-Шихматова, чтобы до весны она могла жить въ казенномъ помѣщеніи и пользоваться отопленіемъ. Путь мой лежалъ на Проскуровъ, Старокостантиновъ, Заславъ, Острогъ, Ровно, Луцкъ, Владиміръ-Волынскій, Холмъ, Люблинъ въ Варшаву. Одинокій, безъ прислуги и лишнихъ средствъ, ничего почти не оставивъ семейству, отправляясь въ страну, враждебную всему русскому и православному, я чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Случись со мной бѣда—семейство мое осталось-бы на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ, такъ какъ я не выслужилъ и половины пенсіи.

1865 г. Въ дорогѣ.

Люблинскій начальникъ дирекціи Теодоровичъ просилъ меня привезти ему изъ Каменца пудъ табаку турецкаго. Въ Царствѣ Польскомъ монополія на табакъ принадлежала еврею Кронебергу, который приготовлялъ отвратительный табакъ и собралъ однако милліоны. Его дворецъ въ Варшавѣ подлѣ Саксонскаго

сада построенъ по плану Тюильери. За провозъ изъ Россіи табаку полагался огромный денежный штрафъ. Агенты и стража Кронеберга вездѣ зорко слѣдила за контрабандой и вязалась къ русскимъ, пріѣзжавшимъ на службу въ царство. Я прибылъ ночью во Владиміръ. У меня былъ кисетъ съ табакомъ; во время перепряжки лошадей я закурилъ на почтовой станціи трубку. Молодой станціонный смотритель спросилъ меня, не везу ли я табакъ? Я спросилъ; а что? Онъ объявилъ, что сейчасъ за городомъ нужно переѣхать западный Бугъ, границу Россіи съ царствомъ, и на той сторонѣ табачная стража непремѣнно произведетъ осмотръ. Разъяснилъ, какъ велики штрафы съ фунта, и разсказалъ множество случаевъ, въ которыхъ пострадали многіе русскіе, и даже военные, ничего не знавшіе о монополіи Кронеберга. Было рискованно везти пудъ табаку, и я оставилъ его ловкому смотрителю. А между тѣмъ до самой Варшавы меня никто не спрашивалъ о табакѣ, и только на рогаткѣ въ Варшавѣ присталъ какой-то инвалидъ, которому я, по совѣту ямщика, далъ 15 к., и онъ пропустилъ меня черезъ рогатку. Такимъ образомъ мнѣ не удалось исполнить просьбу Теодоровича. Изъ Холма я выѣхалъ почти въ сумерки и поздно пріѣхалъ на почтовую станцію, стоявшую одиноко въ лѣсу. Противъ станціи по другую сторону шоссе стояла еврейская корчма. Я порядочно прозябъ и сверхъ того, опаясь ночью ѣхать лѣсомъ, чтобы не набрести на волковъ или одиночныхъ повстанскихъ мародеровъ, я рѣшился переночевать на почтовой станціи. Но едва я раздѣлся, какъ уже вбѣжалъ содержатель станціи со словами: „лошади готовы, прошу Васъ сейчасъ ѣхать, а то лошадямъ плохо стоять на морозѣ!“ Я объявилъ, что не могу ѣхать, что я озябъ, желаю отдохнуть, словомъ—желаю подночевать. Содержатель настаивалъ, чтобы я ѣхалъ, что ночевать на станціи негдѣ, что въ пассажирской комнатѣ нельзя раздѣваться, такъ какъ ночью могутъ пріѣхать дамы и войти въ эту комнату, что если я непремѣнно желаю ночевать, то долженъ перейти въ еврейскую корчму, гдѣ имѣются для проѣзжихъ опрятныя комнаты. Я рѣшительно объявилъ, что останусь въ пассажирской ночевать, но раздѣваться не буду, и попросилъ приготовить для

меня самоваръ. Самоваръ моментально былъ поданъ, я пригласилъ почтосодержателя откушать со мною чай. Я сѣлъ подлѣ окна, выходящаго къ шоссе и корчмѣ. Онъ просилъ меня пересѣсть въ уголъ, на томъ основаніи, что у него дуетъ изъ оконъ, и я могу еще заболѣть въ дорогѣ у него на станціи, самъ же занялъ мое мѣсто у окна и часто къ чему то прислушивался, и постоянно посматривалъ съ безпокойствомъ въ окно на шоссе и корчму. Вдругъ онъ сталъ торопить меня оканчивать чай, на томъ основаніи, что они рано ложатся спать, такъ какъ ночью сверхъ проѣзжихъ будетъ проходить денежная почта, и чотому имъ каждую ночь приходится вставать по нѣсколько разъ. Едва я кончилъ свой чай, какъ онъ позвалъ дѣвку и приказалъ сейчасъ убрать самоваръ и стаканы и, взявъ въ руки свѣчу, сталъ со мною прощаться. Онъ объявилъ при этомъ, что свѣчи мнѣ не оставитъ, такъ какъ у него такой обычай, что онъ самъ, боясь огня, до тѣхъ поръ не ложится, пока не потушатъ всѣ огни въ домѣ. Я обѣщалъ ему сей-же часъ потушить свѣчу, но онъ возразилъ, что я могу ночью зажечь свѣчу, задремать, и произойдетъ пожаръ. Наконецъ онъ будетъ тогда только спокоенъ, когда будетъ увѣренъ, что у меня нѣтъ свѣчи. Затѣмъ онъ вышелъ, оставивъ меня въ темнотѣ. Въ первой комнатѣ онъ долго шептался съ какимъ-то человѣкомъ и, пріотворивъ дверь, объявилъ мнѣ, что въ первой комнатѣ, гдѣ пріемъ писемъ, будетъ ночевать сторожъ, въ случаѣ чего, я могу къ нему обратиться. Сегодня по сосѣдству ярмарка, много будетъ возвращаться народу, шумѣть и шляться около корчмы и станціи, не обращайте на это вниманія и дайте слово, что не будете подходить къ окну. Я обѣщалъ исполнить его желаніе. Еще разъ пожелавъ мнѣ спокойнаго сна, онъ скрылся за дверями. Уединенность станціи въ лѣсу, безпокойное время, а главное—какая-то таинственность меня безпокоила; я рѣшился всю ночь просидѣть на диванѣ, стоявшемъ подъ стѣной, противоположной окнамъ, выходившимъ на шоссе и корчму. Со мною было два карманныхъ англійскихъ пистолета. Закуривъ сигару и взведъ курки у пистолетовъ, я расположился на диванѣ. Спустя четверть часа въ домѣ все стихло. На дворѣ было довольно свѣтло, хотя

не свѣтила луна и небо покрыто было тучами. Послѣ 11 часовъ я слышалъ завываніе волковъ въ лѣсу, которое то приближалось къ станціи, то удалялось въ глубь лѣса, и наконецъ затихло. Около 12 часовъ зазвѣнели бубенчики и розвальней штукъ пять подкатило къ корчмѣ. Въ каждыхъ розвальняхъ сидѣло человѣкъ по 5 или по 6-ть. Въ корчмѣ вдругъ въ окнахъ замелькали огоньки. Послышалась ругня и пѣсни. Отъ корчмы отдѣлился вдругъ какой-то человѣкъ и прямо пошелъ къ станціи. Попробовалъ входную дверь, затѣмъ сталъ обходить домъ, заглядывая въ окна. Припалъ къ окну и моей комнаты. Я схватилъ въ руку пистолетъ и ждалъ съ замираніемъ духа. „Проѣзжихъ никого нѣтъ! Спятъ бестіи, какъ сурки!“—сказалъ этотъ господинъ и пошелъ во дворъ станціи. Спустя минуту онъ направился къ корчмѣ. Въ свѣтящіяся окна корчмы видно было, что тамъ идетъ попойка. Она продолжалась минутъ 40 Послѣ съ шумомъ вся компанія вывалила изъ корчмы, размѣстилась въ развальни и съ пѣснями пронеслась мимо корчмы проселочной дорогой въ глубь лѣса. Я говорилъ съ почтосодержателемъ по польски. Не знаю, угадалъ-ли онъ, что я русскій, или нѣтъ; скорѣе, что нѣтъ. Всю ночь никто болѣе не проѣзжалъ по шоссе, и денежная почта не проходила, значитъ—почтосодержатель придумалъ ее, чтобы меня сбыть со станціи, а послѣ, чтобы я немедленно отправился спать безъ огня. Чуть стало разсвѣтать, а ужъ мнѣ былъ поданъ самоваръ, вещи мои упакованы, и лошади стояли у крыльца. Всѣмъ этимъ распорядился молоденькій экспедиторъ, котораго я вчера не видѣлъ. Самъ-же содержатель еще почивалъ. Въ дорогѣ ямщикъ то трубилъ въ трубу, то кого-то бранилъ и проклиналъ. Я полюбопытствовалъ узнать, кого это. Ямщикъ отвѣчалъ: а этого негодяя ксендза Бржозку. Онъ до сихъ поръ шляется съ шайкой бродягъ и бѣглыхъ солдатъ и козаковъ. Нападаетъ на почтовыя станціи, на фольварки, даже на мѣстечки. Грабитъ и убиваетъ. Какъ Вы пожелали ночевать, мой панъ страшно испугался: намъ извѣстно было, что онъ шатается въ окрестностяхъ. Если-бы напалъ на станцію, да пана убилъ и ограбилъ, то моего пана безвинно засудили-бы военнымъ судомъ. Бржозко баловался

ночью въ корчмѣ и жиду обрѣзалъ пейсы и бороду, а жену его, красивую женщину, а также сестру ея лѣтъ 17-ти изнасиловали. Онъ самъ шлялся и около станціи, но увидѣвъ, что всѣ спятъ, что незамѣтно проѣзжающихъ, оставилъ насъ въ покоѣ, а пошелъ баловаться съ жидовками. Дай Богъ, чтобы москали поскорѣе его сцапали и повѣсили, было-бы легче жить на свѣтѣ". Выѣхали мы на открытую мѣстность. Вдали, кругомъ, синѣли большіе лѣса; впереди шоссе поднималось въ гору; на горѣ раскинутъ лѣсъ, а подъ лѣсомъ внизу большое селеніе Гарволинъ. „Вотъ тутъ въ этомъ лѣсу"—заговорилъ ямщикъ,—„мы крѣпко потрепали москалей; отняли у нихъ пушку и денежный ящикъ". Въѣхали мы въ лѣсъ. Онъ оказался не очень большимъ, такъ версты двѣ по шоссе, да столько же по сторонамъ, по скату холма.—Намъ дали знать изъ крѣпости Замостье, что оттуда выступилъ москаль съ большою казною. Нашъ довудца сейчасъ занялъ этотъ лѣсокъ пѣшими стрѣлками, которые всѣ прилегли на землѣ за кустами и деревьями. Часть онъ послалъ впередъ по холмскому шоссе на встрѣчу другому отряду москалей, который шелъ для соединенія съ первымъ—замостьскимъ, и приказалъ во что бы то ни было задержать этотъ отрядъ. Остальная часть и конные заняли Гарволинъ. Наши лежали около самого шоссе по обѣ стороны. Поляки офицеры дали знать, что москали пойдутъ спустя рукава. Такъ и вышло: видимъ—проѣхало по шоссе впередъ нѣсколько козаковъ. Ѣдутъ безпечно, по сторонамъ не смотрятъ. Вотъ вытянулась за ними пѣшая колонна, въ серединѣ денежный ящикъ, за нимъ арестанты подъ конвоемъ, а тамъ дальше пушка. Солдаты идутъ не въ порядкѣ, растянулись. Какъ только казна и пушка поднялись на самую вершину холма на середину лѣса, мы вдругъ, хорошо прицѣлясь, выстрѣлили и бросились съ обѣихъ сторонъ на казну и пушку. Насъ было тысячи три, а москалей батальонъ. Ошеломленные москали одни бросились впередъ, а другіе по дорогѣ къ Замостью. Мы разорвали ихъ колонну на двое. Овладѣли казной и пушкой и стали ихъ бить почастямъ. Они крѣпко защищались, но насъ было много; мы ихъ стѣснили и почти всѣхъ перебили. Очень немногимъ удалось спа-

стись, и то уже раненымъ. Мы не преслѣдовали ихъ, а стали отступать къ большимъ лѣсамъ, разбили денежный ящикъ, вынули деньги и бумаги, а ящикъ и пушку затопили въ болотахъ. Боясь скораго преслѣдованія изъ крѣпости, довудца часть людей до времени распустилъ по домамъ. А другую часть разбилъ на мелкія банды и направилъ ихъ въ разныя части лѣса. А вотъ и московская могила". Тутъ онъ указалъ на огромную могилу съ деревяннымъ крестомъ, обнесенную плетнемъ. „Такъ ты тоже былъ въ битвѣ? И много убилъ москалей? Онъ оглянулся, подозрительно посмотрѣлъ на меня, и сказалъ, что самъ онъ не былъ, но былъ въ битвѣ одинъ его пріятель, который и пересказалъ ему все какъ было, со всею подробностью.

Въ Люблинѣ я сутки отдыхалъ у начальника дирекціи Теодоровича. Онъ нанималъ квартиру для себя въ епископскомъ дворцѣ. Епископъ былъ въ ссылкѣ. Епархіею управлялъ какой то прелатъ. Онъ былъ столь любезенъ, что показалъ намъ люблинскіе костелы. Въ великолѣпномъ большомъ кафедральномъ костелѣ много въ ризницѣ драгоцѣнной старинной утвари. На стѣнахъ историческія картины изъ разныхъ моментовъ городской жизни Люблина. Помню картину какого то большого пожара. Много портретовъ епископовъ и польскихъ вельможъ. Помню портретъ Фирлея. Тутъ-же ихъ гробницы. Люблинъ весь раскинутъ на вершинѣ высокаго холма и состоитъ изъ двухъ частей: стараго города и новой части. Въ старомъ высокіе дома старинной архитектуры. Улицы такъ узки, что стоящіе на балконахъ верхнихъ этажей могутъ черезъ улицу пожимать другъ другу руки. Помню какія-то каменныя ворота въ городѣ въ родѣ крѣпостныхъ. Новый городъ имѣетъ бульвары, сады, широкія улицы, хорошо мощеныя; дома въ немъ построены въ новомъ стилѣ. Въ Люблинѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Царства, юго-западнаго и сѣверозападнаго края, преобладающее населеніе—жидки. Они кишатъ, какъ муравьи, повсюду и окружаютъ себя присущей имъ грязью.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

34) Къ сыну Василію, безъ обозначенія мѣста и времени, но кажется, того же 1780 г.

Любезный мой сынъ Василій! Когда, дастъ Богъ, здоровы пріѣдете изъ Витепска, то отдохнувши послѣ дороги, пожалуй возми на себя. трудъ 1), чтобъ братья твои нетолько все выученное въ школахъ повторяли и твердили, но и далѣ бы поступали подъ твоимъ смотреніемъ и наставленіемъ, чтобъ было съ чемъ послѣ вакацій въ школы явиться. Сіе будетъ для тебя и для ихъ полезно: docendo enim bis docemur, а мнѣ очень пріятно, а я имъ приказываю тебя во всемъ слушатся. Время же для сего ученія противъ школьнаго хотя и сократи; довольно, кажется, будетъ взять 2 или $1^1/_2$ часа поутру, и столько же послѣ обѣда. 2) Пожалуй опредѣли сестрамъ твоимъ [2]) для ученія пофранцузски читать и грамматическимъ правиламъ хотя по одному часу въ день, а сверхъ того обучай ихъ и первымъ основаніямъ аріѳметики, распредѣливъ, чтобъ онѣ 4 дни въ недѣлѣ учились пофранцузски, а два аріѳметикѣ, а пишутъ пускай у себя и тебѣ показываютъ, а ты, пожалуй, указывай, естьли гдѣ онѣ въ почеркахъ ошибутся. 3) Мальчика Гаврилу Богатыря возми въ единственное твое смотреніе и услуженіе, вели ему быть всегда при васъ и продолжать свое писаніе, а сверхъ того въ свободное время показывай, пожалуй, ему хотя понемногу аріѳметику, въ чемъ можетъ тебѣ, когда будетъ время, помогать и Ситниковъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г. № 5.

[2]) Дочерей у Гр. А. П—ки было двѣ: Анна, р. 1770 и Настасья, р. 1771.

35) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Юдинова, 1781 г., 30 іюня.

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Для свозу васъ сюда посылаю къ вамъ съ Савкою лошадей и три кибитки, которые когда приѣдутъ въ Витепскъ, то, давши день или два отдохнуть лошадямъ, заразъ убирайтесь и отъѣзжайте, взявши съ собою, по вашему усмотренію, нужныя вещи, а прочія, которыхъ возить ненужно и неможно, тамъ оставивши. Прилагаю при семъ сто рублей денегъ въ ассигнаціяхъ на слѣдующіе расходы: 1) на заплату за лѣченіе Ванюши лѣкарю, которому, посовѣтовавшись съ отцомъ префектомъ Ленкевичемъ, заплатите за труды 25 или 30 рублей, да сверхъ того, что доведется за лѣкарства, которыхъ вы, если онъ за нужно признаетъ, можете взять и въ запасъ на все то время, которое вы здѣсь пробудете и ему за оныя заплатить, только между тѣмъ выспросите его какъ оныя употреблять, естьли облегченіе будетъ. Сказать же ему, что я и впредь одолженія его незабуду. 2) Изъ сихъ же денегъ подарите отца префекта Ленкевича 10 рублями, а прочимъ вашимъ учителямъ, какъ то риторическому и прочимъ, дайте по 5 рублей или риторическому 6, а прочимъ по 4 рубли, какъ за лучше сами усмотрите, а хотя и посовѣтуйся, Васенька, съ отцемъ префектомъ. Наградите такожде и людей піарскихъ, служившихъ вамъ неизлишно, но такъ чтобъ они довольны были. 3) Изъ остальныхъ денегъ, естьли что для васъ необходимо будетъ, то купите, а ненужнаго не покупайте, а особливо мать ваша приказала къ вамъ отписать, чтобъ вы запасны были обувью, ибо здѣсь оной нетакъ легко достать или сшить, какъ тамъ. 4) Сверхъ посылаемыхъ ста рублей, далъ Савкѣ мѣлкихъ 5 рублей, изъ которыхъ, сколько онъ въ дорогѣ издержитъ, долженъ тебѣ, Васенька, сказать, а ты, записавъ оныя въ расходъ, достальныя у него отбери и всѣмъ, какъ въ Витепскѣ на вышеписанные расходы, такъ и въ дорогѣ употребленнымъ, веди записку. Въ дорогѣ что надобно для себя для людей и лошадей покупайте, только все чтобъ было безъ излишества, ибо мы не для того посылаемъ

сіи денги, чтобъ вы всѣ ихъ издержали, но чтобъ ни въ чемъ не имѣли нужды, а остальныя годятъся для васъ же впередъ. Отца Ленкевича проси, Васенька, всеприлѣжно моимъ и своимъ именемъ, чтобъ онъ еще хотя на два года, а по крайнѣй мѣрѣ на годъ, осталъся въ Витепскѣ. Симъ онъ сдѣлаетъ или лучше сказать удержитъ честь своего училища, привлечетъ другихъ нашихъ земляковъ къ оному, а сверхъ того заставивъ меня больше стараться, чтобъ училище ихъ, для лучшаго впредь своего благосостоянія и содержанія, награждено было деревнями и денгами. Емужъ, естьли недостаетъ на его содержаніе, то чтобъ сказалъ тебѣ съ приличною честному человѣку откровенностію, чемъ я ему служить могу, то я, чемъ онъ скажетъ, снабдѣвать его не откажусь, хотя бы сіе его содержаніе простиралось отъ 50 и до 100 рублей. Естьлижъ онъ вовсе на сіе не преклоненъ будетъ, то по крайнѣй мѣрѣ, пускай бы меня увѣрилъ чрезъ писмо, кто на его мѣсто будетъ присланъ и какого ученія и достоинствъ человѣкъ, особливо будетъ ли тотъ знать, какъ онъ, математику и по-французски, и то писмо, адресуя въ Стародубъ на имя Гаевскаго, переслалъ бы въ будущемъ мѣсяцѣ или въ августѣ, ибо сіе нужно мнѣ знать до окончанія ваканцій, чтобъ я зналъ, что съ вами впредь дѣлать. Я тебѣ, Васенька, скажу, а ты ему хотя скажи сіе, а хотя и не сказуй, что я просилъ преосвященнаго могилевскаго и вицегубернатора Енгелгарта, чтобъ они просили католицкаго архіерея, чтобъ онъ его всѣми образами удержалъ еще на два года или на годъ при школахъ. Посылаемую присемъ записку о должности управителя, просите вицеректора чтобъ переслалъ къ отцу ректору и къ Соллогубовому секретарю Штейну, съ прошеніемъ отъ меня, чтобъ они дали мнѣ знать, естьли сыщется въ сію должность добрый человѣкъ. Впрочемъ, препосылая вамъ мое и матери вашей благословеніе, желаю васъ здоровыхъ видѣть и есмь вашъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

36) Къ сыну Василію, изъ Николаевки, 1781 г., 4 сентября.

Любезный мой сынъ Василій! Мнѣ нужны здѣсь межевыя инструкціи, изъ которыхъ первая напечатана въ листъ и пе-

реплетена въ сѣрую бумагу, а другая въ 8 долю листа, церковною печатью, и переплетена въ золотую бумагу, а на корешкѣ красная кожа. Отищи пожалуй оныя книжки въ библіотекѣ и, завернувъ въ бумагу, пришли съ сими подводами. Впрочемъ съ матерью вашею благословляя тебя и прочихъ твоихъ братьей и сестеръ, есмь тебѣ вседоброжелателный отецъ Г. Полетика.

P. S. Хотя написано выше сего, что мнѣ надобны одни только инструкціи, но не менше того нужда требуетъ имѣть мнѣ здѣсь и указныя книги, и для того пожалуй, Васенька, пришли мнѣ и указныя книги 1714, 1725, да и привезенныя мною вновь двѣ жъ указныя 1762, 1763 и прочихъ годовъ книги, уклавъ ихъ порядочно, приказавъ бережно везть, чтобъ не потерлись.

37) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Николаевки, 1781 г., 16 сентября.

Любезные мои дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Къ немалому моему прискорбію, я, можетъ быть, васъ предъ отъѣздомъ не увижу, и немогу дать на словахъ наставленія, какъ вамъ поступать, пріѣхавши въ Витепскъ, и для того, сколько мнѣ на память пришло, пишу чрезъ сіе. 1) Пріѣхавши туда, начинайте свои ученія по классамъ, въ которыя каждому изъ васъ поступить слѣдуетъ. Особливо тебѣ, Васенька, кажется еще годъ риторики послушать надобно и въ сочиненіи рѣчей и писемъ поупражнятся. Естьли жъ бы можно время твое раздѣлить такъ, чтобъ половину онаго употребить на упражненіе въ риторикѣ, а другую въ философіи, то сіе, можетъ быть, послужило бы къ лучшей твоей пользѣ; однако то остается въ твоей волѣ. Математику-жъ пожалуй продолжай попорядку, то есть отъ геометріи поступай въ тригонометрію, тамъ въ механику и прочія оныя части, а отцу Ленкевичу, когда онъ есть въ Витепскѣ, моимъ именемъ скажи, что онъ за обученіе тебя довольно награжденъ будетъ. Естьли жъ отецъ Ленкевичъ уѣхалъ, а на его мѣсто пріѣдетъ другій ему подобный, знающій человѣкъ, то ты проси его, чтобъ продолжалъ съ тобою начатое

ученіе, и сдѣлай ему такое-жъ обнадеживаніе. 2) Ванюшѣ, кажется, слѣдуетъ поступить въ синтаксиму, а Павлушѣ въ грамматику. Естьли можно, чтобъ Ванюша послѣ новаго года вошелъ въ піитику, а Павлуша въ синтаксиму, то весма бы хорошо, естьли жъ нѣтъ, то не можно ли, чтобъ хотя одинъ Павлуша поступилъ въ синтаксиму. Да приказываю имъ, сверхъ упражненія ва латинскомъ языкѣ, чтобъ были прилѣжны въ тѣхъ наукахъ, которыя въ ихъ классахъ преподаватся будутъ, то есть въ ариѳметикѣ, въ исторіи и географіи, а ты, Васенька, пожалуй имъ помагай, чтобъ во всемъ успѣвали, чемъ ты меня и ихъ много одолжишь, а имъ подтверждаю во всемъ тебя слушатся, и времени своего напрасно не терять. 3) Просите г. штабъ лекаря Миндерера, чтобъ врачеваніе свое надъ Ванюшею до тѣхъ поръ продолжалъ, пока совершенно его вылѣчитъ, обнадеживъ его моимъ за труда благодареніемъ. 4) Мать ваша дастъ вамъ, кромѣ дорожнаго содержанія, 200 рублей денегъ, изъ которыхъ скоро по пріѣздѣ, дайте 120 рублей отцамъ піарамъ за ваше содержаніе, а изъ остальныхъ 80 рублей сдѣлайте себѣ новыя недорогія сертучки, а прочія употребляйте на другія необходимыя ваши расходы, такимъ-же какъ прошлаго года образомъ, то есть чрезъ руки и съ вѣдома префекта. Изъ сихъ-же денегъ назначается вамъ на карманныя расходы по мѣсячно, Васенкѣ по 1 рублю, Ванюшѣ и Павлушѣ по 75 коп. Но какъ сихъ денегъ уповательно не надолго станетъ, то зимою въ прибавокъ сколько потребно пришлется. 5) Обо всемъ, что съ вами какъ въ дорогѣ, такъ и въ Витепскѣ происходить будетъ, напишите ко мнѣ обстоятельно, да и впредь почаще чрезъ почту пишите о своемъ здоровьѣ и о успѣхахъ въ ученіи, адресуя писма ваши въ Стародубъ на имя г. Гаевскаго. Вамъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

38) Къ женѣ, изъ Юдинова [1]), 1782 г., 18 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Вчерашняго дня пріѣхалъ я сюда на ночь изъ Ромна, а сего дня получилъ ваше

[1]) Кажется, письмо подписано Юдиновымъ—ошибочно, повидимому, писано изъ Коровинецъ или изъ Николаевки.

писмо, на которое симъ отвѣтствую. Бытность моя здѣсь не долго продолжиться; но какъ скоро отъ васъ получу бланкеты и распоряжу какъ здѣсь поступать съ межевщиками, когда наѣдутъ, исправлю всѣхъ нашихъ селеній ревизію, и прикажу, что дѣлать Степану каретнику и Ивану маляру въ домѣ, такъ и убираться стану въ Юдиновъ, гдѣ желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, здоровыхъ видѣть, пребываю вамъ вѣрный другъ и мужъ Григорій Полетика.

P. S. Естьли писмо мое прикащика не застанетъ въ домѣ, то распечатайте оное и велите по тому исполнять. Велите пожалуйте оттуду отправить сюда пудовъ съ пять сала для косовицы и прочаго расходу. Сейчасъ пріѣхалъ отъ васъ и Стефанъ каретникъ, который съ собою не привезъ отъ васъ никакихъ писемъ, потому что его, скоро по выѣздѣ его изъ Глухова, на пескахъ, напали разбойники, били и ограбили. Въ томъ числѣ пропали и писма, почему я и не знаю, что къ вамъ отписывать.

39) Къ сыновьямъ Василію, Ивану и Павлу, изъ Юдинова, 1783 г., 1 мая.

Любезные наши дѣти Василій, Иванъ и Павелъ! Писма ваши отъ 8 апрѣля получилъ я, и радуюсь, что вы находитесь въ добромъ здоровьѣ. На оныя ваши писма, что потребно каждому изъ васъ, и всѣмъ вамъ обще, отвѣтствую. И въ первыхъ, къ тебѣ, Василій, обращаю мое слово. О квартирѣ нѣмцовой хотя мнѣ говорилъ Федоръ Максимовичъ, что она худа и невыгодна для васъ, но говорилъ и то, что онъ хотѣлъ ее перемѣнить на лучшую, а того еще неможно тебѣ знать, какъ бы онъ васъ кормилъ, худо ли или хорошо. Я же писалъ къ вамъ, что лучше бы было у него нанять, считая великую вашу пользу въ изученіи нѣмецкаго языка, въ разсужденіи нѣмецкой земли, куда вы должны будете ѣхать, и той службы, въ которую вы приняты быть имѣете, а безъ сего языка вы тамъ претерпите великія невыгоды. И такъ у нѣмца ли квартировать или у поляка, то остается на вашей волѣ, а за нѣмецкій языкъ приниматься надлежитъ, осмотрѣвшись съ другими науками и по

крайнѣй мѣрѣ спустя годъ послѣ вашего въ Вильно пріѣзда. За учителя базиліанина, я тебя непенялъ, что ты его сыскалъ, но что сыскалъ небывши у университетскихъ членовъ, и непоговоря напередъ съ ними; когда жъ по твоему увѣренію, и они сей твой выборъ аппробуютъ, то и я тѣмъ доволенъ; только при томъ совѣтую тебѣ, чтобъ ты и академическихъ лекцій непрезиралъ, тако жъ диспутовъ и другихъ публичныхъ ексерцицій въ риторикѣ и философіи, что, повѣрь мнѣ, ко многимъ дѣламъ, тебя способнымъ сдѣлаетъ, а особливо естьли ты сочтешь невыгодною для себя воинскую службу. По окончаніи курса математики или какъ способнѣе тебѣ будетъ, я бы совѣтовалъ тебѣ приняться за курсъ философіи, а особливо естьли бы кто сыскался прочитать тебѣ оный по Ернесту или Баумейстеру; когда же несыщется, то я уповаю, что и публично читаютъ философію по хорошимъ авторамъ. Со всѣмъ тѣмъ ненадобно бросать и математики, но упражняться въ нужнѣйшихъ оныя частяхъ по пространнѣйшимъ курсамъ, а особливо въ алгебрѣ, механикѣ, артиллеріи и фортификаціи. Непишешь ты, Васенька, по договору ли или безъ договору, учитъ тебя базиліанинъ, но сякъ ли или такъ, однако стыдно будетъ и грѣшно оставить его безъ хорошаго награжденія, естьли онъ съ тобою пройдетъ курсъ математики, а еще и большаго благодаренія стоять онъ будетъ, естьли по пространнѣйшему курсу туже математику читать тебѣ захочетъ. Твоими, Ванюша, упражненіями, въ писмѣ изображенными, я также доволенъ, только кажется мнѣ геометріи должно тебѣ выучиться приватно у инспектора и у брата, чтобъ на будущій годъ вновь тебѣ ее неначинать. Чтожъ ты пишешь, что инспекторъ у васъ дорогъ, и что вы другаго просите, то я удивляюсь, что старшій твой братъ о семъ ко мнѣ не пишетъ. Мнѣ кажется, что онъ еще не очень дорогъ, когда, кромѣ латинскаго языка, учитъ тебя и Павлушу ариѳметикѣ и географіи, а естьли бъ онъ или другій, котораго вы выпрашиваете, могъ васъ наставлять а по крайнѣй мѣрѣ повторять геометрію, гисторію и, сверхъ латинскаго, французкій языкъ, то по моему мнѣнію и гораздо бы недорогъ былъ, однако о семъ какого бъ лучшаго и исправнѣйшаго учителя для братьевъ

твоихъ имѣть старайся и промышляй ты, Васенька, а за денги я нестою. Тебя, бѣдный Павелъ, отчасти сожалѣю, а отчасти хвалю; сожалѣю о томъ, что тебя бѣдняка заставили учиться по алварю [1]), и скажи мнѣ, пожалуй, Васенька, почему сіе дѣлается, развѣ такъ положено въ учрежденіяхъ ихъ о народномъ воспитаніи, и естьли положено, то пускай скажутъ, почему отставили они піарскую грамматику, развѣ для того, чтобъ лучше затмѣвалъся отъ алваря, а особливо отъ такого, по которому я училъся, молодыхъ дѣтей разумъ; хвалю за то, что ты неначиналъ учится фехтовать, ибо еще тебѣ и не пора, а пора хорошенко толмачить грамматику латинскую и французкую, ариѳметику, послѣ ея геометрію, гисторію, географію, и танцуй себѣ также на здоровье. Теперь хочу съ вами говорить о денгахъ на ваше содержаніе. По писму твоему, Васенька, выходитъ ихъ 234 червонныхъ, кромѣ вашихъ мѣлкихъ расходовъ, сіи червонцы составляютъ на рубли, считая каждый червонецъ по 2 рубли 82½ копѣекъ, 661 рубль 5½ копѣекъ; но какъ вы уже отъ меня и отъ Федора Максимовича получили 642 рубли 37½ копѣекъ, то немного мнѣ и добавлять вамъ слѣдовало бы. Но не можно знать, сколько составятъ мѣлкія ваши расходы, и для того, не можете ли вы по своимъ расходамъ сдѣлать такой економіи, чтобъ стало данныхъ вамъ денегъ на годъ, а особливо, убавивъ слугамъ вашимъ харчевой расходъ и другія по вашему усмотренію. Не съ тѣмъ же я, дѣти мои, пишу къ вамъ, чтобъ я вамъ нехотѣлъ прибавить денегъ, напротивъ того— по необходимымъ надобностямъ прибавлять вамъ всегда неоткажусь; но вы должны разсуждать то, что у васъ еще есть двѣ сестры и два брата, которыхъ также воспитать и выучить должно. Сестры ваши немало намъ стоятъ, а и меншихъ вашихъ братьевъ, по совѣту съ матерью вашею, хочу везть съ собою въ С.-Петербургъ и отдать въ пенсіонъ. Еще жъ, можетъ быть, вамъ небезъизвѣстно, что нѣсколько тысячей и долгу на насъ есть. Со всѣмъ тѣмъ, повторяю вамъ, неоткажусь платить за ваши необходимости. Вы только старайтесь, чтобъ расколь-

[1]) *Альваромъ* сокращенно называлась латинская грамматика іезуита Альвара.

ники Аксоновъ и Губаревъ, или повѣренные ихъ, согласились давать вамъ денги тамъ, а здѣсь отъ меня получать, о чемъ и я здѣсь стараться буду. Будьте надежны въ моей помощи, пока я живъ; вы только учитесь прилѣжно, ведите себя честно и заслуживайте доброе имя. Непишете вы ко мнѣ, были ли вы у князя Моссальскаго, и какъ онъ васъ принялъ, тако жъ познакомились ли вы съ кѣмъ нибудь изъ тамошнихъ знатныхъ людей. Тебѣ, наконецъ, Васенька, особливо приказываю, справляйся пожалуй у всѣхъ у кого можешь, нѣтъ ли гдѣ въ Литвѣ нашей фамиліи или въ гербовникахъ, естьли есть какія особливыя на Литву, только справляйся твердо и достовѣрно. Сіе мнѣ нужно для важныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для будущей вашей пользы. Такожъ неможете ли вы тамъ для дому нашего сыскать, хорошихъ и недорогихъ, кучера и садовника, тоесть цѣною отъ 20 до 30 рублей въ годъ, и естьли сыщите, то напишите ко мнѣ и какъ бы ихъ оттуду сюда доставить. Впрочемъ вмѣстѣ съ матерью вашею, благословляя и цѣлуя духомъ всѣхъ васъ, есмь вашъ вседоброжелательный отецъ Г. Полетика.

P. S. Что невмѣстилось въ писмѣ, то здѣсь прибавляю. 1) Въ контрактѣ вашемъ, заключенномъ о квартерѣ, увидѣлъ я, что вы оный заключили на годъ, и для того я незнаю, можете ли вы ту квартиру до году оставить, развѣ о томъ постараютъся благодѣтели ваши. Не лучше ли было и сію нанимать помѣсячно или потретно, пока сыщется лучшая и выгоднѣйшая. Я-жъ слышу, что она и далеко отъ школъ; естьлижъ ее нельзя перемѣнить будетъ противъ того, какъ я писалъ въ писмѣ, то по прошествіи 16 недѣль, по крайнѣй мѣрѣ, перемѣните хотя одно о людяхъ съ трактирщикомъ положеніе. 2) Отъ Федора Максимовича услышалъ я, что Богатыренокъ вашъ имѣетъ худую болѣзнь, отъ которой и вы заразится можете, и для того повелѣваю вамъ отдать его непремѣнно въ тотъ домъ, гдѣ отъ оной, какъ мнѣ управитель сказывалъ, лѣчатъ. Пускай вылѣчатъ тамъ его и тѣло и душу, а впрочемъ вы сами причиною быть можете своей пагубѣ. 3) Хотя я въ данномъ тебѣ, Василій, реестрѣ и записалъ Твардовскаго войну домовую, но я уже

оную получилъ отъ преосвященнаго могилевскаго [1]), и для того ты ее не покупай, а вмѣсто того не сыщется ли Vespas Kochovii, Annales Poloniae Climacteres Tom. III. Cracoviae 1683 и другія какія попадутъся служащія къ россійской, а особливо къ малороссійской исторіи, о которыхъ ты знаешь, что у меня ихъ нѣтъ; а все что на покупку книгъ для меня издержишь, пиши ко мнѣ, чтобъ я тѣ денги, по прошествіи года, могъ вамъ возвращать. 4) Въ какихъ благородныхъ екзерциціяхъ вы упражняетесь ко мнѣ пишите, и что за которую платите. 5) Писма мои, чтобъ вы или всѣ вмѣстѣ или еще лучше каждый порознь, читали, и что который противъ онаго каждый для себя нужнымъ быть усмотритъ, ко мнѣ пускай самъ отъ себя пишетъ, ибо я слышу, что Иванъ и Павелъ и въ Витебскѣ почти не читали моихъ писемъ и твоихъ, Василій, отвѣтныхъ, а только на готовыхъ подписывались, и сіе, какъ я понимаю, происходило или отъ ихъ лѣности, что нехотѣли читать моихъ писемъ, или ты имъ читать ихъ недавалъ, а для чего причины тому незнаю; а я напротивъ того хочу и требую отъ васъ того, чтобъ вы всѣ обще и каждый порознь знали мои всѣ мысли и намѣренія, и естьли я что не такъ думаю или чего вамъ недостаетъ, ко мнѣ писали и представляли согласно. 6) Напишите ко мнѣ, небудетъ ли посредствомъ Григорія Ивановича какихъ объ васъ рекомендацій отъ князя Чарторыжскаго, такожъ видѣлись ли вы съ Ленкевичемъ или нѣтъ, у котораго вы также можете спрашивать и совѣтоваться о лучшихъ способахъ вашего тамошняго прожитія и ученія, а между тѣмъ, можетъ быть, онъ васъ познакомитъ и съ своимъ паномъ. 7) Еще жъ не попадется ли вамъ—Alb. W. Koiałowicz, Historiae Lituanae, pars prior, Dantisci 1650. Posterior. Antverpinae, 1669, то купите.

40) Къ Якову Александровичу Гамалѣи [2]), изъ Юдинова, 1783 г., 14 іюля.

Милостивый государь мой Яковъ Александровичъ. Благопріятнѣйшее письмо ваше отъ 5 мая ко мнѣ писанное, полу-

[1]) Георгія Конисскаго.

[2]) Як. Ал. Гамалѣя, (.) Мих. Гамалѣя—былъ внукъ генер. есаула 1708 г. бывшаго въ свою очередь роднымъ дядею Ивану Андреевичу Г—лѣи,—отцу жены Полетики. Въ 1783 г. Як. Ал. Г—лѣя служилъ пирятинскимъ городничимъ.

чилъ я съ чувствительнѣйшимъ удовольствіемъ, какъ потому, что въ ономъ изволите изъявлять свою признательность къ труду моему въ сочиненіи происхожденія рода вашего, которымъ я долженствовалъ исполнить долгъ моего къ свойству усердія и привязанности, такъ и потому, что въ ономъ нахожу чѣмъ поправить недостатки моего сочиненія. Но скажу вамъ, м. г. мой, то что я въ ономъ прибавить намѣренъ, чтобъ и вы, если вамъ угодно будетъ, согласно свое родословіе расположили. Якова Высоцкаго, брата прапрадѣда вашего, въ родословіи вмѣстѣ съ Михайломъ упомянуть должно; напротивъ того, разсуждаю я, что происшествія и разговоровъ, случившихся при царскомъ дворѣ съ Григоріемъ Гамалѣею, упоминать не для чего; намъ только нужно доказать, почему Высоцкіе Гамалѣями наименовались, что мы и доказали, а постороннихъ прибаутокъ, кажется мнѣ, въ родословіе вмѣщать не нужно, первое, потому, чтобъ не подумалъ кто—что Гамалѣи свою фамилію отъ гамана производятъ, второе, чтобъ не сказалъ кто, что они уже стали называться Гамалѣями тогда, когда Малая Россія подъ Россійскою державою стала, а они уже, какъ въ родословіи нашемъ доказывается, были и до того Гамалѣи; третее, что, какъ по малороссійской исторіи мнѣ извѣстно, Григорій Гамалѣя отъ Хмельницкаго и другихъ гетмановъ къ царямъ никогда посыльникомъ не былъ, а бывшіе всѣ въ посланничествѣ мнѣ также извѣстны; а былъ только онъ въ Москвѣ съ гетьманомъ Брюховецкимъ, для подписанія договорныхъ пунктовъ; тогда онъ и дворяниномъ пожалованъ, и тогда то, можетъ быть, и случился царскій съ нимъ о гаманѣ разговоръ. Я также прибаутку сію слышалъ прежде сего, но не нужною почиталъ и почитаю ее для родословія [1]). Что касается до вмѣщенія васъ, милостиваго государя, братьевъ и другихъ родственниковъ въ родословную холопецкихъ Гамалѣй [2]), то они всѣ охотно на то соглашаются; только мнѣ кажется, если писать живыхъ, то должно писать и мертвыхъ, а особливо у которыхъ дѣти остались, напр. роднаго

[1]) Въ „родословіе“ Гамалѣевъ однакожъ было внесено семейное преданіе о происхожденіи слова *Гамалѣя*. См. Русск. арх. 1875 г., I, 440.

[2]) См. выше, письмо № 14.

вашего брата, а моего друга Семена Александровича, умершаго въ С.-Петербургѣ, Ивана Ивановича и брата его, котораго имени не знаю. Можетъ же быть еще и другіе таковые есть, о которыхъ весьма бъ не худо, естьли-бъ вы пожаловали сообщить мнѣ описаніе. Касательно грамотъ служащихъ фамиліи вашей для доказательства, что я подлинныхъ у себя кромѣ на одинъ Юдиновъ, никакихъ не имѣю, съ которой вамъ и посылаю копію не справочную для того что она не всему вашему роду служитъ, но одному изъ побочныхъ вашихъ родственниковъ; прямо же служащая всѣмъ вамъ грамота есть та, которая дана прадѣду вашему Андрею Михайловичу на Середину Буду и прочія имѣнія; я копію оной также къ вамъ посылаю, а справочную съ подлинной изволите доставать отъ Михайла Гамалѣи, моего шурина, которой, по своему благоразумію, насилу далъ Холопецкимъ Гамалѣямъ списать оную и то безъ справки. Онъ, я слышу, хочетъ родъ свой выводить отъ Григорія, а не отъ Андрея Гамалѣи, для того чтобъ вывесть себя русскимъ дворяниномъ, а не польскимъ шляхтичемъ. Если такъ сдѣлаетъ, то осрамитъ онъ весь родъ вашъ, ибо геральдія, примѣтивъ таковую въ родословныхъ разницу, не пропуститъ безъ изслѣдованія и всѣ ваши сказки почтетъ неосновательными и вѣроятія не достойными. Сколько его одинъ изъ холопецкихъ Гамалѣй не уговоривалъ, чтобъ онъ отъ сихъ нелѣпыхъ мнѣній отсталъ и родословную бы свою подалъ согласно съ ними и въ малороссійскомъ, тоесть новгородскомъ, намѣстничествѣ, однако онъ свою чуху поретъ и хочетъ де записываться въ курскомъ намѣстничествѣ, думая, какъ мнѣ кажется, закрыть свои ложныя повѣсти симъ способомъ, а того не знаетъ, что все напослѣдокъ придетъ въ свое мѣсто, тоесть въ герольдію, и тамъ разберутъ всю правду и ложь. Правда, что поношеніе послѣ открыется неправды, останется на немъ одномъ [1]); однако я и сего бы не желалъ не для его, но для всѣхъ васъ и вашего рода, изъ

---

[1]) Здѣсь мы видимъ несомнѣнное доказательство того, что „родословія“ нерѣдко *сочинялись*, безъ всякой помощи документовъ, при чемъ хотя геральдія и „разбирала“ эти *сочиненія*, но во многихъ случаяхъ,—очень снисходительно...

усердія моего къ которому совѣтовалъ бы я вамъ, мил—у государю моему, когда будете писать къ нему, прося съ грамоты справочной копіи, хотя постороннимъ образомъ написать къ нему, что вы освѣдомились, что нѣкоторые ваши однофамильцы вздумали было выводить свой родъ не такъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть, тоесть отъ бездѣтнаго Григорія, а не отъ Андрея, почему вы за долгъ почли остеречь ихъ и вывесть изъ невѣжества, чтобъ они всему роду нашему не нанесли посрамленія, когда въ герольдіи изслѣдованы будутъ сказки и явятся несходны у однихъ съ другими Гамалѣй; если жъ и сего вашего внушенія не послушаетъ, то да будетъ при немъ слово: неразумѣвой да не разумѣетъ. Еще съ грамоты жъ, если вы отъ него не получите справочной копіи, то смѣло адрессуйтесь въ малороссійскую коллегію: она вамъ прикажетъ дать оную изъ книгъ генеральнаго слѣдствія нѣжинскаго или стародубскаго полковъ, имѣющихся въ архивѣ. Я тоже совѣтовалъ учинить и братьямъ Холопецкимъ, но о семъ всемъ могли бы, м. г. мой, лучше и обстоятельнѣе поговорить и согласиться, если бы могли вы побывать въ Ромнѣ, въ Ильинскую ярмарку, гдѣ и я буду, хотя не на долгое время, тоесть считая отъ 20 іюля, дня три или четыре, и если будете, то пожалуйте меня черезъ сего жъ увѣдомьте. Къ дѣтямъ вашимъ, если вы намѣренны переводить деньги, то извольте ихъ ко мнѣ прислать, я ихъ могу вѣрно имъ доставить.

Препоручая впрочемъ себя непремѣнной вашей любви и благосклонности, есмь съ нелицемѣрнимъ усердіемъ и почтеніемъ вашъ, мил. государя моего, покорнѣйшій слуга Григорій Полетика [1]). (*Съ копіи, полученной отъ Н. Н. Гамалѣи, изъ Лисогора*).

41) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1784 г., 2 мая.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Три писма я уже къ вамъ отпустилъ: одно изъ Москвы чрезъ почту, а два отсюду,

---

[1]) См. ниже отвѣтъ Я. А. Гамалѣи,—въ письмахъ, писанныхъ къ Гр. А. Полетикѣ, 24 іюля 1783 г.

чрезъ своихъ и Афанасія Кириловича [1]) людей; однако отъ васъ до сихъ поръ никакого отвѣта на оныя не имѣю, что мнѣ весьма жалко, скучно и досадно, ибо естьли такъ мы съ собою переписыватся будемъ, то мнѣ здѣсь, при моихъ болѣзняхъ и печаляхъ, рѣдко когда или и никогда не доведется знать въ какомъ состояніи вы, дѣти и домъ нашъ. Я однако, хотя и не имѣю отъ васъ никакихъ увѣдомленій, не пропущаю увѣдомить васъ, что я, по пріѣздѣ моемъ сюда, употребляя по совѣту нѣкоторыхъ здѣшнихъ врачей легкія лекарства, довелъ простуженную мою щеку до того, что на оной на вербной недѣлѣ началъ проявляться вередъ, который гораздо великъ выросъ, и они, опасаясь, чтобъ собравшаяся во ономъ матерія не пошла въ тайныя проходы, по за щекою, и не сдѣлала костоѣдицы, тотъ вередъ мнѣ на страстной недѣли, въ четвертокъ, прорѣзали, и съ того времени не перестаетъ по сей день ити кровь и гной, хотя то уже теперь гораздо чище нежели прежде матерія идетъ. По сей причинѣ я еще нигдѣ ни былъ, ни вонъ ногою изъ квартиры не бывалъ. Между тѣмъ приуготовляютъ меня разными лекарствами ко истребленію полипуса, приписуя ему, причину всѣхъ моихъ болѣзней, и говоря, что и щека моя не зажнветъ, пока онъ вытянутъ не будетъ. Какъ скоро сіе будетъ-не знаю, да и сами они не назначаютъ мнѣ точнаго времени. Вотъ я къ вамъ хотя больной да пишу, а о васъ не знаю, что и думать. Есть-ли бы вы были больны, то велѣли-бы хотя другому кому вашимъ именемъ написать, естьлижъ вы не пишете для того, что Мишка, можетъ быть, гдѣ нибудь въ посылкѣ, то развѣ безъ его не могъ бы, какъ бы то ни было, отецъ Алексѣй написать [2]), естьли вы и писали да письма ваши послали не тою дорогою, то есть можетъ быть чрезъ Аѳанасія Кириловича, а онъ чрезъ графскій домъ [3]), что и долго продолжится, когда не случится ѣздокъ, то и тутъ вы ошиблись, ибо я васъ просилъ, чтобъ вы чрезъ Афанасія Кириловича прислали ко мнѣ статутъ,

---

[1]) Лобысевича.

[2]) Отсюда видно, что жена Гр. А. G—ки была неграмотна или по крайней мѣрѣ писать не умѣла.

[3]) Разумовскихъ.

а писма вамъ всегда лучше отправлять чрезъ почту, подписывая на имя Николая Павловича Кондоиди. Но какъ бы то ни было, впередъ прошу и ожидаю отъ васъ частѣйшихъ писемъ и увѣдомленій, а теперь прошу васъ учинить слѣдующее. Перво, къ Андрею Степановичу Милорадовичу, естьли есть у васъ въ готовности деньги, то заразъ по полученіи сего писма, естьли жъ нѣтъ, то постарается въ скорости собравъ, отослать двѣсти семьдесетъ два рубли одну копѣйку; ибо толикое число денегъ его осталось у меня отъ его покупокъ, а я отправивши слишкомъ на семьсотъ рублей покупокъ домой и переведши 1200 руб. къ брату Григорію Ивановичу [1]), самъ съ небольшими отъ дорожнихъ расходовъ оставшимися деньгами, остался, почему и принужденъ былъ сіи его денги оставить у себя а къ нему отписалъ, что вы ему пришлете, что вы пожалуйте и сдѣлайте, написавъ отъ себя къ нему писмо и приказавъ посланному взять въ полученіи росписку. У брата Григорія Ивановича будетъ, уповаю, отъ извѣстнаго вамъ дѣла хорошій остатокъ денегъ, и для того заразъ для Аннушки закажу сребро дѣлать. Второе, посовѣтуйтесь, пожалуйте, съ управителемъ, какъ бы лучше нашу горѣлку съ рукъ сбыть, и естли никто ее у васъ обтомъ не купилъ и не покупаетъ, то не лучше ли опять отправить въ Городище на байдакѣ, хотя къ ярмонкѣ Успенской, а для сего бы надобно завременно въ Брянскѣ или въ Камскѣ купить байдакъ, а потомъ изладивши его, заразъ послѣ Петрова дни отпустить, чтобъ къ Успенію поспѣлъ. На ономъ-же байдакѣ отправьте изъ Юдиновскихъ мужиковъ того-жъ Сверыденка или Полтарацкаго, а изъ Коровинецъ Лазаренка, съ хорошимъ наставленіемъ отъ управителя, ибо Левицкаго уже теперь посылать нельзя потому, что онъ долженъ перемѣнить Подъельскаго. Естьли-жъ есть надежда дома горѣлку продать или уже и продана, то лучше въ сіи хлопоты и не заходить. Третіе, винокуренную посуду, а особливо чопы велите, матушка, завременно перечинить, чтобъ иногда за ними не сдѣлалась остановка въ будущемъ винокуреніи. Четвертое, еще жъ прошу васъ, также

[1]) Повидимому, для покупки дворянства. См. ниже письма Гр. Ив. О—ки.

по совѣту съ управителемъ, приказать изъ Николаевскихъ и изъ Коровинскихъ мужичьихъ дѣтей, сиротъ и великосемейныхъ, набрать и отдать въ ученіе нашимъ мастеровымъ, ибо мнѣ хочется, чтобъ въ каждомъ селѣ были тѣже мастеровые, что и въ Юдиновѣ, почему и слѣдуетъ изъ каждаго села взять столько хлопцевъ, сколько мастеровъ. О мѣдникѣ пожалуйте увѣдомьте меня, гдѣ онъ. Виленскіе наши дѣти два раза уже ко мнѣ сюда писали, и въ послѣднемъ писмѣ объявляютъ, что Васенка злою горячкою былъ боленъ. Впрочемъ, желая вамъ и дѣтямъ добраго здоровья, и чаще о семъ получать писма, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Григорій Полетика.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

25 апрѣля текущаго года скончался въ Веве, въ Швейцаріи, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати тайн. сов. Владиміръ Михайловичъ Юзефовичъ. Сынъ бывшаго помощника попечителя Кіев. учеб. округа и предсѣдателя Кіев. Археогр. Коммиссіи, В. М. родился 2 апрѣля 1841 г. Высшее образованіе покойный получилъ на историко-филологическомъ фокультетѣ университета Св. Владиміра, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1861 г. Служебную дѣятельность В. М. началъ въ должности чиновника при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ ту пору въ Юго-Западномъ Краѣ шла оживленная работа по введенію положенія о крестьянахъ, и служба по крестьянскимъ учрежденіямъ привлекала лучшія молодыя силы. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1864—68) В. М. занималъ должность мироваго посредника въ Волынской губ. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ были проведены имъ на службѣ по Министерству Государственныхъ имуществъ. Война 1877—78 г.г. дала дѣятельности Вл. М—ча новое направленіе: въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста, онъ не мало потрудился надъ облегченіемъ участи больныхъ и раненыхъ воиновъ. Опытность, пріобрѣтенная имъ въ 1877—78 г.г., нашла себѣ примѣненіе и въ слѣдующемъ 1879 г., когда онъ былъ посланъ Управленіемъ Краснаго Креста въ Ветлянку для борьбы съ чумной эпидеміей. Во время пребыванія въ Ветлянкѣ, В. М. познакомился и близко сошелся съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, и когда пос-

лѣдній былъ назначенъ Харьковскимъ генералъ-губернаторомъ, то пригласилъ Вл. М—ча занять должность старшаго чиновника особыхъ порученій. Въ той же должности состоялъ В. М. при гр. Лорисъ-Меликовѣ и по назначеніи его начальникомъ Верховной распорядительной коммиссіи. Въ бытность гр. Лорисъ-Меликова министромъ внутреннихъ дѣлъ В. М. былъ вице-директоромъ департамента Государственной полиціи (1880—81 г.) Въ 1881 г. В. М. былъ назначенъ членомъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати. Занимая эту должность, покойный въ 1885, во время сербско-турецкой войны, былъ командированъ отъ Краснаго Креста въ Болгарію, а въ 1891 г. былъ посланъ отъ Особаго Комитета Наслѣдника Цесаревича въ пострадавшую отъ неурожая Самарскую губернію для оказанія помощи бѣдствовавшему населенію [1]). Послѣдняя поѣздка и труды, сопряженные съ нею, оказали неблагопріятное вліяніе на разстроенное еще ранѣе здоровье Вл. М—ча, и онъ уже не могъ оправиться отъ тяжелой хронической болѣзни легкихъ, которая и свела его преждевременно въ могилу.

Вл. М. живо истересовался русской исторіей и исторіей русской литературы. Служебныя занятія мѣшали ему заняться серьезной обработкой собранныхъ имъ любопытныхъ мктеріаловъ, и только отъ времени до времени покойный печаталъ эти матеріалы въ нашихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ „Кіевской Старинѣ," въ судьбѣ которой онъ принималъ горячее участіе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она перешла въ руки его товарища по университету, теперь также уже покойнаго, А. С. Лашкевича.

[1]) Отчетъ В. М—ча объ этой послѣдней командировкѣ напечатанъ въ „Правительствующемъ Вѣстникѣ".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Страничка изъ моихъ воспоминаній. Печатаемыя на страницахъ «Кіев. Стар.» записки покойнаго Автонома Акимовича Солтановскаго (см. Кіевская Старина, 1892 г. апрѣль и далѣе), внушая уваженіе къ памяти его, побуждаютъ меня подѣлиться съ читателями тѣмъ маленькимъ запасомъ моихъ воспоминаній, которыя связываются съ временемъ, описаннымъ авторомъ въ началѣ своихъ мемуаровъ, т. е. съ годами моей университетской жизни.

Поступилъ я въ 1848 году изъ полтавской гимназіи въ кіевскій университетъ, въ качествѣ новобранца подъ именемъ «фукса», такъ какъ старшіе студенты именовались «буршами» и были чѣмъ-то въ родѣ товарищескаго начальства, которому не всегда было удобно отказывать въ послушаніи, напримѣръ, при товарищескихъ кутежахъ. Однажды мнѣ, юному фуксу, пришлось испытывать во время одной пирушки, подъ праздникъ Пасхи немалую бѣду. Въ университетѣ тогда шумѣли буйные ратоборцы, забіяки, подвиги которыхъ далеко разносились въ сказаніяхъ по хуторамъ и весямъ, за предѣлами нашего русскаго Царь-Града, Кіева, и забавно живописались въ бесѣдахъ хуторныхъ «панянокъ» и вообще «паньського» общества. Къ представителямъ бурныхъ подвиговъ принадлежалъ выходецъ Дерптскаго университета, нѣкто Шлегель, составившій свою дружину изъ этой удалой братіи и стоявшій во главѣ ея. Не менѣе громкая слава въ буршескихъ подвигахъ разносилась и объ Ильяшевичѣ, (кажется—не ошибаюсь), нашемъ самородкѣ переяславскаго уѣзда. Была и піитическая братія, которая воспѣвала въ стихахъ какіе либо особенные подвиги по части Амура и Олимпа; выдающимся представителемъ изъ этого отдѣла былъ черниговскій уроженецъ, Рудольфъ, написавшій изъ похожденій амурныхъ цѣлую поэму, подъ названіемъ «Павлиніада», она разносилась не только по стогнамъ

кіевскихъ горъ, какъ нѣкій перлъ поэзіи, но выходила далеко за предѣлы Кіева, будучи написана бойко и легкимъ стихомъ. Создатель сей поэмы врачъ, весьма любимый всѣми; память о немъ, самая задушевная сохранилась по остерскому уѣзду. Однимъ изъ самыхъ теплыхъ, задушевныхъ средствъ его, при врачеваніи больного, было становиться на колѣни предъ иконами и молиться вмѣстѣ съ матушками объ исцѣленіи чадъ, а потомъ уже, конечно, примѣнялось и аптечное лѣкарство. Третій кружокъ имѣлъ въ себѣ замѣчательно выдающагося представителя, напоминавшаго собою что-то въ родѣ нашего знаменитаго Сковороды. Кончивъ духовную семинарію, онъ былъ чуть-ли не на трехъ факультетахъ. Фамилія его Стовбчевскій. Это былъ коренастый, крѣпкаго сложенія человѣкъ, всегда окруженный товарищескимъ кружкомъ. Его страстью было все объяснять законами естественными. И теперь помню, какъ по поводу одного молебствія о дождѣ дѣйствительно выпавшемъ сей-часъ же, онъ приводилъ цѣлый рядъ объясненій въ родѣ слѣдующихъ: когда толпа народа собралась, то послѣдовали отъ нея разныя влажныя испаренія, которыя, поднявшись вверхъ, сгустили верхнія испаренія, почему и учинили осадокъ, подъ названіемъ дождя. Конечно, дружество, окружавшее Михаила (кажется, Михеича) Стовбчевскаго, разражалось смѣхомъ и оставалось довольнымъ его умствованіями. Четвертый кружокъ, къ которому и я принадлежалъ, имѣлъ во главѣ Автонома Акимовича Солтановскаго; высокая любовь этого кружка къ своей отчизнѣ, Руси-Украинѣ, состояла въ изученіи родной страны, посредствомъ собиранія памятниковъ народнаго творчества, чтобы чрезъ собираніе и изученіе этихъ памятниковъ изучить душу и міровоззрѣніе народа и не быть иноязычникомъ своей земли, при занятіи служебныхъ должностей, помня хорошо посланіе апостола Павла (къ Коринѳ. гл. XIV, ст. 9). *«Аще не благоразумно слово дадите языкамъ, како уразумѣется глаголемое?»*... Собранное каникулами, начиная отъ пѣсенъ, разсказовъ историческихъ, изреченій народной практической философіи, установляющихъ каждый шагъ народной дѣятельности, бытовыхъ особенностей страны, и кончая тѣмъ, что ѣстъ, что пьетъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ дышетъ своя страна,—все это доставлялось Солтановскому, какъ старшему, а онъ все это прибирегалъ. При моемъ поступленіи онъ уже оканчивалъ университетъ, а потому скоро и выбылъ учителемъ въ г. Ровно и увезъ съ собою больше тысячи однихъ пѣсенъ. Потерявъ его изъ виду, по выбытіи изъ университета, я по сіе время не вѣдалъ о дальнѣйшей судьбѣ своего

товарища, ратая и подвижника любви къ родной странѣ, и всегда вспоминалъ: да гдѣ-же тотъ народный скарбъ, надъ которымъ мы такъ задушевно—тепло трудились?! [1]).

О дальнѣйшей судьбѣ трехъ сказанныхъ кружковъ я не буду говорить,—они были не долговѣчны, особенно съ назначеніемъ Дмитрія Гавриловича Бибикова попечителемъ округа. Строгая дисциплина имѣла вліяніе на сокращеніе разгула Рудольфа и философіи натуральной Стовбчевскаго; но кружокъ изученія духовной и умственной стороны родной строны былъ долговѣчнѣе,—за нимъ стояли и высшіе представители учебнаго вѣдомства; о немъ я и распространюсь болѣе. Будучи дѣятелемъ этого кружка, я былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и именитый пѣвецъ народныхъ напѣвовъ, получившій уже извѣстность не только въ своей средѣ, но и въ подольской части города Кіева между студентами и профессорами духовной академіи, такъ что съ Подола приходили иногда на развѣдки въ общія студенческія квартиры (бывшій именитый штрафгаузъ), что, молъ, тамъ за новый кіевскій баянъ проявился? Имѣя голосъ, какъ фамильное родовое наслѣдіе, я получилъ широкую извѣстность не только за высоту и силу голоса, но и за умѣніе выражать содержаніе пѣсни. Слава моя, какъ пѣвца, была очень извѣстна, что располагало въ мою пользу и поляковъ, которые, въ лицѣ Оскерковъ и другихъ богатыхъ представителей Западной Руси, выражали свою любезность и пріятельство ко мнѣ. Изъ представителей учебнаго міра, благоволившихъ изученію родной страны, укажу профессора Амвросія Лукьяновича Метлинскаго, глубоко любившаго родину, дышавшаго ею, какъ цѣлебнымъ нектаромъ души и сердца, я, какъ маленькій кіевскій баянъ, понятно, сдѣлался извѣстнымъ профессору Метлинскому, сталъ бывать у него, и онъ поощрялъ меня въ собираніи памятниковъ народныхъ. Плоды моихъ собраній, какъ тогда, такъ и послѣ, выразились въ цѣнномъ народномъ скарбѣ, который я передалъ въ кіевское отдѣленіе императорскаго русск. географическаго общества, а именно; пѣсенъ, по всѣмъ отдѣламъ народной жизни 1173, сказокъ 81 загадокъ 158 и пр.

Кромѣ врачебныхъ занятій на курсахъ, я продолжалъ посѣщать профессора Метлинскаго; и вотъ однажды получилъ приглашеніе отъ него прійти къ помощнику попечителя Мих. Влад. Юзефовичу, по

[1]) Часть этого собранія пѣсенъ мы видали у одного изъ сыновей покойнаго, при чемъ слышали, что, кромѣ видѣнной нами тетради, имѣется еще нѣсколько, содержащихъ въ себѣ болѣе 1,000 номеровъ пѣсенъ разнообразнаго характера.—Ред.

случаю пріѣзда въ Кіевъ Ив. Сер. Аксакова, который изучалъ тогда украинскія ярмарки и естественно желалъ ознакомиться съ ними и въ главномъ центрѣ Руси-Украины, въ Кіевѣ. Тутъ, у М. В. Юзефовича, въ присутствіи И. С. Аксакова, исполнялъ я разныя малорусскія пѣсни, чтобы ознакомить именитаго гостя съ напѣвами ихъ. Мое пѣніе и въ этотъ разъ произвело впечатлѣніе на присутствующихъ, среди которыхъ находился и извѣстный богатый мѣстный землевладѣлецъ, Н. А. Ригельманъ, такъ что А. Метлинскій вмѣстѣ съ послѣднимъ возымѣли желаніе издать съ нотами наши напѣвы, для чего пригласили чеха Голи чтобы онъ записалъ на ноты мои напѣвы, которые и переданы имъ на бумагу, кажется, всѣхъ около 200. Жгучее свойство, красота внѣшняя и внутренняя, содержательность нашихъ напѣвовъ настолько сильны, что и флегматичную натуру Ригельмана вдохновляли и приводили въ восхищеніе. Помню, пѣлъ я пѣсню:

Ой хмелю мій, хмелю,
Де ты зиму зимовавъ;

въ дальнѣйшихъ строкахъ, когда я пѣлъ:

Що у вдовы сердце,
Якъ зимнее сонце,
Ой хоть воно яснесенько гріе
Такъ холодный витеръ віе;
А въ дивчины сердце
Якъ литнее сонце
Ой хоть воно хмарнесенько гріе
Дакъ тепленькій витеръ віе!—

Ригельманъ вскочилъ съ кресла и произнесъ:—Экая прелесть и красота, сколько душевной правды въ этихъ цвѣткахъ.!

Затѣмъ я выбылъ изъ университета, отправившись военнымъ врачемъ въ Таганрогъ, чѣмъ и закончились мои связи съ кормилицей духовной, гдѣ жилось не безъ приключеній въ нашихъ студенческихъ обителяхъ, хотя тогдашніе педеля, ближайшіе наблюдатели студентовъ, благоволили ко мнѣ за мое пѣніе и въ спискахъ своихъ не всегда отмѣчали какіе то таинственные значки.... конечно—о неблагонадежности...

Однажды Д. Г. Бибиковъ настигъ меня по Васильковской улицѣ, только что пріѣхавшаго съ каникулъ, и не успѣвшаго снять съ головы роскошныхъ черныхъ кудрей, выхоленныхъ беззаботной жизнью въ деревнѣ въ теченіе лѣта. Осмотрѣвъ меня и увидѣвъ, что всѣ пуговицы на застежкѣ, что билитъ при мнѣ (правила для студентовъ)

который и взялъ съ собою и, что только волосы не въ порядкѣ, онъ посмотрѣлъ на меня внушительнымъ взглядомъ и улетѣлъ въ ботаническій садъ, гдѣ, настигши субъинспектора, отдалъ ему билетъ мой, и сказалъ: «Носъ пошелъ отъ меня съ носомъ! Скажи ему, чтобы онъ свои волнистыя кудри остригъ!» Тѣмъ дѣло и кончилось; но до разрѣшенія сего казуса, зная что Димитрій Гавриловичъ не любитъ шутить, я отправился въ общія студенческія квартиры и для утоленія скорби далъ такую струю голоса въ пѣсни:

Ой котылося да яснее сонце
Да по надъ могилками,
Ой да вже жъ мини не чумакувати
По межъ сими чумаками,—

что самому инспектору, Тальбергу, жившему въ нижнемъ этажѣ пришлось послать ко мнѣ приказаніе замолчать, не то, сказалъ онъ— въ карцерѣ будетъ новольготнѣе!.—Тальбергъ вообще былъ спокойный старикъ, съ большимъ терпѣніемъ, но танцевъ надъ головой въ формѣ «голубця» или «гайдука» не выносилъ, и налагалъ не одинъ разъ и на меня карцерное сидѣніе въ холодномъ чуланѣ...

Степанъ Носъ.

Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Графиня Александра Васильевна Браницкая урожденная Энгельгардтъ, племянница князя Потемкина-Таврическаго, была одною изъ богатѣйшихъ землевладѣлицъ въ Россіи. Ей принадлежали пожизненно всѣ недвижимыя имѣнія, оставшіяся отъ мужа ея гр. Франциска Ксаверія Браницкаго въ кіевской губерніи въ уѣздахъ васильковскомъ, таращанскомъ, звенигородскомъ, богуславскомъ и радомысльскомъ, а также въ губерніи волынской, и на правахъ полной собственности Высочайше пожалованныя ей имѣнія въ Бѣлоруссіи (въ гродненской губерніи) и благопріобрѣтенныя и доставшіяся по наслѣдству отъ брата и сестеръ имѣнія въ губерніяхъ кіевской и херсонской. Предлагаемый документъ, заимствованный изъ хранящагося въ кіевскомъ Центральномъ Архивѣ черноваго дѣла объ утвержденіи духовнаго завѣщанія гр. Браницкой, представляетъ интересъ во 1-хъ, какъ матеріалъ для исторіи мѣстнаго крупнаго землевладѣнія, во 2-хъ, какъ образецъ крупной благотворительности. Упомянутое въ пунктѣ 4 пожертвованіе на поддержаніе благосостоянія крестьянъ (1 милліонъ рублей ассигнаціями или около 300,000 р. серебромъ) въ 1875 г.

послужило источникомъ для основанія въ м. Бѣлой Церкви «сельскаго банка гр. Браницкой». Накопившіеся къ 1875 г. проценты (около 600,000 рублей) переданы этому банку при его учрежденіи въ видѣ основного капитала, а изъ наростающихъ вновь ежегодно процентовъ половина предназначена для учрежденія въ этихъ селеніяхъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Нѣкоторыя подробности объ операціяхъ этого банка можно найти въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Ефрона въ статьѣ «Браницкая» (гр. Александра Васильевна), помѣщенной въ 8 полутомѣ. Заимствуемъ изъ этой статьи слѣдующее указаніе: «уставъ этого важнаго и своеобразнаго банка въ «Собраніи узаконеній» 1875 г. № 688»[1]).

Копія духовнаго завѣщанія графини Александры Васильевны Браницкой. Подлинное завѣщаніе писано на простой бумагѣ Двора Его Императорскаго Величества Оберъ-Гофмейстериною, Кавалерственною Ордена св. Екатерины I класса Штатсъ-Дамою, графинею Александрою Васильевною Браницкою. 1838 г. августа 6.

1. Недвижимыя имѣнія, доставшіяся ей въ 1830 году по дѣлежному акту между родовыми наслѣдниками покойнаго брата ея—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Василія Васильевича Энгельгардта—звенигородскаго уѣзда м. Ольшану, содержащую по ревизіи 1816 г. 1138 душъ и с. Гнилецъ по той же ревизіи 270 душъ; также доставшіеся ей по купчимъ крѣпостямъ: а) въ 1830 г. отъ покойной сестры ея дѣйствительной тайной совѣтницы Надежды Васильевны Шепелевой въ уѣздѣ звенигородскомъ села Вороновку 567 душъ, Вербовку 432 души и въ черкасскомъ—села Кумейку 252 души, Шепелиху 275 душъ, Березняки 158 душъ, Плеваки 124 души, Михайловку 176 душъ, деревни Станиславку 20 душъ, Гуту 15 душъ, Петрики 184 души; в) Въ 1831 отъ наслѣдницъ покойной сестры ея графини Екатерины Васильевны Литта, княгини Екатерины Павловны Багратіонъ и графини Юліи Павловны Самойловой—звенигородскаго уѣзда с. Тарасовку по ревизіи 1816 г. 811 душъ да въ Херсонской губ. д. Христофоровку, с. Пяски и слободу Константиновку 547 душъ и с) въ 1833 г. отъ дочери ея жены генерала отъ инфентеріи Елп-

[1]) Въ указанной статьѣ „Энц. Сл.“ упоминается пожертвованіе „200000 р. на выкупъ должниковъ изъ тюремъ“. Указаніе это не подтверждается печатаемымъ ниже завѣщаніемъ; но въ завѣщаніи есть другое пожертвованіе, оставшееся неизвѣстнымъ автору статьи—это 250000 р. с. на устройство близъ Бѣлой Церкви „Богоугоднаго заведенія“ (п. 5). День смерти гр. А. В. Браницкой указанъ въ статьѣ не совсѣмъ точно: 15-го, а не 16-го августа 1836 года.

саветы Ксаверіевны Воронцовой въ звенигородскомъ уѣздѣ въ м. Ольшанѣ 50 душъ, въ с. Вербовкѣ 5 душъ и въ с. Тарасовкѣ 43 души—всего вообще по ревизіи 1816 г. 5526 душъ муж. пола, съ записанными по послѣдней ревизіи и послѣ оной вновь родившимися, съ землями и угодьми по кончинѣ ея въ вѣчное и потомственное владѣніе роднымъ внукамъ ея графамъ Владиславу и Константину Владиславовичамъ Браницкимъ, которые отъ нѣжныхъ лѣтъ юности своей находились при ней и въ домѣ ея получили начальное воспитаніе; но какъ сіи внуки ея находятся еще въ молодыхъ лѣтахъ, а по правиламъ святой вѣры, по внушеніямъ совѣсти и по законамъ гражданскимъ собственное благо обязываетъ дѣтей находиться во всегдашнемъ повиненіи и зависимости отъ пекущихся о нихъ родителей, то желая утвердить сіи спасительныя чувствованія, постановляетъ, чтобы упомянутыми имѣніями даруемыми отъ нея означеннымъ внукамъ ея гр. Владиславу и Константину Владиславовичамъ Браницкимъ, по смерть свою владѣлъ и распоряжался сынъ ея и ихъ отецъ гр. Владиславъ Ксаверіевичъ Браницкій; по смерти же своей предоставилъ-бы оныя означеннымъ внукамъ въ полное какъ собственностію распоряженіе, каждому по равной части, не смѣшивая и не вводя ни въ какую уравнительность и разсчетъ съ прочими довлѣемыми имъ по закону наслѣдственными или благоприобрѣтенными имѣніями.

2. Поелику изъ означенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ имѣній звенигородскаго уѣзда въ м. Ольшанѣ 1138 душъ и селѣ Гнильцѣ 270 душъ достались ей по дѣлежному акту послѣ покойнаго брата ея В. В. Энгельгардта, то она вмѣсто раздѣла оныхъ по равнымъ частямъ, т. е. по 352 души сыну ея Владиславу, внукѣ ея гр. Александрѣ Потоцкой и дочерямъ ея завѣщательницы гр. Софіи Потоцкой и Елисаветѣ Воронцовой, отдаетъ ихъ, какъ выше сказанно, внукамъ ея гр. Владиславу и Константину Браницкимъ, а сыну ея гр. Владиславу Ксаверіевичу Браницкому поручатъ взамѣнъ таковаго дѣлежа уплатить изъ капитала ея, находящагося въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ внучкѣ ея гр. Александрѣ Потоцкой, дочерямъ ея завѣщательницы гр. Софіи Потоцкой и Елисаветѣ Воронцовой по 140800 руб. асс. каждой, т. е. по 400 руб. за каждую душу.

3. Начатые уже или предположенные къ постройкѣ въ имѣніяхъ ея храмы Божіи, если Всевышній Господь не благословитъ ей окончить за жизнь свою, то проситъ сына ея гр. Владислава Ксаверіевича довершить согласно ея предположеніямъ, употребляя для сего

потребную сумму изъ капиталовъ ея, находящихся въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ.

4. Имѣя всегдашнимъ правиломъ отечески пособлять ея крестьянамъ въ правильныхъ и не зависящихъ отъ нерадѣнія ихъ нуждахъ, она хочетъ, чтобы и ея наслѣдники никогда не лишали добрыхъ и рачительныхъ крестьянъ необходимаго и единственнаго для нихъ покровительства; на сей конецъ изъ капиталовъ ея, находящихся въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ, предназначаетъ 1000000 руб. асс., оставляя оный неприкосновеннымъ, съ тѣмъ, чтобы получаемые съ него проценты по 40000 рублей всякій годъ были употребляемы собственно къ поддержкѣ благосостоянія крестьянъ, доставшихся ея сыну и внукамъ гр. Браницкимъ.

5. Движима будучи чувствованіями сердца ея, желающаго и при самомъ напоминаніи смертнаго часа быть полезныхъ страждущимъ болѣзнями и недугами, и тѣмъ почтить прахъ мужа ея, покойнаго генерала отъ инфантеріи Ксаверія Петровича, она поручаетъ сыну ея гр. Владиславу Ксаверіевичу устроить близъ м. Бѣлой Церкви на указанномъ ею мѣстѣ богоугодное заведеніе на 40 кроватей на правилахъ сестеръ милосердія подъ названіемъ Ксаверіевской больницы, собственно для сего оставляетъ ему 250000 р. с. и проситъ его съ подробнымъ изложеніемъ правилъ сего завѣщанія испросить узаконеннымъ порядкомъ разрѣшенія на учрежденіе онаго. За воспослѣдованіемъ таковаго разрѣшенія изъ предназначеннаго ею на сей предметъ капитала, по смерти ея получая ежегодно по 10000 р. с., употреблять оные на устройство упомянутаго заведенія, а когда оное будетъ совершенно устроено и всѣмъ по приличію снабжено, тогда слѣдуемые въ каждый годъ проценты по 10000 р. с. выдавать сестрамъ милосердія на содержаніе заведенія; оставляемый же ею капиталъ— 250000 р. имѣть неприкосновеннымъ. Но если-бы заведеніе сіе по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ (чего Боже сохрани) рушилось, въ такомъ случаѣ какъ опредѣленный для онаго капиталъ 250000, такъ и самыя зданія должны обратиться въ пользу ея на слѣдниковъ гр. Браницкихъ.

6. Затѣмъ всѣ прочія недвижимыя и движимыя имѣнія ея, находящіяся въ разныхъ уѣздахъ и городахъ, равно какъ всѣ денежные капиталы, какіе только окажутся ей принадлежащими, въ наличныхъ деньгахъ, въ банковыхъ или ломбардныхъ билетахъ, въ акціяхъ или другихъ актахъ, равно какъ могущіе дойти ей по приговорамъ судебныхъ мѣстъ или по другимъ какимъ актамъ въ силу правъ статута

и другихъ государственныхъ узаконеній—оставляетъ оное въ вѣчное и потомственное владѣніе и въ полное распоряженіе сыну ея дѣйствительному тайному совѣтнику гр. Владиславу Ксаверьевичу Браницкому, ибо дочери ея, а его сестры, по мнѣнію ея и по собственному убѣжденію благородныхъ ихъ чувствованій, довлѣемо вознаграждены отъ нея, какъ при замужествѣ ихъ, такъ и послѣ.

7. Не забывая усердія, оказаннаго ей разными лицами при исполненіи возлагаемыхъ отъ нея разныхъ порученій, обязанностей и личныхъ службъ, въ награду за ихъ усердную службу ей и исполненіе ея приказаній, она предоставляетъ себѣ учинить каждому по усмотрѣнію ея вознагражденіе. Но ежели кому либо изъ нихъ при жизни своей сдѣлать по чувствамъ ея предположенной награды не успѣваетъ, то поручаетъ сыну ея гр. Владиславу Ксаверьевичу по кончинѣ ея выдать каждому то, что будетъ назначено ею въ особомъ регистрѣ.

Завѣщаніе сіе подписано собственною рукою Ея Сіятельства и свидѣтелей: духовнаго отца священника Антонія Павловскаго, высокопреосвященнаго Филарета, митрополита кіевскаго и галицкаго, генералъ-лейтенанта, сенатора и кавалера Дмитрія Гавриловича Бабикова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Лукича Переверзева, кіевскаго вице-губернатора каммергера князя Сергѣя Даниловича Кудашева.

А изъ свидѣтельства кіевской духовной консисторіи 1838 года октября 6 за № 4665 выданнаго значится, что графиня Александра Браницкая того года августа 16 умре.

Сообщилъ **В. Щербина.**

Имя автора „Героичныхъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ“. Настоящая замѣтка вызвана помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» (1891 г., № 1, т. 32, стр. 154—61) статьей Н. В. «Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка».

«Кто былъ авторомъ этихъ Героичныхъ стиховъ, мы не могли (писалъ г. Н. В.) догадаться. Свое имя онъ скрылъ подъ такой загадкой:

„Кто сочинителя хочетъ имя знати,
Сто осмдесятъ одно изволь въ немъ счислити:
Имя благодатно во священствѣ носитъ,
За благодѣтелей и всѣхъ Бога проситъ“.

Имя автора—Іоаннъ; взято съ еврейскаго и значитъ: «благодать Божія».

і = 10
о = 70
а = 1
н = 50
н = 50 («ъ» числовымъ знакомъ не служитъ)

=іоанн(ъ)=181.

Такимъ образомъ къ словамъ самого автора (?): «Писанни же года ҂аѱпд (1784), мѣсяца августа дня 21 въ ключу уманскомъ» должно прибавить— «Іоанномъ (—іеромонахомъ?)».

6 марта 1893 г.

Ю. Тиховскій.

Преданіе о „борцахъ“. Ще якъ моему батькови було годъ трыдцять (теперъ вже имъ годъ 85 буде) такъ розсказують—ходылы по слободахъ *борьци.* Отце—прыйиде у слободу, розсидла коня, пусте у хлибъ пастысь, а самъ выйде на площадь. Заразъ вынесуть ему люде стилъ, нанесуть закускы, поставлять горилкы, а винъ кладе рубливъ 25, а то и 100 та й вызыва проты себе борця зъ тіи слободы. Отто, якъ его поборе—такъ пропада его застава—отти гроши, що винъ заставля, ще й за горилку заплате, а якъ винъ поборе—такъ слобожане ему платять таки жъ саме гроши—якъ и его застава. Якъ же не заплатять одразу—такъ винъ полизе на дзвиныцю, зниме самого велыкого дзвона та й гуля у слободи—покы дзвона не выкуплять, а за все те платять ти люде.

Отъ разъ, розсказують, и найихавъ такый борець на нашу слободу. Усю слободу вже перекыдавъ... Тутъ люде и кынулысь до мого батька, а воны десь у поли булы. Отто якъ прывезлы, якъ счепылысь воны зъ тымъ борцемъ за рукы (а тоди боролысь такъ: брали другъ друга выше локтей), та якъ гепнулы того борця объ землю, такъ ему и ногы зъ колинъ повыскакувалы

Зап. въ Екатеринославѣ отъ парня, уроженца села Лыхомской волости Переясловскаго уѣзда.

Ив. М—ра.

Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1776 г. полицмейстерская контора донесла оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову, что кіевскій магистратъ раздаетъ городскимъ извощикамъ «клеймы подъ названіемъ номера», собирая съ нихъ за это прежде по 20, а затѣмъ по 8 коп. Такъ какъ въ это время магистратъ обязанъ былъ представлять свои приходо-расходныя книги генералъ-губернатору, мало по малу пріобрѣтшему право «смотрѣнія» и за магистратскою «экономіей,» то Ельчаниновъ потребовалъ объясненія,— «въ силу какого повелѣнія таковой новой сборъ собирается и колико въ годъ таковой суммы собираемо бываетъ, и на какіе расходы, и чего ради таковые сборные деньги по книгамъ магистратскимъ за прошедшій 1775-й годъ въ приходѣ не показаны».

На запросъ этотъ магистратъ въ своемъ репортѣ отвѣчалъ, что де онъ, «наблюдая свято возложенное на него по высоч. Е. И. В. жалов. грамотамъ бдѣніе о сохраненіи во всемъ городѣ Подолѣ добраго порядка, усмотря между протчаго, что число извощиковъ противу прежняго гораздо умножилось, кои, занявъ по большой проѣзжой дорогѣ близъ ковальскаго цеху по обоимъ сторонамъ мѣста, по множественному ихъ числу такъ повозками стѣсняются, что и проѣзду свободнаго народу едва имѣть возможно; къ тому жъ, шатаясь они тутъ по дорогѣ, проѣзжимъ и прохожимъ людямъ, а часто и женщинамъ причиняютъ разныя обиды, грубости и ругательства и, убѣгая отъ должнаго за то имъ наказанія, того жъ времени уѣзжаютъ прочь съ площатки, а сыскать ихъ для доставленія обидимымъ справедливого удовольствія невозможно потому паче, что кто тѣ звощики таковы и имѣютъ ли гдѣ свои жилища, знать совсѣмъ не по чему, къ томужъ что между такимъ множественнымъ числомъ звощиковъ могутъ иногда скрываться сумнительные и бѣглые люди,—прошедшаго 1776 году апрѣля 14-го магистеръ кіевскій, будучи въ полномъ собраніи, согласно опредѣлили: всѣхъ извозчествомъ здѣсь промышляющихъ сыскавъ въ словесной судъ, взять отъ нихъ показаніе, кто они таковы и откуда родомъ, какъ давно сюда зашли, гдѣ жительствомъ и въ какомъ званіи состоитъ... по числу же звощиковъ сдѣлать, по примѣру московскихъ звощиковъ, номера, коихъ и вписывать въ особливо на таковой случай сдѣланную тетрадь, и тѣ номера носить имъ поверхъ всего одѣянія на плечахъ, дабы всякъ могъ видѣть, кто его везетъ. „Номера были сдѣланы изъ холста и по условію съ маляромъ обо-

шлись по восемь коп., и такъ какъ деньги эти „не входятъ въ магистратъ, но отдаются въ заплату молярамъ, то посему и въ приходъ ихъ вписывать и по приходной и расходной книгамъ показывать вовсе не слѣдуетъ".

А. А.

Замѣтка о П. П. Гулакѣ-Артемовскомъ. Въ почтенномъ трудѣ по изслѣдованію южнорусской литературы текущаго столѣтія (Очерки исторіи малорусской литературы XIX вѣка), профессора Петрова, о покойномъ Петрѣ Петровичѣ Гулакъ-Артемовскомъ сказано, что „онъ въ Кіевской академіи не окончилъ курса, по случаю закрытія ея въ 1817 году, для преобразованія въ 1819 году, и въ 1817 году перевелся въ Харьковскій университетъ". Изъ указа же „Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Св. Прав. Синода синодальному члену преосвященному Серапіону митрополиту Кіевскому и Галицкому, кіево печерскія Лавры архимандриту и кавалеру, послѣдовавшаго 23 ноября 1814 года за № 3378, явствуетъ, что „по представленію коммисіи духовныхъ училищъ о увольненіи, вслѣдствіе представленія Вашего, Кіевской академіи студента, *кончившаго курсъ богословскаго ученія Петра Артемовскаго изъ духовнаго званія въ свѣтское*, для избранія рода жизни [1]),—онъ Артемовскій окончилъ полный курсъ академическаго образованія, и судя по указу Синодальному 26 августа 1819 года, которымъ предлагается митроп. Серапіону открыть ученіе въ преобразованной академіи, это заведеніе было закрыто *для преобразованія* 4 августа 1817 года, спустя около 4 лѣтъ по окончаніи курса П. П. Гулакъ Артемовскимъ.

Кромѣ того, въ изложеніи обстоятельствъ жизни Артемовскаго въ упомянутомъ трудѣ проф. Петрова, сказано, что „по случаю пожара въ 1811 году, истребившаго чуть не половину Кіева, студентъ Артемовскій дошелъ до того, что принужденъ былъ питаться арбузными корками, которыя собиралъ на базарной площади. Невозможно допустить, что бы это было въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ годъ, по словамъ современниковъ, знаменитъ былъ своими кометами, жарами и *безпримѣрнымъ урожаемъ*, а при томъ же Артемовскій вмѣстѣ съ 2-мя братьями и сестрой имѣли при мѣстечкѣ Городищахъ въ хуторѣ Гулакивщинѣ 36 десятинъ земли, которыя могли доста-

---

[1]) Изъ рукописнаго собранія указовъ,—указы за 1813 и 1814 годы.

вить ему возможность, при казенномъ содержаніи, не питаться арбузными корками. Если покойный Артемовскій и говорилъ кому либо объ этомъ, то онъ дѣлалъ это въ силу присущаго ему юмора и національной черты—наклонности къ самоюморизированію, если можно такъ выразиться.

Гулакъ-Артемовскій.

Народное преданіе о болотѣ „Замглай [1])“ Проѣзжающему по шоссе, что соединяетъ два губер. города, Черниговъ и Могилевъ верстахъ въ 40 отъ перваго, съ обрыва открывается безконечная даль. Предъ вами цѣлое море зелени, самой разнообразной и по характеру, и по колориту, кое-гдѣ перебитой, словно серебряными блестками—узкими свѣтящимися полосками воды; а тамъ... далеко на горизонтѣ синева сосновыхъ лѣсовъ, мягкая, бархатистая, пріятно ласкающая глазъ, и нѣтъ кажется конца ей!... Предъ вами болото—«Замглай!»

Было когда-то время—на этомъ широкомъ, теперь цвѣтистомъ, коврѣ несла свои воды широкая и глубокая рѣка. Кипѣла по берегамъ ея жизнь—торговля, судоходство..., но это-же самое время затерло слѣды этой жизни, оставивъ лишь жалкіе остатки догадокъ о быломъ.

Много-ли могутъ сказать намъ теперь находимые по берегамъ Замглая остатки: якоря, сгнившія бревна съ большими двойными гвоздями—такъ наз. сшивами, и другія мелкія принадлежности рѣчныхъ судовъ?!.

Вѣка прошли... Дѣды отошли въ область забвенія, но внуки ихъ и дѣти твердо помнятъ, держатъ въ завѣтѣ ихъ слово живое—это «казки батькивъ»; и вотъ въ этой народной сокровищницѣ сохранилось преданіе о рѣкѣ Замглай—объ ея ширинѣ и глубинѣ.

Записывая это преданіе отъ старика-крестьянина, я не имѣлъ совсѣмъ въ виду впослѣдствіи излагать его въ стихотворной формѣ. Сами собой вылились эти стихи и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая-то гармонія въ самомъ разсказѣ старика, самъ собой сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова. Старикъ разскащикъ—крестьянинъ, дворовый человѣкъ, побывавшій съ своимъ бариномъ въ качествѣ деньщика въ Варшавѣ, отчего и слышны слова, занесенныя съ польскаго языка.

Вотъ что гласитъ эта легенда.

---

[1]) Болото Замглай находится въ Черниговской губ. Городнянскаго уѣзда.

Було колысь!..
Текла отъ-тутъ
Широка быстрая вода;
У море генъ, а мо въ Днипро,
Зносыла фыли...
Ій здала!
Бувалы тутъ и байдаки,
Байдары, судна....
. . . . . .
А теперъ—
Усе повіялось кудысь!
Замглай широкій пересохъ;
Зарисъ ракитою, лозою
И лисомъ—боромъ въ берегахъ.
Багно та нетры,—де въ ночи
Блука голодный вовкъ, гуде,
Шука пожывы; а у день—
Щебечуть пташки у кущахъ,
Куе зозуля на верби;
Та часомъ чайка надъ багномъ
Заквылыть жалибно отъ-такъ....
И понесе той сумъ луна [1]).
Далеко въ нетры, та и тамъ
Загубыть десь....
Въ гори орелъ
Лита вкруги, мовъ зорыть винъ
Шырокій, дужый та рясный,
Весной заквитчаный Замглай,—
Зелене море; и по нимъ
Де-де маячать виковы
Столитни сосны, мовъ свидки
Колышней славы, та життя...
Було колысь!..
Де бувъ Замглай
Теперъ тамъ нетры та багно.

. . . . . .
Таке зробыла удова
За смерть своій ридній дочки.
Давно-давно було колысь!
Жыла въ сели соби вона,
Того не знаю: де и якъ;
По-надъ Замглаемъ тилько тутъ
Зъ дочкою гарною такой,
Що слава та росла що-день
И розойшлась, якъ мовъ весной
Самъ дужый той Замглай не плывъ,
Вдова уродою дочки
Пышалась дуже, берегла
Іи якъ око!..
Хто-жъ те зна—
Де горе ходыть?—а бува
Его не ждалы, а воно
От-тугъ, якъ тутъ!...
У ричци вразъ
Дивчата тамъ купалысь вси,
Утопла вдовына идна...
. . . . . .
—
Ой не чайка раннымъ-рано
Стогне-нудыть надъ Замглаемъ;
Плаче бидна удивонька,
Свою доню выглядае...
День вже третій, а щей доси,—
Якъ утопла, не зринае;
Бидна маты, зъ горя того—
Що робыты, вже не знае...
И не плаче, бо и слезы
Дрибны зъ горя вже не льются;
И не стогне—бо и серце
Вже у грудяхъ мовъ не бьется...

И сидитъ бѣдная мать, дожидая, что выдастъ рѣка тѣло ея дочери. Отъ изнеможенія она почти застыла; восходящее солнце будитъ ее, съ жалобою обращается она къ рѣкѣ:

„Ой ричко шырока зъ далекого краю,
„Ой ты и глубока, тебе-жъ я не знаю!
„Ой я тоби, ричко, *даныну* носыла,
„Ой за що-жъ ты доню мою утопыла?..
„Де-жъ ты мою доню, де ты заховала,
„Чомъ разомъ изъ нею мене ты не взяла?
„Ой ридный Замглаю,—широкій та дужый
„Не вынесешъ дони, возьмы мою душу!..

[1]) Эхо.

Напрасны мольбы бѣдной матери,—отвѣта нѣтъ! Гуляетъ лишь вѣтеръ сердитый, навѣвая ей черныя мысли, да—

Ходыть фыля по Замглаю,
У просторомъ знай гуляе;
Одна другу генъ у море
Ажъ у сыне зазывае...
Може доси дивчиноньку
Въ саме море вжей заслала,
Або може уродливу
Въ очеретахъ заховала?!.
Або може русалоньки
На гуляночкахъ за косы
За шовковы дивчиноньку
У корчаги затаскалы....
А тамъ рыба, тамъ ій пьявки,
Тамъ и раки доси впылысь...
. . . . . .
Бидна маты! твоій дони
Вся краса вже попарнила.
Посынило биле лычко;
Ой закрылысь ясны очи!
Вжей не зглянуть, не зазорять
Тай никому середъ ночи...
. . . . . .

Другой варіантъ исчезновенія тѣла гораздо интереснѣе:

. . . . . .
Ой не плачъ ты, удово,
Не диждешся бидна!
Десь краса твоій дони
Замглаю прыхильна...
Незабаромъ межъ нымы,
Найкращу винъ зъочивъ;
Бачъ—гуляе вжей старый
Тры дни и тры ночи.
Разгулявся широкый,
Радіють ій фыли!
Не йдну вжей байдару
Розбылы, втопылы
. . . . . .
А твою, мабудь, доню
Сховавъ десь глыбоко;
Ой не зглянуть, удово,
Тоби карооку!..

Этой картины сердце матери не въ состояніи вынести; оно отъ боли нестерпимой залилось желчью. Въ ней пробуждается жажда мести. Но чѣмъ-же мстить рѣкѣ—неодушевленному, недоступному никакимъ страданіямъ предмету? И вотъ—тутъ-то мать своею внутреннею силою души («сама по соби») обращается въ «чаривныцю», чтобъ своею властью быть въ состояніи сдѣлать зло. Она заклинаетъ рѣку, т. е. съ проклятіями соединяетъ дѣйствія.

Она бросаетъ въ рѣку слѣдующіе предметы:—*миску* или вообще какую-нибудь плоскую посуду [1]), повторяя при этомъ слова проклятія: «ой будь-же проклята ты ричко широкая, глыбокая! будь проклята ты до вику, до страшного суду!»; *лозовую палку*—отчего рѣка порастаетъ лозой и, наконецъ, *чесальный гребень* (какимъ ленъ чешутъ),—отчего рѣка заростаетъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ; каждый разъ повторяя слова проклятія.

Проклятіе матери—«чаривныци» сбылось; такъ гласитъ народное преданіе... И дѣйствительно, еще и теперь стоятъ по Замглаю лѣса—дремучіе боры.

[1]) Отчего рѣка мелѣетъ.

Изъ другихъ остатковъ старины сохранились по берегамъ Замглая, такъ наз., «Городки,»—это возвышенныя пространства, окруженныя рвомъ и валомъ съ однимъ или двумя выходами. Еще за памяти дѣдовъ, передававшихъ мнѣ разсказъ крестьянъ, городки эти были заняты шайками разбойниковъ подъ предводительствомъ атамановъ, прозванныхъ почему-то очень своеобразно *телепнями*; разбои свои они совершали оригинальнымъ образомъ: шайка располагалась «куренемъ» возлѣ «шляха», и, какъ знакъ своего господства, телепень выставлялъ на дорогу булаву или копье; всякій прохожій или проѣзжій обязанъ былъ зайти въ курень атамана «поклонытись»—т. е. заплатить дань. Кто не исполнялъ этого и проходилъ мимо, тотъ подвергался совершенному ограбленію, въ назиданіе другимъ.

Телепень, по народному повѣрію, считался знахаремъ и былъ заговоренъ отъ пули и отъ другихъ «напастей».

Разскащики—крестьяне старики хвалились, что ихъ предки—дѣды считаются освободителями окрестныхъ селъ отъ шаекъ разбойниковъ. Дѣло было во время ледохода. Повстрѣчались на мосту главный Телепень и крестьянинъ и, поздоровались; послѣдній, улучивъ минуту, ударилъ сзади Телепня довбней, отчего тотъ свалился въ рѣку и льдомъ затерло его. По смерти главнаго Телепня шайки разбѣжались.

«Було колысь!»—закончилъ такъ старикъ свой разсказъ. Теплый весенній вечеръ догоралъ; тихо ложились сумерки на землю. Гдѣ-то простоналъ сычъ уныло, да робко изрѣдка щелкалъ соловей, какъ-бы пробовалъ еще, предвкушая всю силу будущей пѣсни своей... Рѣяли образы былой старины, вырисовывались изъ налегающаго мрака классическія фигуры лихихъ «гайдамаковъ», «лыцарей за правду и вѣру»...

Тишь, ни звука!...

И вдругъ разыгравшееся воображеніе пробуждено къ дѣйствительности гульливой, перековерканной солдатскимъ мотивомъ пѣсней—

„по комъ *дѣвка* плаче
„дробны слезы *льетъ*,—

такъ заливался гдѣ-то за селомъ соединенный хоръ молодыхъ голосовъ.

Поневолѣ скажешь за дѣдомъ—«було колысь!.. не вернется!»—И съ каждымъ годомъ эта народная сокровищница осложняется наростающимъ хламомъ, такъ что трудно ужъ и разобраться въ ней.

Іосифъ Ж—ій.

Вирша объ освобожденіи крестьянъ. Въ XV томѣ «Кіевской Старины» (1886 г. іюль, стр. 570—573) напечатаны двѣ пѣсни о панщинѣ и повстаньѣ, совершенно правильно признанныя волынскими. Въ статьѣ своей «О малороссійскихъ пѣсняхъ объ освобожденіи крестьянъ» г. Кузьмичевскій, разсматривая одну изъ нихъ, справедливо замѣчаетъ, что она отзывается семинарско-дьяковской книжностью и что, по всей вѣроятности, она сочинена грамотѣемъ клерикальнаго воспитанія, хотя потомъ и получила нѣкоторое распространеніе (Кіев. Стар. XVII т., стр. 632). Въ наши руки случайно попала значительно потертая рукопись, заключающая болѣе полный варіантъ стихотворенія о панщинѣ и о повстаньѣ; въ составъ этого стихотворенія входятъ и объ напечатанныя ранѣе пѣсни, связанныя здѣсь въ одно цѣлое. Наше стихотвореніе раздѣлено на строфы; расположеніемъ стиховъ во многихъ мѣстахъ оно разнится отъ напечатанныхъ варіантовъ; главное его преимущество передъ ними заключается въ его полнотѣ; въ немъ мы находимъ довольно большое число стиховъ, которыхъ нѣтъ тамъ. Наконецъ, что придаетъ ему особенный интересъ, это—предпосланное ему стихотворное обращеніе автора, назвавшагося, очевидно, вымышленнымъ именемъ Палій Масты-Голова, къ «Милостивому Пану Редактору» съ просьбой пустить въ обращеніе его думы, «бо у хати заважаютъ.» Можно было бы подумать, что въ предлагаемомъ стихотвореніи мы имѣемъ дѣло съ авторскимъ автографомъ—оригиналомъ для дальнѣйшихъ варіантовъ, если, бы не предательскія ошибки противъ смысла, попадающіяся въ немъ, напр., «Пидъ горбату посядалы» вмѣсто «Пить гарбату посидалы» (вар. напечат. въ «Кіевской Стар.»); однако, мы считаемъ возможнымъ, что предлагаемое стихотвореніе есть одинъ изъ списковъ, въ которыхъ оригиналъ, не попавшій въ печать (хотя и предназначавшійся для нея), былъ распространенъ въ обществѣ.

В. Я.

Милостывый пане Редакторе!
Выбачайте що морочу,
Щось просыты, я Васъ хочу,
Пустить думы пехъ гуляютъ,
Бо у хати заважаютъ.

—

Немстытеся вы паны,
Поскидайте жупаны,
Свитъ великій, есть де дитись,
Знайты мисце прыхылытись,
Прошу тилько Васъ звважайте,
Якъ що кепьско то лышайте.

Вашъ покорный слуга
Палій Масти—Голова.

Повдягайте сиракы,
Бо не ваши мужыкы.

Александръ теперь панъ,
Винъ то дило розибравъ,
Що Иванъ и Степанъ
Съ тоижъ глыны що и панъ.

Винъ то дило розибравъ,
Тай свободу людямъ давъ,
Нехай каждый теперь знае,
Що винъ батька Царя мае.

Нехай каждый тее знае,
И нехайже вспомынае,
Чы то дома, чы на поли,
Чы то въ праци, чы на воли.

Нема теперь тои доли,
Що бувало борщъ безъ соли,
Хапай исты тай ще швыдко,
Покы соньця ще не выдко.

Бо якъ соньце зійде зраня,
То вже чуты атамана,
Уже тоби не до ижи,
Бо нагайка тило зриже.

Зійшло сонце вже пидбылось,
Щося діе то не снылось,
Подывится тай забачте,
Якъ есть сліозы то заплачте.

Панъ отаманъ съ отрубутомъ,
Съ тонкимъ вдвое гнутымъ кнутомъ,
Поре въ матирь зъ всіого серця,
И катуе ажъ кровь злеця.

Сикутъ сына мліе маты,
Лебонь треба поховаты,
Крыкъ, плачь, ляментъ, сліозы льюця,
Вси боляця вси трасуця.

Одверните люды очи,
Колы вамъ не стало мочы,
На се лыхо подывытысь,
Що-бы посля непечалытысь.

Прійдешъ зъ лану ничъ лунная,
Лежатъ диты видхлыпая,
Бидну матирь выглядалы,
Тай голодни полягалы.

А не важся що забраты,
Перевезты соби до хаты,
Бо задасть панъ таку бійку,
Що полежишъ и зъ недильку.

Не такій же зо всимъ часъ,
Теперь Богъ давъ и для насъ,
Заплаты тай не бійся,
Гриха тильки стережыся.

Ще не тее було зъ намы,
Якъ мы булы пидъ панами,
Чыя жинка була брава,
Мужъ до неи немавъ права.

Все у пана платья мые,
Альбо пидъ часъ муку сіе,
Хлибъ пече то мые хату,
Правда добру бере плату.

Прійде жинка въ димъ одъ пана,
Ходыть уже якъ бы пьяна,
Мужъ сварытысь не посміе,
Бо все знае що ся діе.

Не такій же зовсимъ часъ,
Теперь Богъ давъ и для насъ,
Жинку мылу приголубышъ,
Тай всіо горе позабудешъ.

Розгулялысь вражи ляшки,
Взялы гупкы на опашки,
Всіо збыраютця въ костели,
То жалобни, то высели.

Поютъ писни, край дороги
Хрысты ставлятъ все небоги,
Скажить-же вы добри люде,
Що то, що то съ того буде.

Ащо буде обизвалысь,
Бачъ забулы розгулялысь.
Тай скрыгочутъ мовъ сороки,
Бачъ забулы тіи роки.

Що гонылы ихъ якъ бисивъ,
Не иденъ зъ ныхъ то и высивъ,
Хотятъ знову воюваты,
Щобъ Волыня соби взяты.

О недождутъ вражи диты,
Теперь Волынь одолиты,
Треба добре тее знаты,
Волынь ридня наша маты.

Волынь то насъ породыла,
Волынь людьмы поробыла,
Чыжъ та маты намъ не мыла,
Що на свитъ насъ породыла.

Скажы тилько Цару слово,
Тоби все въ него готово,
И мы сами, наши диты,
Будемъ Волынь бороныты.
Несчастныи часы прошлы,
Якъ въ неволи хлопы булы,
Паны былы забывалы,
До сорочки обдыралы.
Що хотилы, зъ хлопивъ бралы,
А хто не давъ, шкуру дралы,
Хоть бы мужыкъ зовсимъ згынувъ,
Мусивъ даты десятыну.
Мало того десятыну,
Давай жинку и дытыну,
Бо то воля ляха пана,
Душу выняты зъ Ивана.
Хоць мужыкъ впавъ пану въ ногы,
Ляшокъ крычитъ дай batogi
И тутъ уже инше дило,
Мужикъ крычитъ, рижутъ тило.
Хоць бы мужыкъ въ рукахъ згынувъ,
Канчука лахъ непокынувъ,
Теперь того дочикався,
Що мужыкъ зъ пана посміявся.
Ляхъ не хоче робыть въ поли
Мужикъ остався на воли,
Збыралысь воны въ костели,
То жалобни, то веселы.
И тутъ почалы шептаты
Иденъ другого пидмовляты,
Будемъ теперь воюваты,
Що бы польску видыбраты.
Чорни ходятъ мовъ ти галки,
Паны, пани и пидпанки,
Та зъ великимъ ляцкимъ жаромъ,
Піютъ писню дымъ зъ пожаромъ.
Въ черныхъ сукняхъ воны ходятъ,
По костеламъ Бога молятъ,
Верны вольнисть намъ, отчизну,
Верны хлопивъ и панщизну.
Котра въ лиси заблукалась,
Заблукавшись, тамъ скончалась,
Идутъ ляхи въ лисъ шукаты,
Мертву Польщу воскресаты.

Йиденъ спросывъ (co iuż gotowe:),
Ходзьмо дальше моцъ-панове,
Бо тутъ для насъ буде тисно,
И накормлятъ дуже писно.
Попереду панъ Ружыцкій,
Грае війскомъ мовъ дурнычки,
Стае за нымъ кругомъ поля,
Веде війско до Мирополя.
О тамъ була черна хвала,
Лахъ пидкынувся на москаля,
Пидъслучаемъ тамъ на мости,
Потрущылы ляхамъ кости.
Стрелывъ козакъ зъ пистолета,
Крычавъ ляшокъ: „нѣхъ панъ [1]).
Стрелывъ москаль съ карабина,
Nima Ojca, nima Syna.
Тамъ блыскало и гримило,
Ясне сонце потемнило,
Якъ змишалась кровь зъ водою,
Тутъ спиткався ляхъ зъ бидою.
Ляцьки кони зполошылысь,
Надъ ляхамы изгнушылысь,
Де зобачышъ що конь бижытъ,
Коло сидла лящокъ висытъ.
Тамъ гнушалысь надъ панамы,
Штыкъ, нагайка, да ще и хамы,
Всякъ знавъ добре свою роботу,
Зигнавъ надъ ляхомъ охоту.
Дочекався мужыкъ того,
Зловывъ зачубъ пана свого,
Звязавъ ему назадъ руки,
Отдавъ его на поруки.
Посля уже для забавы,
То былы ихъ то вязалы,
Котри зъ лихивъ булы счастливи,
Утиклы въ лисъ хоть стыдливи.
Грымытъ писня Boże Polski,
Появився панъ Цихоньскій,
Зибравъ війска винъ доволи,
А непосыпавъ ще имъ соли:
Винъ въ ночи ставъ прохожатысь,
Щобъ до граныци добратысь,
А въ день ляхы отдыхалы,
Йилы, пылы тай гулялы.

---

[1]) Вырвано въ рукописи

Пидъ Цвитохой межъ лисамы,
Мыжъ тункамы болотамы,
Паны стійку закладалы,
Пидъ горбату [1]) посядалы.
Йилы, пылы, тай гулялы,
Зъ кылишкамы воювалы,
Сіймо гречку тра збыраты,
Атутъ пикетъ дае знаты.
Въ руки бронь хапай хутенько,
Бо москали вже близенько,
Карабины набываютъ,
Штыкы свои оглядаютъ.
Сполошылысь ляхы дуже,
Тай не знаютъ що робыты,
Чы гербаты допыватъ,
Чи фузіи набывать.
Бьютъ московски барабаны,
Бардзо зимно крычатъ паны,
Москаль писню запивае,
Зъ штыкомъ впередъ выступае.
Безъ прикладу начинаютъ,
Зъ карабиновъ посылаютъ
Кули ляхамъ на снидання,
Йейдитъ паны до повстаня.
Ксіондзъ инфулу натягае,
Въ гору руки пидіймае,
Благословытъ ляхивъ, панивъ,
Щобъ побылы всихъ москаливъ.
Москаль начне, зъ ружа двигнувъ,
Ксіондза на землю пани рыгнувъ,
Нема ксіондза и казаня,
Нейды ксіонже до повстаня.
И такъ паны заробылы,
Ще и ломаны погубылы,
Йиденъ другому крычавъ,
Щобъ до лису утикавъ.
Панъ Цихоньскій утікаіе,
Іого куля доганяе
На голову іому сила,
Тай на землю повалыла.
Въ кінци лиса межъ травою,
Зъ розбытою головою,
Спытъ панъ Цихоньскій,
Главный воевода польскій.
Отакъ паны собралыся,
Межъ собою обрадылыся,
Програлы мы тутъ справу,
Идимъ въ Сибирь на забаву.
Помоліця паны Богу,
Та рушайте въ дорогу,
Щастлывои вамъ подружи,
А за вамы мы байдужы.
Покидайте тутъ палацы,
Бо вже кінецъ вашій праци,
Сибирь двери отчыняе,
Панивъ на баль запрошае.
Тамъ холоды зъ снигомъ довше,
А для панивъ то здоровше,
Каждый ляшокъ тамъ танцюе,
Ему тачка компануе.

Отчетъ о пожертованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

Состоящее при Харьковскомъ университетѣ историко-филологическое общество, по полученіи Всемилостивѣйшаго разрѣшенія Государя Императора на открытіе подписки въ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ имперіи на составленіе капитала въ 2500 р. для ежегодной выдачи съ% преміи имени покойнаго профессора Харьковскаго университета А. А. Потебни за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и словесности, разослало въ октябрѣ 1892 г. 370 подписныхъ листовъ. За три мѣсяца (къ 1 февраля 1893 г.) было возвращено

[1]) Пить гэрбату.

118 листовъ съ пожертвованіями, составившими въ совокупности *1366 р. 60 коп.* Въ счетъ этихъ денегъ куплено два билета Государственнаго дворянскаго земельнаго банка и уплачено за нихъ по курсу 1131 р. и постановлено обращать и остальныя деньги, по мѣрѣ накопленія, въ государственныя процентныя бумаги.

Подписка продолжается. Историко-филологическое общество надѣется, что при дальнѣйшемъ содѣйствіи ученыхъ и учебныхъ учрежденій и нѣкоторой отзывчивости историко-филологическихъ и археологическихъ обществъ, окажется возможнымъ собрать въ непродолжительное время остальную сумму (около 1200 руб.), для ежегоднаго достойнаго чествованія памяти А. А. Потебни, труды котораго, по общему признанію, составляютъ гордость русской науки.

Общество выражаетъ при этомъ глубокую благодарность всѣмъ поименованнымъ ниже учрежденіямъ и лицамъ за высланныя ими денежныя пожертвованія.

Списокъ жертвователей: университеты: харьковскій 169 руб., варшавскій 114, московскій 65 и дерптскій 26; *канцелярія* г. попечителя кавказскаго учебнаго округа 22 р. 30 к., *нѣжинскій институтъ* 15 р. 35 к., *Демидовскій лицей* 15 р.; *главная инспекція* туркестанскихъ училищъ 20 р.; *отъ* г. неизвѣстнаго (изъ Полтав. губ.) 50 р., моск. *архива* минист. юст. 1 р., проф. А. С. Архангельскаго 10 р., проф. А. И. Александрова 5 р., *гимназій*: харьковской первой 11 руб. 50 к., харьковской третьей 12 р. 50 к., елисаветградской 5, виленской первой 8 р. 50 к., глуховской 10, московской четвертой 5 руб. 50 к., симбирской 3 руб. 71 к., рязанской 5 р., нижегородской 10 р. 37 к., воронежской 14 р. 50 к., кишиневской первой 15 р., новочеркасской 3 руб. 90 к., ставропольскихъ женскихъ 14 р. 50 к., ставропольской мужской 13, тифлисской первой 5, вологодской 4, казанской первой 2 р. 70 к., елатомской 19 р. 33 к., калужской 8 р. 88 к., тифлисской женской первой 6 р., ананьевскихъ муж. и женской 19 р. 20 к., ростовской (на-Дону) 12, златопольской 7 р. 20 к., лубенской 15, виленской второй 4, люблинской 11 р. 37 к., кутаиской 6 р. 50 к., ковенской 13 р. 82 к., московской третьей 11 р. 50 к., елисаветпольской 14 руб. 85 к., эриванской 15 р. 50 к., тифлисской второй женской 11, тифлисской второй муж. 21, кіево-печерской 17, виленской Маріинской женской 11, курской 5, керченской 1 р., бакинской Маріинской женской 12, таганрогской 8, екатеринодарской 14, камецъ-подольской 8 руб. 38 к., петербургской введенской 13, варшавской пятой 15, тамбовской 8 р. 16 к.,

и московской первой 4 руб. 90 к.; отъ *реальныхъ училищъ*: харьковскаго 25 руб., пензенскаго 6, виленскаго 7, динабургскаго 2, новочеркасскаго 6, мелитопольскаго 12 руб. 86, к.. херсонскаго 5, пинскаго 7 р. 64 к., кременчугскаго 5, роменскаго 3 руб. 73 к, шушинскаго 14, тульскаго 10, тифлисскаго 17, одесскаго 2, бакинскаго 22, костромскаго 1, минскаго 1, вологодскаго 1, ейскаго 8, и владикавказскаго 8; отъ нижегород. *дворянскаго института* 6; тифлисскаго *училища св. Нины* 9 р. 30 к; отъ *учительскихъ институтовъ*: глуховскаго 8, тифлисскаго 8 и казанскаго 2; *учительскихъ семинарій*: волчанской 18, полоцкой 3, новобугской 2 р. 41 к., вольской 5, новочеркасской 1 р. 15 к., кутаиской 13, острожской 5, благовѣщенской 1 р., эриванской 7 р. 40 к. и закавказской (въ Гори) 5 р. 50 к.; *прогимназій*: кутаиской 6, бахмутской 6, ялтинской 3 р. 31 к., ахтырской 8 р. 13 к., черкасской 9 р. 35 к., рославской 9, краснослободской 8, пятигорской 12 р., ейской женской 5, сергіево-посадской 9, и лебедянской 11 р.; отъ *дирецкій* народныхъ училищъ; кѣлецкой 3 руб., екатеринославской 6 р. 20 к., донской 6 р.; *городскихъ училищъ*: могилевскаго 2, мстиславскаго 2, павлоградскаго 4 и оршанскаго 1 р. 25 к.; *уѣздныхъ училищъ*: сѣннинскаго 2 р. 50 к.; чаусскаго 1 р. и быховскаго 40 к.; отъ московскаго *лютеранскаго училища*: 2 р. и некрологовъ продано на 17 руб.

Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ.*

Отъ Редакціи. Въ дополненіе къ этому отчету редакція «Кіевской Старины» считаетъ долгомъ сообщить, что ею получены пожертвованія для той-же цѣли отъ слѣдующихъ лицъ: свящ. І. Шиповича—1 р.. А. Андріевскаго—1 р., Н. Василенка—1 р., Е. Кивлицкаго—1 р., О. Левицкаго—1 р., И. Лучицкаго—1 р, В. Науменменка—1 р., Е. Трегубова—1 р., Я. Шульгина—1 р., Н. Шугурова—1 р.,—всего 10 р., которые и препровождены въ настоящее время въ Харьковское Историко-Филологическое Общество.

Библіографія.

1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ 1. Шевченко. Кіевъ. 1893. 8°, 34 стр.

2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. П. Горленка. «Трудъ» (приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи) 1893 г. № 4, стр. 76—84.

Нельзя не порадоваться тому, что замѣчательное, извѣстное многимъ собраніе предметовъ малорусской старины и рѣдкостей, принадлежащее Василію Васильевичу Тарновскому, начинаетъ, наконецъ, описываться и что первый выпускъ этого описанія подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ уже отпечатанъ, причемъ самое указаніе заглавнаго листа на то, что изданіе это составляетъ «выпускъ 1-й», даетъ возможность надѣяться, что за вышедшимъ выпускомъ появятся послѣдующіе и что такимъ образомъ будетъ описана вся драгоцѣнная коллекція, которую съ такою любовью къ родной старинѣ и съ такою энергіею въ теченіе многихъ лѣтъ составлялъ уважаемый собиратель.

Этотъ вышедшій выпускъ названнаго описанія представляетъ изящно изданную книжечку съ красивымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ помѣщены фототипическіе снимки портрета Шевченка, писаннаго Рѣпинымъ, маски, снятой съ Шевченка послѣ его смерти, и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ ему вещей. Какъ указываетъ самое заглавіе книги, этотъ первый выпускъ каталога заключаетъ въ себѣ описаніе предметовъ, посвященныхъ исключительно памяти Т. Г. Шевченка; для этой коллекціи собиралось все, что имѣетъ какое нибудь отношеніе къ нашему народному поэту, что такъ или иначе можетъ напоминать о немъ.

Первый отдѣлъ описаннаго въ каталогѣ собранія составляетъ, такъ сказать, Шевченковскую библіотеку: здѣсь имѣются всѣ изданія

его сочиненій, переводы его сочиненій на другіе языки, далѣе—сочиненія на разныхъ языкахъ, относящіяся къ Шевченку, затѣмъ—сочиненія, посвященныя его имени,— музыкальныя произведенія, посвященныя ему же, и наконецъ—музыкальныя произведенія къ словамъ изъ стихотвореній Шевченка.

Во второй и третьей главахъ каталога описывается обширное собраніе автографовъ Шевченка, въ томъ числѣ: его собственноручный дневникъ, веденный съ 12 іюня 1857 г. по 13 іюля 1858 года, письма его къ разнымъ лицамъ (братьямъ Никитѣ и Варѳоломею Шевченкамъ, Г. С., В. В., Н. В. и Я. В. Тарновскимъ, В. М. Лазаревскому и Г. Н. Честоховскому) и много стихотвореній, собственноручно написанныхъ Шевченкомъ.

Главы IV, V и VI каталога описываютъ художественныя произведенія Шевченка, имѣющіяся въ собраніи В. В. Тарновскаго, именно: два альбома рисунковъ Шевченка карандашемъ и акварелью (въ одномъ 20 и въ другомъ—28 листовъ), нѣсколько отдѣльныхъ его рисунковъ, его гравюры (числомъ 44) и двѣ мѣдныя доски, гравированныя Шевченкомъ для его офортовъ, а въ XVI главѣ перечислены гравированные, литогравированные и фотографическіе снимки съ картинъ и рисунковъ Шевченка. Ниже мы укажемъ нѣкоторые пропуски, которые замѣчены нами въ этихъ отдѣлахъ каталога.

Въ VII, VIII и IX главахъ каталога перечисляются бумаги, книги и разныя другія вещи, принадлежавшія Шевченку. Между первыми обращаютъ на себя вниманіе три плана и три фасада, по которымъ Шевченко хотѣлъ выстроить себѣ хату близъ Канева на Чернечьей горѣ, билетъ, который былъ выданъ Шевченку изъ академіи художествъ на поѣздку въ Малороссію въ 1845 году, письма къ нему Бодянскаго и какого то неизвѣстнаго лица. Изъ принадлежавшихъ Шевченку вещей здѣсь находятся: его мольбертъ, муштабель, палитра, художническіе ящики и другія принадлежности рисованія и писанія, его табуретъ, малороссійская сорочка, баклага и проч.

Слѣдующая глава перечисляетъ бюсты, барельефы, маски Шевченка и клише портретовъ его, а въ XI и XII главахъ указаны самые портреты, въ томъ числѣ три портрета, писанныхъ масляными красками разными художниками, и 45 портретовъ гравированныхъ, литографированныхъ и фотографическихъ.

Въ XIII и XIV главахъ указаны бумаги и разныя вещи, имѣющія отношеніе къ Шевченку. Здѣсь имѣются: составленныя послѣ смерти Шевченка въ 1861 году описи книгамъ, картинамъ, рисун-

камъ и разнымъ другимъ вещамъ, принадлежавшимъ Шевченку,—прошеніе, которое было подано министру внутреннихъ дѣлъ о перевозѣ тѣла Шевченка изъ Петербурга въ Кіевъ,—китайка, которою былъ покрытъ его гробъ при перевозѣ изъ Петербурга на мѣсто погребенія,—модель медали, которую почитатели поэта предполагали вычеканить въ его память, и проч.

Главы XV—XVII перечисляютъ картины и рисунки разныхъ художниковъ на сюжеты, взятые изъ сочиненій Шевченка, и, наконецъ, въ XVIII главѣ указаны рисунки и фотографіи съ сюжетами, относящимися къ Шевченку (какъ, напримѣръ, виды могилы его, рытье этой могилы, привозъ тѣла его въ Кіевъ).

Мы сочли нужнымъ подробно указать содержаніе каталога—въ виду того, что изданіе это не предназначено для продажи. Много нужно было имѣть любви къ предмету, много труда и энергіи употребить для того, чтобъ составить это описанное въ каталогѣ собраніе, которое настолько многочисленно, что само по себѣ представляетъ нѣкоторымъ образомъ цѣлый Шевченковскій музей.

Обозрѣвая не одинъ разъ это собраніе, мы находили, что въ немъ недостаетъ одной картины. Въ семидесятыхъ годахъ недавно скончавшемуся художнику К. А. Трутовскому, о которомъ мы говорили въ апрѣльской книгѣ Кіевской Старины, пришла счастливая мысль написать картину—«Шевченко на берегу Днѣпра». Она была написана въ большихъ размѣрахъ и, къ сожалѣнію, была продана, какъ продавались многія картины Трутовскаго, не побывавши ни на одной выставкѣ, причемъ художникъ даже не успѣлъ сдѣлать снимковъ съ нея, чтобъ помѣстить ихъ въ какихъ нибудь иллюстрированныхъ изданіяхъ. Поэтому, картина эта, попавши въ собраніе, недоступное для обозрѣнія, осталась вовсе неизвѣстною публикѣ. А между тѣмъ Шевченко надъ Днѣпромъ, который онъ такъ любилъ и такъ часто воспѣвалъ въ чудныхъ стихахъ, къ которому рвался душою изъ далекой чужбины, надъ которымъ онъ мечталъ поселиться и потомъ надъ нимъ же желалъ быть похороненнымъ—это такая много говорящая, такая благодарная (хотя не легкая) тема, что сама просится въ картину, для которой самое подходящее мѣсто было бы въ собраніи В. В. Тарновскаго.

Мы упомянули выше, что замѣтили въ разсмотрѣнномъ каталогѣ нѣкоторые пропуски. Одинъ изъ нихъ не важный: въ XVI главѣ каталога, въ которой перечислены извлеченные изъ разныхъ журналовъ и книгъ, различнымъ образомъ воспроизведенные снимки съ

картинъ и рисунковъ Шевченка, не указаны тѣ имѣющіеся у В. В. Тарновскаго снимки съ рисунковъ Шевченка, которые, благодаря ему же, были помѣщены въ Кіевской Старинѣ и которые хорошо извѣстны нашимъ читателямъ. Другой гораздо болѣе существенный пропускъ, происшедшій очевидно отъ недосмотра, заключается въ томъ, что между художественными произведеніями Шевченка, описанными въ IV, V и VI главахъ каталога, не указаны самыя крупныя вещи, именно—картины Шевченка, писанныя масляными красками.

На эти картины указываетъ, между прочимъ, въ своей статьѣ, заглавіе которой мы выписали выше, В. П. Горленко, и такимъ образомъ въ этомъ отношеніи названная статья до нѣкоторой степени дополняетъ указанія каталога, представляя вмѣстѣ съ тѣмъ обозрѣніе художественной дѣятельности Шевченка и свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ автору художественныхъ произведеніяхъ его. Но пополняетъ эта статья означенныя указанія только до нѣкоторой степени, такъ какъ и въ ней указаны не всѣ находящіяся въ собраніи В. В. Тарновскаго картины Шевченка: именно, ихъ указано три, а у В. В. Тарновскаго имѣется четыре картины Шевченка, писанныя масляными красками.

Одна изъ этихъ картинъ представляетъ портретъ П. А. Кулиша въ молодыхъ лѣтахъ, другая изображаетъ «Катерину», оставленную своимъ милымъ. Третья картина, называющаяся «Пожилой малороссъ», какъ намъ разсказывалъ собиратель, была написана Шевченкомъ по заказу П. А. Кочубея, который, получивъ отъ В. В. Тарновскаго портретъ своего родственника и желая чѣмъ нибудь отдарить его, заказалъ Шевченку написать портретъ генеральнаго судьи Василія Кочубея, но, приступивъ къ исполненію заказа, Шевченко уклонился отъ задачи и вмѣсто портрета написалъ картину, изображающую типъ красиваго пожилаго малороссa, одѣтаго въ старинный костюмъ и не имѣющаго сходства съ Кочубеемъ. Наконецъ четвертая, не указанная въ статьѣ В. П. Горленка, картина представляетъ этюдъ сраженія козаковъ съ поляками.

Кромѣ картинъ, находящихся въ собраніи В. В. Тарновскаго, уважаемый авторъ статьи «Шевченко-живописецъ и граверъ» указываетъ двѣ картины Шевченка, писанныхъ масляными красками, именно: собственный портретъ художника, находившійся у В. М. Лазаревскаго, и картину «Пасѣчникъ Рудый Панько», находящуюся у А. М. Лазаревскаго. Къ этому мы можемъ добавить, что видѣнный

В. П. Горленкомъ у В. М. Лазаревскаго собственный портретъ Шевченка есть повтореніе того портрета, который выставлялся на одной изъ академическихъ выставокъ (кажется 1860 г.) и былъ пріобрѣтенъ великою княгинею Еленою Павловною, и что, кромѣ означеннаго повторенія этого портрета, В. М. Лазаревскому принадлежалъ еще одинъ портретъ, писанный Шевченкомъ масляными красками, именно г-жи Л. И. Зотовой, который въ настоящее время принадлежитъ младшему сыну В. М. Лазаревскаго.

Кромѣ того, намъ случалось видѣть еще одну картину Шевченка, писанную масляными красками: она изображаетъ малоросса, сидящаго у хаты на присьбѣ. Прежде картина эта принадлежала С. С. Гулаку-Артемовскому, отъ котораго перешла къ М. М. Лазаревскому, а теперь она находится у его племянницы г-жи О. Ф. Лазаревской (въ дер. Побиванкѣ, гадяцкаго уѣзда). Изъ всѣхъ видѣнныхъ нами картинъ Шевченка, писанныхъ масляными красками, эта картина понравилась намъ больше другихъ; но, видѣвши ее давно, въ шестидесятыхъ годахъ, мы затрудняемся сравнивать ее съ тѣми картинами, которыя пришлось увидѣть чрезъ промежутокъ времени болѣе, чѣмъ въ 25 лѣтъ.

Отъ художника В. Д. Орловскаго мы слышали, что 1860 году онъ видѣлъ у Шевченка, кромѣ вышеупомянутаго собственнаго портрета его, еще другіе портреты, писанные имъ масляными красками, изъ которыхъ помнитъ портретъ бывшей невѣсты его и не вполнѣ оконченный портретъ Жемчужникова (вѣроятно, Льва М.); гдѣ именно эти портреты находятся въ настоящее время—не знаемъ. Изображеніе упомянутой невѣсты было помѣщено въ «Пчелѣ» (1878 г. № 2), но этотъ снимокъ сдѣланъ съ рисунка Шевченка, а не съ картины, писанной масляными красками.

Снимки съ офортовъ Шевченка, находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго, были изданы имъ же въ видѣ особаго альбома, о которомъ въ Кіевской Старинѣ (1891 г. № 6) была помѣщена замѣтка г. В. Г.; снимки съ рисунковъ Шевченка помѣщались въ Пчелѣ и Кіевской Старинѣ; съ картинъ же Шевченка, писанныхъ масляными красками, за исключеніемъ его собственнаго портрета, на сколько намъ извѣстно, не было издано никакихъ снимковъ, о чемъ конечно нельзя не пожалѣть.

Между работами Шевченка, какъ иллюстратора, перечисленными въ статьѣ В. П. Горленка (рисунки къ книгамъ Н. Полеваго: «Исторія князя Италійскаго графа Суворова—Рымникскаго» и «Русскіе

полководцы» и одинъ рисунокъ къ повѣсти Квитки «Знахарь» въ альманахѣ «Наши, списанные съ натуры русскими», не указанъ рисунокъ къ повѣсти Г. П. Данилевскаго «Хуторянскіе друзья» въ Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ (Спб. 1858 г. 4°), названный: «Чумакъ Омелько Брусъ»; но, кажется, что это—тотъ самый рисунокъ, который украшалъ повѣсть Квитки; не имѣя въ настоящее время подъ рукою обоихъ изданій, не можемъ сравнить ихъ. Кромѣ этого рисунка, напечатаннаго съ подписью Шевченка, повѣсть Данилевскаго сопровождаютъ еще шесть рисунковъ, изъ которыхъ два имѣютъ подпись: «Р. Жуковскій», а четыре остальныхъ («Степь», «Бакша») «Арба съ двумя волами» и «Этютъ малороссійскаго пейзажа») напечатаны безъ всякой подписи; кому принадлежатъ они—не извѣстно, но, во всякомъ случаѣ, Шевченку не можетъ принадлежать послѣдній рисунокъ, представляющій «малороссійскій пейзажъ» въ такомъ видѣ, что его можно принять скорѣе за альпійскій или кавказскій пейзажъ, чѣмъ малороссійскій.

Изложенными замѣтками мы хотѣли дополнить заключающіяся въ каталогѣ В. В. Тарновскаго и въ статьѣ В. П. Горленка указанія на художественныя произведенія Шевченка. Пожелаемъ, чтобъ изданіе, начатое первымъ выпускомъ, уважаемый собиратель продолжилъ описаніемъ прочихъ отдѣловъ своего собранія и довелъ это предпріятіе до конца, и чтобъ другіе обладатели картинъ и рисунковъ Шевченка, подобно В. В. Тарновскому, опубликовали подробныя описи своихъ коллекцій,—чтобъ такимъ образомъ со временемъ можно было привесть въ полную извѣстность всѣ художественныя произведенія Шевченка, разбросанность и неизвѣстность которыхъ затрудняютъ возможность съ увѣренностью высказать окончательное заключеніе о значеніи Шевченка, какъ художника. **Н. Ш—въ**

Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г. апрѣль и отдѣльно стр. 46.

Въ декабрѣ 1891 г., но, главнымъ образомъ, въ январѣ 1892 г. въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи появилось своеобразное религіозное движеніе, названное *Малеванщиной*, по имени таращанскаго мѣщанина Кондратія Малеванаго. Въ виду того, что движеніе это стало быстро распространяться, противъ него были приняты

административныя мѣры и назначена особая коммиссія для изслѣдованія, въ составъ которой вошелъ и проф. Сикорскій.

По словамъ его, движеніе внѣшнимъ образомъ проявляется въ томъ, что малеванцы оставили свой обычный образъ жизни, продали имущество, отказываются отъ работы и живутъ въ веселомъ настроеніи духа, ожидая со дня на день наступленья страшнаго суда. Потребность ихъ—собираться массами и предаваться порывамъ психическаго возбужденія, которое сопровождается галлюцинаціями и судорогами. Все это даетъ возможность проф. И. А. Сикорскому считать движеніе болѣзненнымъ и видѣть въ немъ *психопатическую эпидемію* на подобіе тѣхъ, которыя извѣстны уже медицинской наукѣ въ видѣ пляски св. Вита, св. Іоанна, тарантизма, квіэтизма и т. д.

Изслѣдуя болѣзненныя явленія малеванцевъ, авторъ дѣлитъ ихъ на три вида: квіэтистовъ, истерическихъ субъектовъ и параноиковъ, и въ доказательство своей мысли приводитъ нѣсколько примѣровъ—исторій болѣзней лицъ, находившихся у него на излѣченіи. Сложность психологическаго броженія, говоритъ проф. Сикорскій, предполагаетъ и сложность вызвавшихъ ее причинъ. Такими причинами, по мнѣнію его, были: появленіе штундизма, одностороннее направленіе грамотности, отсутствіе вліянія на народъ культурныхъ классовъ, присутствіе въ его средѣ параноиковъ, крымская война и сильное развитіе алкоголизма.

Въ заключеніе авторъ называетъ намъ административныя мѣры, принятыя противъ малеванщины, признавая ихъ вполнѣ соотвѣтствующими требованіямъ медицинскаго способа лѣченія подобныхъ эпидемій, предложеннаго Эскоролемъ, и заканчиваетъ свою статью словами: «малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, объ улучшеніи образованія и санитарныхъ условій»—словами, какъ то мало вяжущимися со всѣмъ остальнымъ одностороннимъ изученіемъ малеванщины, какъ исключительно психопатическаго явленія, почти лишеннаго всякой идеи.

Вообще, нужно сознаться, статья г. Сикорскаго производитъ странное впечатлѣніе и вызываетъ массу недоумѣній. Авторъ напримѣръ, нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился ни объ условіяхъ, въ которыхъ онъ производилъ свои наблюденія, ни о мѣстахъ этихъ наблюденій. У читателя, поэтому, возникаетъ вопросъ, какія собранія наблюдалъ г. Сикорскій, когда собранія ихъ были запрещены раньше, чѣмъ коммиссія производила свои изслѣдованія; могли ли при такихъ обстоятельствахъ малеванцы относиться съ довѣріемъ

къ г. Сикорскому и можно ли вполнѣ, поэтому, довѣрять матеріалу, полученному имъ изъ разспросовъ малеванцевъ?

Во вторыхъ, при изслѣдованіи массовыхъ явленій г. Сикорскій совершенно избѣгалъ точнаго статистическаго метода; вслѣдствіе этого невозможно составить себѣ представленія ни о количествѣ малеванцевъ, ни о числѣ ихъ, подверженномъ тѣмъ или инымъ формамъ заболѣванія.

Въ третьихъ, изслѣдованіе малеванщины произведено крайне односторонне. Хотя г. Сикорскій и говоритъ, что это «вопль народа», но идейную сторону движенія онъ почти совсѣмъ игнорируетъ, а потому намъ совсѣмъ не ясны и причины, указываемыя авторомъ. Особенность автора—указывать причины, не приводя ихъ ни въ какую связь съ слѣдствіями.

Какія, напримѣръ, у г. Сикорскаго основанія считать, что штундизмъ имѣлъ первенствующее значеніе на появленіе и развитіе малеванщины? Въ чемъ проявилась въ малеванщинѣ односторонность народной грамотности, отсутствіе вліянія культурныхъ классовъ на народъ, присутствіе параноиковъ и т. д.? Почему крымская война является причиной малеванщины, а не венгерская 1849 года, а не тотъ строй, въ которомъ жилъ народъ до 1861 г.?

Почему алкоголизмъ считается причиной малеванщины? Доказано-ли профессоромъ Сикорскимъ, что разстройство организма у нихъ произошло отъ большого потребленія спиртныхъ напитковъ самими малеванцами или ихъ родителями?

Вообще мнѣнія г. Сикорскаго относительно малеванщины отличаются въ большинствѣ случаевъ парадоксальностью и требуютъ подтвержденія реальными фактами, которыхъ, къ сожалѣнію, авторъ даетъ намъ очень мало, отдѣлываясь въ большинствѣ случаевъ простыми разсужденіями. Характернымъ образчикомъ сказаннаго можетъ служить слѣдующее, напр., мѣсто изъ статьи г. Сикорскаго: «во время повальныхъ судорогъ, говоритъ онъ, эти судороги, равно какъ и другія истерическія проявленія носятъ у однихъ лицъ *несомнѣнный* (?) *характеръ самостоятельности*, а другихъ они являются *путемъ внушенія и подражанія*, какъ въ гипнозѣ, и, наконецъ, у нѣкорыхъ они *просто симулированы* въ цѣляхъ полученія ореола избранника, на котораго сошелъ св. Духъ» (стр. 15). Гдѣ же доказательства всему этому, гдѣ реальные факты?

Все это заставляетъ насъ поставить большой вопросительный знакъ по поводу результатовъ изслѣдованія г. Сикорскаго.

Н. В.

по аттестату штапъ лѣкара Бриля, болше 30. Передъ обѣдомъ дядко панъ Федоръ былъ, а обѣдали со мною панъ Чуйкевичъ и Якубовичъ, а по обѣдѣ былъ Тарнавіотъ. Писалемъ писмо до доктора обширне, описуючи болѣзнь свою давную и послалемъ оное черезъ Гаврила слугу.

Понедел. 28. Гаврилу далемъ денегъ въ росходъ 10 р. Обѣдалемъ самъ зъ Якубовичемъ. День мнѣ сей противъ прежнихъ свободнѣйший бувъ и ночъ миношедша. Преставшійся шавтбенахтъ похованъ въ церквѣ Рождест. Прест. Б-ци архиереемъ здешнимъ при великой публѣцѣ и тройномъ зъ дробного оружа стреляниу, а чрезъ весь той часъ, якъ началася и окончилася погребу церемонѣя, стреляно порознь зъ шести пушекъ, на яхтѣ будучихъ.

Вовтор. 30. Сегодня рано посѣщалъ мене полковникъ Дебриней, пріехавшій зъ Сулаку, которій сказивалъ: 1) что князь Долгорукій самъ пошелъ зъ корпусомъ до Дербенту, 2) а корпуса всего будетъ на 7000; 3) комендиромъ главнимъ надъ корпусомъ пошолъ полковникъ Еропкинъ, 4) генералъ Кропотовъ въ Астрахань будетъ, 5) синъ его старшій Никита пожалованъ прапорщикомъ. Телса обосл. вишневки бариломъ, другимъ ренского, 10 бутилокъ вина домашнего и фаскою масла. Якубовичъ захоровалъ на фебру, передомъ его знобившую, а потомъ у жаръ вкинувшую. Докторъ Телсъ воспріялъ путь себѣ зъ Астраханѣ въ Ярки, а оттуда въ Дербентъ. Ночь противъ сегодня тяжела была, а день свободній мнѣ.

Середа. 31. Ночь противъ сегодня была мнѣ зъ жаремъ, обѣдалъ со мною Якубовичъ, а въ день пришолъ къ мнѣ Тарнавіотъ, которіе и ночовали со мною, а въ день полковникъ Дебриней посѣтивши мене, отехалъ. Алексѣй слуга, Мартинъ кучеръ и Іванъ машталѣръ пріехали зъ Сулаку и привезъ съ собою взятихъ: Алексѣй грошей 68 р. 20 а., а отъ Демяна 100 р. Пилъ я полинное вино зъ порохомъ и лексовало мене зъ 6 разъ и уриною гнало жестоко до полночи.

Сентевр. мѣсяцъ. Четвер. 1. Сегодня рано крещена одна моя татарка Марія, въ церквѣ ст. Николая, ключаремъ архиерейскимъ,

воспріемникомъ я былъ, а воспріемницею жена губернского секретара Толмачова, она жъ мнѣ дала мѣшечокъ и платокъ, а ей далъ 3 червонныхъ. Оттуду заездилемъ до Миклашевскихъ, а оттуду у свою квартеру, где и обѣдалемъ зъ Якубовичемъ и Платономъ. Кровь зъ медіяни пускалемъ, а зъ головной хочай дважди рубано, не пойшла.

Пятокъ. 2. Сегодня рано крещена другая татарка моя Матрона, въ той же церквѣ, тимъ же попомъ, воспріемникомъ я былъ, а воспріемницею жена Івановского Марфа, она мнѣ дала тожъ мѣшечокъ и платокъ, а я далъ ей 3 червонныхъ. Обѣдалемъ у себе зъ Якубовичомъ, а по обѣдѣ ездилемъ до Миклашевскихъ и тамъ игралемъ у карти зъ виграшомъ 15 а. Вѣжевскій заболѣлъ. Гаврилу на расходъ далемъ 7 р., а у Вѣжовского взялъ 2 р.

Субота. 3. Сегодня обѣдалъ я самъ, а панъ Якубовичъ по полднѣ реляцію принюсъ взятого Гиспогану Мирвейсовимъ синомъ Магмутомъ Авганомъ, о чомъ потомъ будетъ если здоровъ буду и Господь восхощетъ. Гаврилу розними часи видалемъ денегъ на...(?) 130 р., на що онъ и, картою сегодня мнѣ данною, росписалъся. Залюбовскій род. денги за гор. взятіе, принюсъ ко мнѣ 540 р. Князя Долгорукова племѣнники сегодня виехали ко князю въ Дербенъ, которихъ опроважали Матюшкинъ и губернаторъ Фоменгдинъ.

Неделя. 4. Сегодня по ночной алтераціи, особливую ощутилемъ слабость. У Тройци былемъ на службѣ Божой, а по службѣ ездилемъ за Кутумову до п. Федора дядка, зъ Якубовичемъ, и тамъ обѣдалемъ; повернувшись оттуду, засталемъ Федора Чуйкевича въ своей квартирѣ, которій сказовалъ, что Савичи, зъ Сулаку вмѣсто болнихъ отпущенніе, пріехали сюда въ Астрахань и что и другіе по нихъ будутъ же отпущенни, и что Федоръ Сулима померъ августа 25 въ Сулаку, въ якомъ числѣ и описанъ. Михайло Афанасіевичъ Матюшкинъ, генералъ лейтнантъ, по указу къ себѣ присланномъ, виехалъ зъ Астраханѣ въ П.-бурхъ, на которого отездъ изъ пушокъ стреляно. Такъ же, туда жъ, поехалъ, позванъ указомъ синодскимъ, и епископъ Горка. Въ день до вечера 9 sedes имѣлемъ незнать зъ якой причини, а завчасу алтерація по полднѣ прийшла мнѣ.

Понеделокъ. 5. Сію ночъ легшую противъ прежнихъ имѣлъ, а обѣдалъ зъ Якубовичомъ. Гуслѣету, при Матюшкину генералу бывшого, а оставшого при паспорту, принялемъ до себе.

Вовторникъ 6. Сію ночъ зъ алтераціею имѣлъ я, обѣдалъ я зъ Якубовичемъ и Тарновіотомъ, а межи обѣдомъ приходили Чуйкевичъ, Жоравко и Дорошенко и, позабавившись, отъехали. Мартинъ слуга мой, хоровавшій на диссентерію болше трохъ мѣсяцей, преставилъся, которого въ церковъ Ілія святого перенесли на ночъ слуги.

Середа. 7. Сегодня Мартинъ погребенъ нашимъ попомъ отцемъ Павломъ, при пѣніи нашомъ. Обѣдали у мене отецъ Павелъ, Тарновіотъ и Якубовичъ, да опознились затимъ, что солдати отъ пороху государева приходили залили огонь, людей били и ихъ въ шіи вибили, и потомъ сатисфакцѣя учинена. Ундеръ офѣцеръ зъ Сулаку пріехалъ и былъ у мене, а сказивалъ, что Кропотовъ генералъ отпущенъ зъ Сулаку въ Москву и будетъ скоро въ Астрахань, а Шереметеву тамъ быть и что болніе бунчуковіе вскорѣ сюда будутъ.

Рождест. Прст. Б-ци. Четверъ. 8. Сегодня никуда я не виходилъ, а въ ночѣ по прежнему имѣлъ алтерацѣю. Кочубей пріехалъ зъ Сулаку. Вимѣрали куеи, въ якихъ горѣлка будетъ въ 1) 43 ведра безъ осмухи, а въ 2) 40 вѣдеръ ровно. Пріехавшій вновь зъ болними сотникъ наказн. Глинскій зъ Дербенту, бувъ у мене и сказивалъ, что болше полъ 3 неделѣ ехалъ моремъ и что Фонлукей поехалъ до Румянцова.

Пятокъ. 9. Сеей ночи такой же, толко легкій, имѣлъ пароксисмъ. Архипъ за гор. проданную принюсъ грошей 122 р. съ полтиною, срѣбнихъ 70 р. съ полтиною, а мѣднихъ 52 р. Коня полового купилемъ у колмикъ за 5 р. и 20 а. Гаврилови на росходъ далемъ 10 р. На вомѣти по 5 gran. принималемъ tr. emet., а вамѣтовалъ 4 раза. Дебриней посѣщалъ мене и посидя доволно отехалъ.

Субота. 10. Залюбовскій приносилъ реестръ росходу род. гор. 22 куфъ, за которую у него 656 р. и 4 гривни. Обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ, ночъ мнѣ, за стомахъ постній, тя-

жела была. Сегодня у вечеру надѣлъ я себе паука въ орѣшинѣ.

Неделя. 11. Сегодня обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ, а по обѣдѣ однаково прийшла мнѣ по прежнему алерацѣя. Стефанъ Бутовичъ пріехалъ зъ Сулаку и сказовалъ, что будто князь Долгорукій зъ корпусомъ за 5 день сталъ у Дербенту зъ Сулаку, и что оставшіеся всѣ бунчуковіе въ Сулаку сюда ѳдутъ. Ночовалъ я самъ, а Якубовичъ и Тарновіотъ особливе на своей квартирѣ. Генерала порутчика Штамфа команда маршъ воспріяла отсюду до Ярковъ, а оттоль на Куру.

Понеделокъ. 12. Сегодня обѣдали у мене Тарновіотъ и Якубовичъ. По прежнему ночъ имѣлемъ зъ легкою алерацѣею. Алексѣй зъ Гавриломъ сторговали у Процка гор. куфу по 44 р. Залюбовскій принюсъ реестръ насипаннимъ зде 8 куфамъ горѣлкою моею простою, зъ которихъ 1-я имѣетъ вѣдеръ государевихъ 40, 2-я, 43 безъ осмухи, 3-я—вѣд. 40, 4-я—вѣд. 40 зъ четвертю, 5-я—вѣд. 41, 6-я—вѣд. 42, 7-я—вѣд. 41 и пол., 8-я—43 и пол., итого всѣхъ 333 и осмуха. Якубовичъ захоровалъ и сповѣдался. Самъ генералъ Штафъ рушилъ въ путь свой до Кури.

Вовтор. 13. Сегодня ходилъ я до Якубовича рано посѣщать, которому лутше стало, а мнѣ ночь зъ малимъ сномъ была и зъ алерацѣею. Сегодня дважди порошокъ бѣлій принималъ, а кухара улѣчилъ отчасти puto contra casu. Гаврилу на гверсъ (?) далемъ еще 70 р., и того всѣхъ—200 р., въ чомъ и росписался.

Середа. 14. Сяя противъ середи ночъ легшая была, але передъ свѣтомъ голова тяжко болѣла, а въ день алерацѣя тяжкая была до ночи, а обѣдалисмо зъ Тарновіотомъ и отцемъ Павломъ. Пашпортъ получилъ Залюбовскій ехать ему домой зъ татарками. Архипъ бувъ тутъ и говорилъ, чтобъ на пріидучую весну вислать зъ поданихъ Дуплоногового сина Івана, и Федора Ларченка, а Ігнату Володченку назадъ повернутись. Залюбовскій принюсъ гор. оковитой 5 куфъ, зъ которихъ въ 1-й, вѣдр. 40, во 2-й, вѣдр. 40 и полъ 3, въ 3-й, вѣд. 40 и полъ 4, въ 4-й, вѣд. 41, въ 5-й вѣд. 40, итого въ 5-ти, вѣдеръ 207.

Четвер. 15. Противъ сего дня ночъ не совсѣмъ тяжела была, такожде и день, толко печунка вновъ начала подпирати мнѣ правий бокъ. Обѣдалемъ у ночѣ по інформацѣи лѣкара. Архипъ и Юрченко были передъ мною, Юрченко сказалъ, что еще не доправилъ 30 р. на людяхъ въ Сулаку за табакъ и гор., задолжившихся.

Пятокъ. 16. Сяя ночъ тяжела была мнѣ, а день постомъ пройшолъ при легкой алтерацѣи. У Архипа пересмотрѣлъ рэестровъ, зъ которихъ всѣхъ у его есть 51, а зъ межи нихъ облѣковъ 11, въ которихъ суми всей 456 р. и 27 а. коп. 1 и 20 четвер. жита глуховскихъ безъ пол. четвер., да оставилъ же онъ у мене облѣкгъ на полчанъ лубенскихъ, задолжившихся на 618 зол. и 7 ш. Бремера лѣкара употребилемъ. Были у мене Чуйкевичъ, Жидковъ, Дубувскій пяній. Позвозили зъ монастира провіянтъ мой.

Субота. 17. Сегодня легше было мнѣ противъ другихъ и конфектъ отъ Бремера заживалъ, потѣлъ и узваръ зъ сенесомъ кушалъ, которій злегка ляксовалъ. Бывшому моему лѣкару Фету отослалемъ 5 таляр. битихъ. Залюбовскому денги род. за гор. проданную отдалемъ, якихъ всѣхъ и зъ тими, що у его, будетъ на 600 р. безъ чогось малого. Архипу далемъ 20 р. до дому женѣ моей. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, зъ Дербенту пріехавшій, былъ у мене.

Неделя. 18. Сяя ночъ и день противъ прежнихъ были мнѣ легшіе. Обѣдалъ я, а со мною Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, Тарновіотъ и Якубовичъ, а по обѣдѣ пріѣхалъ Миклашевскій Андрѣй и Панченко, и играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ. Архипъ пересипалъ куеу оковитой, же стала текти, въ другую болшую куеу, въ якую надъ тую горѣлку присипали 4 вѣдерки, итого теперъ гор. оковитой вѣд. 211.

Понедел. 19. Сегодня обѣдалъ я и со мною сожителѣ. Архипу далемъ на дорогу 18 р. У Гаврила взялемъ два облѣкга отъ смѣлянского и лукомского сотн. наказ., данніе за холстъ, а суми въ нихъ 10 р. и 11 а., 2 копѣйки.

Вовтор. 20. Сегодня обѣдали со мною сожителѣ и п. Федоръ дядко, и Павелъ Раковичъ. Облѣкги оніе, отъ Гаврила взятіе вчо-

райшого дня, отдалемъ Архипови, а такъ въ всѣхъ облѣкгахъ Архипового завѣдованія всѣхъ грошей 467 р. и 6 а. Отправилемъ ва Украйну, въ домъ Залюбовского, Архипа, Дмитренка и двохъ дѣвокъ татарокъ и двохъ мужиковъ, зъ Залюбовскимъ пріехавшихъ; Архипу далемъ писмо до жени о денгахъ зъ нимъ посилаючихся и облѣкгахъ, где и реестръ, що сюда присилать, о чомъ зде есть реестрикъ, и другій листъ до господаря Новѣцкого. А Залюбовскому далемъ до род., родителки и жени о висилцѣ виправи etc., до ясневел. о писанню о мнѣ черезъ п. Михайла въ С.-П-бурхъ, до брата Семена, до п. Михайла, до полков. ахтир., где включенъ листъ и до князя Михайла Михайловича (Голицына) зъ прошеніемъ о себѣ. Але оніе сегодня не поехали, а удержались до завтрейшого дня. Трохима слугу родителского удержалемъ при себѣ. Полковникъ Дебринеи посѣщалъ мене. Гаврилови далемъ на гвер. (?) 85 р. въ чомъ и росписался. Отъ Холодовича, сотника воронѣжского, извѣстилемся, что: 1-mo, Румянцовъ пріехалъ въ Шамаху боленъ, куда позванъ отъ его и полковникъ фонъ Лукей, для полѣченія ему комисѣи, але знову пріймолъ къ себѣ; 2-do, турецкого войска зъ 15000 въ Шамасѣ при комисареви турецкомъ, але много оного уже померло; 3-tio, корпусъ нашъ пошолъ зъ Еропкинымъ до Баки и зъ нимъ бунчуковіе всѣ, віймовшіи зъ нимъ зъ Сулаку, толко въ Дербентѣ остался Григор. Шаргородскій боленъ; 4-to, царь Грузинскій былъ въ Дербентѣ, которого въ церквѣ князь Долгорукій опасалъ кавалеріею ст. Апостола Андрея и отпустилъ въ Гилянъ, а и самъ князь якобы мѣлъ ѣхать туда жъ вскорѣ. Дѣвкамъ отездного далемъ по рублю.

Середа. 21. Сегодня Залюбовскій съ товарищи своими путь воспріяли въ Царицинъ etc. Пашпортъ въ Сулакъ Алексѣеви данъ отъ губернатора. Ночъ мнѣ тяжела была затимъ, что имѣлъ sedes 8 и въ день слабъ былъ. Полянскій Любимъ Сав. посѣщалъ мене и въ вечеру пяній Элснеръ. Чаю фунтъ Миклашевскій Стефанъ купилъ мнѣ за 2 р.

Четвер. 22. Сегодня обѣдали со мною сожителѣ, Чуйковичъ и Холодовичъ, сотникъ. Пароксисмъ имѣлемъ тяжшій отъ другихъ

дней. Алексѣй доносилъ, что куфу оковитой водки переточили въ другую мало меншую, въ якую не влѣзло 4-хъ вѣдеръ, якіе сюда на квартеру онъ прислалъ, а такъ гор. оковитой домашней не 211, але 207 вѣдеръ.

Пятокъ. 23. За гор. Процку 6 куфъ заплатилемъ по 44 р. итого 264 р.

Субота. 24. Извѣстно учинилось, что п. Михайло зъ Царицина 3-го сент. отехалъ. Ездилемъ судна смотрѣть, оттоль до Миклашевскихъ, гдѣ пароксисмъ началъ быть, зъ которимъ и въ домъ пріехалемъ, и тяжко оній отправился черезъ потъ. Посѣщали мене князь Урусовъ и секретарь морскихъ дѣлъ.

Неделя. 25. Ночь мнѣ легшая была; обѣдали со мною сожителѣ. По обѣдѣ былъ Іванъ Себестіяновичъ, новопріѣхавшій зъ Сулаку, зъ которимъ и другихъ бунчуковыхъ 9 чловѣка и чернь пріехали. Алексѣеви далемъ задатку за бусу, за гор. 19 куфъ, половину денегъ 12 р., а особливе 1 р. Пилъ я передъ порошкомъ вино полинное зъ порохомъ, однако жъ безъ ползи. Читали указъ и книгу о правдѣ воли монаршей въ наслѣдіи. Кулику на расходъ далемъ 5 р.

Понеделокъ. 26. Сей день легшій былъ мнѣ, поневажъ лихоратки не слихалемъ. Алексѣеви далемъ на дорогу два р. и кучеру 2 р. Покотило Василь[1]) былъ у мене на квартерѣ, пріехавшій зъ Сулаку ново. Сегодня Алексѣй зъ кучеромъ на суднѣ отпустился, въ путь свой, а при нихъ всеей водки 19 куевъ, 8 простой, а въ нихъ вѣдеръ 333 и осмуха, оковитой домашней 5 куевъ, а въ нихъ вѣдеръ 207, купленной 6 куевъ, въ которихъ надѣятись вѣдеръ 250, а такъ оковитой, 457, всеей 790 вѣдеръ. Черезъ Алексѣя жъ писалемъ до Демяна о пріемѣ оной горѣлки, и чтобъ дешевше простой отъ полтора рубля не продавалъ, а оковитую висше двохъ рублей, или мѣшать якъ заб...(?) усмотритъ; да еще жъ писалемъ, чтобъ готовіе денги Алексѣеви отдалъ, якіе суть, и чтобъ

[1]) Вас. Покотило по происхожденію былъ турченокъ, взятый Мазепою въ плѣнъ съ матерью и братомъ; онъ былъ потомъ (1728—743)—Бахмацкимъ сотникомъ.

люде при ему будучіе одѣжни были и чтобъ писалъ часто, а писма свои вручалъ п. обозному прилуцкому, о чомъ и до его писалемъ. просячи о всякомъ имъ помоществованіи, буде востребуютъ люде мои. А Алексѣеви приказъ данъ въ 6 пунктахъ ко исправленію.

Вовтор. 27. Сей день таковъ же былъ и лихоратки неслихалъ. Атаманови смѣловскому позичилемъ грошей 8 р. Мозуровъ 4-хъ чловѣка, сидѣвшихъ у вязенню за бусу мою, принялемъ знову на службу подъ тимъ уговоромъ, чтобъ имъ годъ служить, а кормить ихъ отъ апр. м-ця, а до апр. черезъ зиму самимъ кормить. Обѣдали у мене сожителѣ, да Трощинскій, ново зъ Сулаку пріѣхавшій, и Дорошенко. Сію ночь въ избѣ ночовалемъ.

Середа. 28. Сей день также легокъ мнѣ былъ, а посѣщали мене п. Федоръ дядко и Раковичъ. Купили мнѣ имбрикъ глиняній на примѣръ фарфорового. Кулику Остану на росходъ далемъ грошей 10 р. на задатки Мозурамъ 26 р.

Четвер. 29. Сегодня болѣзновалемъ тяжко на горло, а обѣдали со мною Бремеръ и отецъ Павелъ. Купили мнѣ коберець (коврикъ), на столикъ, маленькій обрусъ и ручникъ китайскіе. Ездилемъ до губернатора, потому что онъ по мене присилалъ, того ради, же вчорайшого дня пріехалъ знакомий мнѣ отъ генерала Румянцова, Федоръ Ушаковъ, зъ которимъ повидѣвшись, увѣдомилемся, же Румянцевъ въ Дербентѣ, а корпусъ нашъ въ низовой и комменду имѣетъ Саймановъ, а Еропкинъ въ Дербентѣ жъ. Черезъ оного Ушакова писалемъ въ С. П.-бурхъ до Івана Петровича Толстого и до преосвященного Прокоповича о себѣ. У вечеру тяжкая на жолудокъ болѣзнь припала мнѣ.

Пятокъ. 30. Сегодня посѣщали мене дядко п. Федоръ и Рощаковскій. Кандиба и многіе бунчуковіе товарищи, отъ болезни оставленъніе въ Сулацѣ, пріехали сегодня сюда въ Астрахань. 10 р. далемъ на росходъ Кулику, якіе мѣетъ отъ Якубовича отобрать, записавши у себе, на що онъ зъ тихъ грошей употребилъ.

Мѣсяць октовріі. Субота. 1 Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ мене Василь Савичъ. Бремеръ у вечеру былъ у

мене и принюсъ зъ собою конфектъ ляксуючихъ и пѣлули по рецепту Быдлова въ здешней аптецѣ здѣланніе.

Неоеля. 2. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщали мене Богдановъ канцеляристъ и Жидковъ. Отъ Демяна получилемъ листъ, 2-го сент. писанний, что разорили курѣнь нашъ зъ протчіими, что ради толко онъ 4 кулѣ тютюну продалъ за 21 р.

Понеделокъ. 3. Сегодня у ночи алтерацѣю великую имѣлемъ съ горячкою. Писалемъ черезъ Уласа на Башмаковку до Алексѣя отвѣтъ, писанний къ Демяну на писмо его, где и то приложилемъ, чтобъ надзирателевому брату Хомунскому сало и горѣлки вѣдро видалъ.

Вовтор. 4. Сей день мнѣ былъ тяжкій, поневажъ черезъ увесь день была алтерація.

Середа. 5. Сей день легшій былъ мнѣ, поневажъ уступила алтерація. У лазнѣ мился. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, приходилъ ко мнѣ жекгнатися (прощатися). Степанъ Назаревичъ смѣлянскій наказний, принюсъ карту на 8 р., позиченнихъ 27-го септевр. ему отъ мене. Купилемъ сукно себѣ на гусарку арш. 4 по 8 зол., итого 6 р. и 4 грив.

Четвер. 6. Сегодня коней 3-хъ отдалемъ козакамъ полку лубенского за 25 р., зъ якихъ после одного отобралемъ (зри 8 число пч. 1). Посѣщалъ мене Андрей Миклашевскій и Завадовскій, которій сказовалъ, что въ Сулаку терковскимъ козакамъ опредѣлено жить въ старой крѣности и где базаръ бувъ и тутъ терчане строятся. Процко п. Михайла принюсъ денегъ 300 р., а я червонних 14 обминялъ своихъ.

Пятокъ. 7. Сегодня рано былъ у мене Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, которому я въ притомности п. Тарновіота отдалемъ п. Михайловихъ грошей отъ Процка вчора взятихъ 300 р. до отдачи ему; да ему жъ Холодовичу и листи далемъ до ясневел., брегадира, п. судіиной енер. и п. Михайла Скоропад.; особливе жъ ему далемъ писмо до него жъ писанное о моемъ інтерессѣ, взглядомъ роздачи грошевой на пашню Стар. (?) отъ Гл. (?). Іванъ машталѣръ мой преставился и погребенъ близъ Мартина.

Субота. 8. Сегодня рано принесли мнѣ козаки коровинскіе Лукянъ Лавринченко и отъ товарища своего Івана Гущи облѣкгъ на 18 р., якіе они должни мнѣ за 2 коней, за полового Лукянъ— 11 р., а за сивого Гуща 7 р. Кулику на росходи далемъ 10 р. Посѣщалъ мене у вечеру Николай Григорьевъ и Топянъ. Алексѣй слуга сегодня былъ у мене еще не отездилъ, которому вигрузитись приказалемъ.

Неделя. 9. Сегодня обѣдалъ я зъ Тарновіотомъ, Якубовичемъ и Голенковскимъ. Ночь мнѣ тяжела была и вомѣти имѣлемъ отъ нестравности. Смѣловскій наказный дербенской комаяди были у мене и пожекгнались, отездячи до дому. Штапъ лѣкаръ Бриль пріехалъ зъ Дербенѣ.

Понеделокъ. 10. Обѣдалемъ сегодня зъ Тарновіотомъ сожителемъ. Зрана почалъ дожчикъ ити, а у вечерѣ и въ ночѣ и великій ишолъ.

Вовтор. 11. Сегодня зъ Тарновіотомъ обѣдалемъ и Платономъ Ирнелинскимъ. По обѣдѣ ездилемъ до харковскаго полковника и Кочубея, у которого побувавши, повернулемся назадъ до своей квартири. Посилалемъ на Башмаковку Уласа, которій повернувшись сказалъ, что на куеи наши кулѣ покладени и Алексѣй отдалъ хазяину за судно половину денегъ.

Середа. 12. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Якубовичъ, по обѣдѣ тяжко вомѣтовалемъ. Гаврилу еще далемъ на твер. (?) 50 р. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, зъ комендою своею въ Дербентѣ на службѣ бывшою, воспріялъ свой путь ку домамъ на судахъ Волгою.

Четвер. 13. Сегодня сами кушалисмо у себе. По обѣдѣ посѣщалъ Кочубей.

Пятокъ. 14. Сегодня посѣщалъ я п. Федора, дядка, которий на слабость и твердость жолудка ускаржается. Листъ Федора Раковича, до отца его писанний 21-го сент. зъ Низовой, читали, въ якомъ пишетъ, что туда 1-го сент. прійшли, на другій день ездили зъ Еропкиномъ на встрѣчъ противъ Румянцова, и того жъ дня споткавши его близъ Старой Шамахи, повернулись въ лагеръ на

другій день; и что Федоръ Думитрашко, бунчуковий товаришъ, помер. сент. 28-го.

Субота. 15. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Юско Василченко. Ездилемъ до Дебринея полковника, который при разговорѣ показовалъ авизіи французскіе разніе, а между тими и такіе, что прошлого 725 году сент. мѣсяця, состоялся мирній трактатъ на 15 лѣтъ, между королями французскимъ, аглинскимъ и прускимъ, а въ якихъ пунктахъ неизвѣстно, толко бы имъ надсматривать, дабы въ имперіи римской и во всей Европѣ жадного не было помѣшательства и что Лящинскому, тестеви своему, король французскій опредѣлилъ домъ королевскій, кавалеркгардію и полкъ. У лазнѣ милемся. Королю нинѣшному французскому 17, а ей 24 лѣтъ.

Неделя. 16. Сегодня служби Божой у ст. Тройци слухалъ, а по службѣ посѣщалъ Стефана Миклашевского болного на фебру, оттуду зайшолъ зъ протчіими до Андрея Миклашевского, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ игралъ въ карти и виграл 1 р.

Понеделокъ. 17. Сегодня обѣдали у мене полковникъ харковскій, Кочубей, Андрей Миклашевскій, Панченко, Яковъ Новѣцкій, Трощинскій Андрей, Завадовскій, Якубовичъ и Тарнавіотъ, ради именинъ род.

Вовтор, 18. Сегодня обѣдалисмо сами и зъ нами Якубовичъ и Петракій. Гаврилу далемъ 24 р., а Кулику 10 р. на росходъ.

Середа. 19. Сегодня обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ ездилемъ до Полянского, зъ которого синомъ видѣлъся и оний говорилъ мнѣ, что 1, князь Голѣцинъ, фелтмаршалъ, стоитъ въ Харковѣ квартирою, а Вейзбахъ въ Полтавѣ, 2, на перемѣну пѣшимъ зъ Украини висилано сюда козаковъ.

Четвер. 20. Сегодня передъ обѣдомъ зъ Тарновіотомъ былисмо у судна, и обийшовши доволний кругъ, повернулись на обѣдъ до дому и обѣдалисмо, а по обѣдѣ ходили пѣши до обоихъ Миклашевскихъ и побувавши въ нихъ, повернулись пѣшо жъ до квартири своей.

Пятокъ. 21. Сегодня посѣщалъ насъ капитанъ Hagel. Писма до дому писалемъ о которихъ будетъ нижей.

Субота. 22. Сегодня обѣдалисмо сами. Гаврилу на судно далемъ денегъ 50 р. Вѣжевскій росходніе денги знову сталъ держати. Ночовалъ съ нами Чуйкевичъ Федоръ и въ лазнѣ мылись.

Неделя. 23. Сегодня обѣдалисмо у себе и зъ нами отецъ Павелъ, Зеленскій и Якубовичъ, а по обѣдѣ были Бремеръ, Новиковъ и Чуйкевичъ. Отправилемъ Кулика, Остапа и Семена Бардака въ домъ, а черезъ нихъ писалемъ: 1) до род., о прошеніи листа у князя Михайла Михайл., о посилаючомся барилѣ кавьяру и Кулиничова купчая; 2) до родителки привѣтъ, 3) до жени о посланнихъ денгахъ и листу черезъ Архипа о виправѣ, зсилаючись въ томъ на первіе писма черезъ Залюбовского, прилогъ еще що прислать, а именно: кагве окъ 2, ожинъ (ежевики), сливяной, ветшини и сушенихъ курей и индиковъ, ягодъ смаженихъ, сукна для слугъ каруну и тузѣнку, о присилцѣ стелмаха, о неприсилцѣ бандури, о посилцѣ воловъ въ Гданскъ; да приложени жъ облѣкги: 1) отъ Федора Палашенка и Івана Ходака смѣловскихъ на 40 зол.; 2) отъ Луяна Лавринченка и Івана Гущи, коровинскихъ, на 18 р., за конѣ, 3) отъ Степана Назаріева на 40 зол., еще жъ приложени карти до господара и старости сухоновского и другихъ, о ихъ въ господарствѣ управленіи; 4) до Нелидова о посланной водцѣ и салу, въ Сулакъ, къ брату его вахмистру; 5) до п. Михайла, черезъ Процка, о посланнихъ къ нему денгахъ черезъ Холодовича. Голенковскій отъ п. Федора привозилъ ко мнѣ писмо, къ нему и протчімъ писанное отъ Бурковского, зъ С. П.-бурху август. 9, что будто объ отпуску больнихъ указъ посланъ сюда бунчуковихъ.

Понеделокъ. 24. Сегодня рано поѣхали Куликъ и Бардакъ во свой путь. Обѣдалисмо сами и зъ нами Бремеръ лѣкаръ. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р. Федоръ Юрченко отпущенъ по салваціи отъ Бремера въ квартиру сюда.

Вовтор. 25. Сегодня обѣдали у насъ п. Федоръ дядко и Павелъ Раковичъ, и Данило Галенковскій. П. Раковичъ показовалъ листъ, къ себѣ писанний, отъ Каневского, зъ С. П.-бурху 22 септевр.,

что онъ видѣлъ у Борковского копію указу объ отпуску въ доми болнихъ бунчуковихъ.

Середа. 26. Бремеру за улѣченне свое далемъ 10 р., черезъ Гаврила. Сегодня ѣзлилемъ въ городъ, где былемъ у Дебринея и на квартерѣ Забѣли и Скоропадского, а обѣдалемъ у кума Івановского; оттуду былъ у Полянского и до своей приехалемъ квартири. Въ посѣдѣнню зо мною арменинъ еденъ сказивалъ: 1, что они въ постніе днѣ ни мяса, ни риби не идять, кромѣ огороднини; 2-do, что патріярховъ имѣютъ у себе арменскихъ 3-хъ, але надъ тими еденъ старшій, а живетъ онъ въ городѣ арменскомъ—Ареванѣ, на мѣстѣ ст. Григорія арменскаго, а другіе два живутъ на престолахъ синовъ помянутого ст. Григорія, еденъ въ городѣ Арестанетъ, а другій въ городѣ Вартанъ прозиваемихъ.

Четвер. 27. Сегодня обѣдалисмо у дядка п. Федора.

Пятокъ. 28. Сегодня позичилъ Вѣжевскій зъ росхожихъ грошей 2 р. хоминскимъ козакамъ двомъ, сотнѣ глинской, Харку Шепеленку и Петру Колотенку, отъ которихъ и карту взялъ. Составилемъ парадній реестръ вещей, привезенних черезъ Юрченка. Дебриней полковникъ въ Сулакъ отехалъ. Черезъ его писалъ я до обозного прилуцкого и до Демяна о посланной зъ Алексѣемъ горѣлцѣ и его описиваннюся ко мнѣ, и о звозѣ оной горѣлки зъ ретранжаменту въ Сулакъ.

Субота. 29. Сегодня обѣдалисмо сами и съ нами Петракій. Руднѣцкій принюсъ денегъ 30 р. доводячихся, якіе ему я позичилъ былъ.

Неделя. 30. Сегодня по службѣ Божой заходилемъ до обохъ Миклашевскихъ и въ старшого обѣдалемъ, вкупѣ зъ п. Федоромъ дядкомъ, Раковичомъ и Панченкомъ. Заходилемъ до Никити Гавриловича, сина генерала Кропотова, пріехавшого сюда теперъ, а посилапного зъ подъ Кумтаркаловъ въ С. П.-бурхъ, о шафкалу зъ вѣдомостю. Отъ Демяна получилемъ писмо зъ Сулаку октовр. 9 отпущенное, въ которомъ обявляетъ, что курень нашъ сцѣлѣлъ на прошеніе Вилима Вилимовича, капитана, и что продалъ табаку папушъ 6000 и взялъ за онихъ денегъ 250 р. зъ которихъ 51 р.

въ росходѣ съ полтиною и что войско оставшееся пойшло въ крѣпость ст. Креста на Куру 7 октовр., а горѣлка нѣпочому.

Поведелокъ. 31. Сегодня обѣдалисмо сами, а Бремеръ, помаранчи принесшій передъ обѣдомъ, отишолъ. Гаврилу 120 р. далемъ на судно, въ чомъ и росписался. Бремеру за лѣкарство, въ аптецѣ купленное, отослалемъ 1 р. Воронинъ, атютантъ князя Долгорукова, вчорайшого дня пріехавшій сюда зъ Дербенту, посѣщалъ мене, которій въ розговорѣ сказовалъ, что 11 день его отезду зъ Дербенту, якого дня и князь отехалъ въ Гилянъ, и что бунчуковіе отпущени въ Сулакъ отъ Низовой, и зъ Сулаку въ Астрахань, до указу и что межа еще не окончилась.

Мѣсяць ноеврій. Вовтор. 1. Сегодня обѣдалисмо сами, а съ нами Якубовичъ, передъ вечоромъ ездилемъ до Воронина Василія Онуфріевича и посидѣвши отехалемъ. П. Федоръ дядко былъ у мене и показовалъ писмо отъ капитана Вулва писанное до п. Стефана Миклашевского о томъ, что состоялся указъ отпустить въ доми болнихъ бунчуковихъ и копія указу о насъ приложена.

Середа. 2. Сегодня рано ездилемъ до Воронина и оному отдалемъ писма мои до Петра Андрѣевича и своихъ синовъ и Артемія Петровича, о моей нуждѣ здешной писанніе, и потомъ къ нему, Воронину писалемъ, чтобъ незабилъ отдать онихъ и продложить; онъ же Воронинъ сегодня и отехалъ въ С. П.-Бурхъ. Заходилемъ до Миклашевского Андрѣя, где составленъ листъ отъ всѣхъ насъ до генерала Матюшкина просителній, чтобъ онъ ходатайствовалъ объ насъ. Онъ же Воронинъ сказивалъ, что Еропкинъ въ Сулаку зазимуетъ, а генералъ маіоръ Румянцевъ въ Дербентѣ, а князь въ Гилянѣ. Его жъ я обослалъ водки барилцемъ, а и ей сливами, а онъ картузного табаку фунтомъ мене.

Четвер. 3. Сегодня обѣдалисмо и зъ нами Якубовичъ въ квартирѣ, а по обѣдѣ ходили до п. полковника харковского и Кочубея, и оттоль домой, а Якубовичъ съ нами пріишовши и ночовалъ у насъ. Сегодня лѣкарство осѣнное принимать началемъ, у вечеру, пѣлули. Киндjалъ купилемъ за двѣ гривни.

Пятокъ. 4. Сегодня кушалисмо сами у себе. Вѣжовскому на росходъ, въ другое, далемъ 4 р. и на реестрѣ подписалемъ. Вѣдомость читалемъ, якая въ Гилянѣ 1723-го году, при Рящѣ досталася черезъ Іосифа Обесаланияна грузинца, пріѣшовшого въ Рящъ зъ казбинскимъ караваномъ отъ Испагана, въ которой тая сила: что въ 1722 году, при бытности оного грузинца въ Гиспаганѣ, въ февр. м-цѣ, 18-го числа, получена вѣдомость, что Мирвейсовъ синъ Магмутъ Авганъ, въ 12 тисячахъ, пришелъ въ мѣсто Варсанъ и идетъ къ Гиспаганѣ; тогда шахъ, зъ Гиспаганѣ и изъ деревенъ, и Грузинцовъ, собравъ тисячъ зъ 30, подъ комендою Ахтима Девлета да грузинского цара Вахтанга, брата послалъ противъ Магмута, при которихъ было 24 пушки, и недошедши Гиспаганѣ, оной Магмутъ зъ шаховимъ войскомъ имѣлъ баталѣю, февр. 26-го, и сначала шахова сторона имѣла щасте, а когда зъ Магмутовой сторони съ верблюдовъ началась стрелба зъ яничарокъ, тогда шахово войско побѣжало; и по баталѣи на томъ мѣстѣ стоялъ Магмутъ 3 дни, а по трехъ дняхъ, пошелъ къ Гиспаганѣ, и вступилъ въ армянскую слободу, въ Жулфу, марта 19-го числа, и сталъ въ шаховомъ саду, въ Фарабатѣ, и многажди приступалъ къ Гиспаганѣ и оной не взялъ, толко дороги всѣ отнялъ. Тогда жъ амаданской и заденъгенскій хани, въ 5000 войска своего, ишли къ Гиспаганѣ, которихъ Магмутови посланники, въ 4000-хъ, недопустя за 3 дни до Гиспагани, напавши на стану ноччю, съ полтори тисячи побыли, а оставшіеся оставили все и разбѣжались.— Того жъ году, въ юлѣ мѣсяцѣ, бахтіарское войско 8000 шло къ Гиспаганѣ и недошедшимъ имъ за день, напали на нихъ Авганцы Магмутови и побыли на 4000, а осталніе разбѣглися, а послѣ дній съ три отъ шаховой сторони Ахтима Девлетъ съ однимъ ближнимъ съ Магмутомъ Агою, въ 8000, пошли противъ Магмута и учинившойся баталѣи, Авганци побыли у нихъ 1000 чловѣкъ, а досталніе ушли въ Гиспаганъ; а зъ сторони авганской во всѣхъ баталѣяхъ на 3000 человѣкъ побыто, и когда Магмутомъ обступлена была Гиспагань, тогда великій учинился голодъ: пшеницѣ батманъ тоесть 14 фунтовъ, по 80 р; пшона батманъ же по 100

р., масла коровіого по 120 р.; ишачого мяса по 20 р. по абасе(?) и протчее все надъ мѣру было дорого, а люде убогіи дѣтей своихъ и собачія и кошечія мяса, и падалище и подошви и всякіе шкурки варили и или: и тогда шахъ, совѣтуя зъ министрами своими, намѣрилъ дать Магмуту пятсотъ или шестсотъ тисячъ и до миліона рублей и городъ Мешівъ зъ протчіими местечками и дочъ свою въ жену, чтобъ оной Магмутъ отступилъ отъ Іспагани, на что Магмутъ отвѣтствовалъ до шаха, что, мовитъ, Іспаганъ и дѣти твои и всѣ будетъ въ рукахъ моихъ, и прислалъ Магмутъ къ шаху, что ежели Іспаганъ и корону свою отдастъ ему, то будетъ живъ, а буде не отдастъ, то и Іспаганъ разорится и шахъ убитъ будетъ. Тогда шахъ, усмотря свою невозможность и великій голодъ, того жъ году октовр. 12-го дня надѣлъ на себе свою корону и поехалъ къ Магмуту, и пріехавши къ нему, привѣтствовалъ его и сѣлъ на нижнемъ мѣстѣ, а Магмутъ шаха не толко съ почтеніемъ не принялъ, но и не смотрѣлъ на него. Тогда шахъ, снявши зъ себе корону, отдалъ Магмутову первому минѣстру и велѣлъ отдать Магмуту, а Магмутъ корони не принялъ и приказалъ самому шаху наложить на себе, того для шахъ вставши зъ своего мѣста, прійшолъ къ Магмуту и корону наложилъ на оного и сіе сказалъ: „тебѣ Богъ велѣлъ короною моею владѣть“. По отдачи корони, шахъ былъ у Магмута двое сутки и отпущенъ въ домъ свой; въ первій же день пріезда шахова къ вечеру, Магмутъ послалъ своего первого минѣстра зъ 2000 чловѣкъ къ Гиспаганѣ и приказалъ дворъ шаховъ приняти и караулъ поставить, и въ то время въ дому шаховомъ великій вопль и плачъ учинился; и октовр. 14-го Магмутъ зъ шахомъ поехали въ Гиспагань и ехали до мосту ширанского, шахъ же поехалъ садами, а Магмутъ болшою улицею, по которой розніе послани были парчи до самого двора шахова, а передъ Магмутомъ ехали 12 чловѣкъ и проклинали вѣру шахову. По прибытіи своемъ Магмутъ въ дому шаховомъ казни осмотрѣлъ на 40000 р., да камѣння и протчіихъ вещей и матерій золотихъ многое число. Когда же въ Гиспаганѣ голодъ былъ, въ то время всякого народа малихъ и великихъ померло со сто тисячъ душъ, а когда зъ Гиспаганѣ

1244. **Выставка** картинъ кіевскихъ художниковъ. **W.** (статья). (1889, № 4, 203—205).

1245. **Гонта.** Портретъ его. Н. Добротворскаго (статья). (1885, № 8, 736—740).

1246. **Гонта.** Жена его (портретъ и статья). (1883, № 9—10, 326—328).

1247. **Греческія музы** въ Малорусскомъ изображеніи. (Рисунокъ и статья). (1884, № 4, 709—714).

1248. **Де-ля-Флизъ.** Новые альбомы его. Н. Б. (статья) (1891, № 3, 508—511).

1249. **Загадочные** портреты Д. Сапожникова (статья). (1884, № 8, 732—742).

1250. **Запорожскій храмъ** въ Новомосковскѣ. П. Г. (рисунокъ и статья). (1888, № 1, 2, 3, 41—48).

1251. **Зарѣцкій И. А.** Замѣтка о его альбомѣ украинскихъ древностей Д. Багалѣя (статья). (1888, № 12, 148—149).

1252. **Иляшенко** Максимъ, полковникъ лубенскій (1677—1687), (Портретъ и статья). А. Л. (1891, № 1, 186—189).

1253. **Картины** малорусскаго содержанія на первой передвижной выставкѣ академіи художествъ. С. (статья). (1887, № 6—7, 555—559).

1254. **«Кіевская Академія** и ея студенты (1697—1702), (рисунокъ со статьей). (1882, № 2, 437—440).

1255. **Кисель** Адамъ. (Портретъ и статья). (1885, № 8, 745—750).

1256. **Лубочныя** картинки на малорусскія темы. Ир. Ж. (статья). (1890, № 12, 503—507).

1257. **Мазепа** (портретъ и статья). (1887, № 1, 188—191).

1258. **Мазепа.** О портретахъ его (статья). (1883, № 7, 594—596).

1259. **Мазепа.** Еще о портретѣ его. Андрея Цимбалистова (статья). (1887, № 2, 370—372).

1260. **Маковскій** В. Е. Картина его «Мать и дочь». Н. С. (статья). (1887. № 1, 165—169).

1261. **Малороссія** на передвижныхъ художественныхъ выставкахъ картинъ Н. С. (статья). (1885, № 8597—606).

1262. **Могила** Петръ (портретъ и статья). (1882, № 4, 175—176).

1263. **Новицкій** Илья Ѳедоровичъ (портретъ и статья). (1886, № 9, 194— 98).

1264. **Описаніе атласа** XVIII ст., подареннаго черниговской гимназіи кн. Н. И. Голицынымъ (статья). (1890, № 4, 131—147).

1265. **Острожскій** Константинъ. (портретъ и статья). (1883, № 11, 523—528).

1266. **Острожская** Софія княгиня (портретъ и статья). (1883, № 12, 714—716).

1267. **Полуботокъ** Павелъ, полковникъ черниговскій (1705—1724). Я. Ш. (Портретъ и статья). (1890, № 12, 522—538).

1268. **Польскіе** рисунки на украинскія темы. В. Г. (статья). (1890, № 11, 323—325).

1269. **Потѣй** Ипатій, кіевскій уніатскій митрополитъ (портретъ и статья). (1884, № 9, 180—182).

1270. **Рисунки** изъ путешествія Имп. Екатерины II въ южную Россію. Г. (статья). (1891, № 10, 126—127).

1271. **Старинные** малороссійскіе портреты. В. Горленка (статья). (1882, № 12, 602- 606).

1272. **Старинные** малороссійскіе портреты. А. Лазаревскаго. (1882, № 5 и 11, 337—342 и 173—175).

1273. **Старинные** малороссійскіе портреты. А. С—ка (статья). (1882, № 9. 577—579).

1274. **Старинная** южно-русская

гравюра. Г. (статья). (1890, № 1, 47—59).

1275. **Стороженки.** (Полковникъ Иванъ и бунчуковый товарищъ Григорій). (портреты и статья) Н. Стороженка. (1890, № 4, 167—173).

1276. **Терлецкій** Кириллъ (портретъ и статья). (1884, № 10, 366—369).

1277. **Трутовскій** К. А. Два слова о рисункахъ его. Н. С. (статья). (1888, № 6, 85—89).

1278. **Туптало** Савва Григорьевичъ (портретъ и статья). (1882, № 7, 194—198).

1279. **Хмельницкій** Богданъ (портретъ и статья). (1882, № 1, 226—231).

1280. **Хмельницкій** Богданъ. Памятникъ его. (Рисунокъ со статьей «историческій очеркъ его сооруженія»). (1888, № 7, 145—156).

1281. **Ширай** С. Я. (портретъ и статья). (1887, № 10, 398—400).

1282. **Шевченко.** Село Андрушн. В. Науменка (рисунокъ и статья). (1890, № 6, 554—557).

1283. **Шевченко.** Густынскій монастырь (3 рисунка), Чигиринъ съ Суботовскаго шляху. (рисунки и статья). (1890, № 2, 356—358).

1284. **Шевченко.** «Комора въ Потокахъ» (рисунокъ и статья). (1891, № 12, 507—508).

1285. **Шевченко.** Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ полтав. губ. (2 рисунка и статья) А. Стороженка. (1891, № 2, 337—351).

1286. **Шевченко.** Суботовская церковь Н. Б. (рисунокъ статья). (1890. № 9, 506—508).

1287. **Шевченко.** Загадочный портретъ его. А. Бабича (статья). (1887, № 6—7, 577).

1288. **Шевченко.** Иллюстраціи его. В. Г—ка (статья). (1888, № 1—3, 8—11).

1289. **Шевченко.** Картины, рисунки и офорты его. В. Г. (статья). (1888, № 6, 80—85).

1290. **Шевченко.** Рисунки его (статья). (1889, № 10, 184—185)

VII. Библіографія.

1291. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 1 ый Изд. редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кіевъ 1882 г. (1882, № 1, 203—204).

1292. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 2 ой. Изд. редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Кіевъ 1882 г. **А.** (1882, №7, 171—173).

1293. **А. А.** Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 3-й. Издалъ редакторъ неоф. части «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Кіевъ 1882 г. И. Новицкаго. (1882, № 11, 354—360).

1294. **Abel Karl. d-r.** Gross und klein-russich. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexikografie gehalten an der Universität Oxford. Im Auftrage des Verfassers aus den englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885 г. Н. Дашкевича. (1885, № 11, 524—532).

1295. **Абрамовъ** Я. В. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая

библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1891 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 6, 499—503).

1296. **Адресъ-Календарь** кіевской губерніи на 1888 годъ, съ адресами квартиръ и алфавитнымъ указателемъ фамилій. Изд. кіев. губ. Статист. комитета. Кіевъ 1888 г. (1888, № 1—3, 48).

1297. **Акинфіевъ** Ив. Як. Растительность Екатеринослава въ концѣ перваго столѣтія его существованія. Екатеринославъ 1889 г. Г. З. (1889, № 4, 220—225 .

1298. **Аксаковъ** С. Т. Исторія моего знакомства съ Гоголемъ со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 г. М. 1890 г. А. Степовича. (1891, № 1, 190—193).

1299. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Т. XII. Акты главнаго литовскаго трибунала В. 1883 г. XX + 651 + 67. ц. 2 р. В. И. (1883, № 7, 563—566).

1300. **Акты**, издаваемые виленской археографическою коммиссіей т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна 1886 г. И. Каманина (1886, № 11, 558—560).

1301. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Томъ XV-й. Декреты главнаго литовскаго трибунала. Вильна 1888 г. И. Каманина. (1889, № 5—6, 645—648).

1302. **Акты**, издаваемые виленскою археографическою коммиссіей. Т. XVI-й. Документы, относящіеся къ исторіи церковной уніи въ Россіи. Вильна 1889 г. Акты, издаваемые виленскою археограф. коммиссіей. Т. XVII. Акты гродненскаго земскаго суда. Вильна 1890 г. И. Каманина. (1891, № 9, 495—500).

1303. **Акты** московскаго государства, изданные Импер. академіей наукъ подъ редакц. Н. А. Попова Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ 1571—1634. 1890 г. Д. И. Багалѣя. (1891, № 4, 171—173).

1304. **Акты**, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической коммиссіей. Т. XII. Спб. 1882 г. В. А. (1882, № 9, 555—556).

1305. **Акты**, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою коммиссіей. Т. 14. (Дополненіе къ III тому) Спб. 1889 г. Ив. Н. (1889. № 9, 781, 788).

1306. **Александровичъ** М. Н. Остерскій уѣздъ. Вып. I. Историческое описаніе. Ч. 1-я. До окончанія смутъ въ восточной украинѣ 1669 г. Кіевъ 1881 г. (1882, № 1, 204—206).

1307. **Александровъ** В. Складка. Альманахъ. Року Божого 1887 г. № 1. Харьковъ. З. (1887, № 5, 172—176).

1308. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Сост. редакт. неоф. части «Кіев. Губ. Вѣд.» Кіевъ 1882 г. В. А. (1883, № 3, 651—653).

1309. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. V. Кіевъ 1883 г. В. А. (1883, № 11, 493—495).

1310. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 6-ой. Кіевъ 1884 г. Ц. Н. (1884, № 7, 523—524).

1311. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 7-ой Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскаго. (1884, № 12, 719—722).

1312. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіев-

скаго губ. правленія. Вып. 8-ой. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 5, 137—140).

1313. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 9-й. Кіевъ 1885 г. К. Л. (1885, № 10, 329—332).

1314. **Андріевскій** А. Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ правленія. Вып. 10. Кіевъ 1886. К. Цыбульскаго. (1886, № 4, 789—794).

1315. **Андріевскій** А. Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива и изданные Имп. одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 10, 155—157).

1316. **Андріевскій** А. Историческая записка о златопольской гимназіи, составленная ко дню 50-лѣтняго юбилея ея въ августѣ мѣсяцѣ 1887 г. В П. Кіевъ 1887 г. (1887, № 11, 557—559).

1317. **Андріевскій** М. А. Козацкая дума о трехъ азовскихъ братьяхъ въ пересказѣ, съ объясненіями, разборомъ и картою. Одесса 1884 г. Ц. Неймана. (1884, № 5, 130—138).

1318. **Андріяшевъ**. Очеркъ исторіи волынской земли до конца XIV столѣтія. Кіевъ 1887 г. П. Голубовскій. (1888, № 7, 12—17).

1319. **Андріяшевъ** А. Кіевскій народный календарь на 1889 г. Годъ 25-й. Амартола. (1889, № 1, 276—281).

Dr. Antoni I. см. подъ № 1471 и слѣд.

1320. **Антоновичъ** В. Б. и В. А. Бецъ. Историческіе дѣятели югозападной Руси въ біографіяхъ и портретахъ. В. І. Составили по коллекціи В. В. Тарноскаго. Кіевъ, ц. 6 р. (1883, № 4, 878—882).

1321. **Антоновичъ** В. Б. Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. Т. І. Кіевъ 1885 г. И. Каманина. (1885, № 6, 318—328).

1322 **Антоновичъ** В. Б. О скальныхъ пещерахъ на берегу Днѣстра въ подольской губерніи. Одесса 1886 г. П. Голубовскаго. (1887, 369—370).

1323 **Археографическій** сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебнаго округа. Т. XI. Вильна 1890 г. И. Каманина. (1891, № 10, 495—500).

1324. **Архивъ** князя Воронцова, книга двадцать пятая М. 1882 г. Д. Багалѣя. (1882, № 7, 160—164).

1325. **Архивъ** мотыжинскій. Акты переяславскаго полка XVII—XVIII вв. Изд. Андрея и Александра Савицкихъ. Кіевъ 1890 г. А. М. (1890, № 9, 519—521).

1326. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый временной коммиссіей для разбора древнихъ актовъ Ч. І. Томъ VI. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ югозападной Руси 1322—1648). Кіевъ 1883 г. И. Каманина. (1884, № 12, 708—716).

1327. **Архивъ** юго-западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевск., подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ ч. VII, т. 1. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. 1887 № 8, 752—757).

1328. **Архивъ** юго-западной Россіи. Ч. первая т. VII. Памятники литературной полемики православныхъ южно-руссцевъ (sic.) съ латиноуніатами. Кіевъ 1887 г. И. Новицкаго. (1888, № 4, 1—9).

1329. **Архивъ** юго-западной Рос-

сіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ и проч. Кіевъ 1888 г. И. Новицкаго. (1890, № 5, 382—388).

1330. **Аѳонскій** П. Что такое унія, какъ она началась и какъ окончилась? (Историч. разсказъ для народнаго чтенія). Минскъ 1889 г. Его-же: православныя святыни города Минска. И. Каманина. (1889, № 9, 792—793).

1331. **Багалѣй** Д. Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Кіевъ 1882 г. П. Голубовскаго. (1882, № 6, 519—523).

1332. **Багалѣй** Д. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII стол. Изд. Историко-филологич. общества при Имп. харьковскомъ университетѣ. Харьковъ 1886 г. В. А. (1886 № 3, 582—588).

1333. Багалѣй Д. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной украины московскаго государства т. 1. Исторія колонизаціи. Москва. 1887 г. И. Каманина. (1889, № 1, 250—259).

1334. **Багалѣй** Д. Заселеніе харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета. Рѣчь, сказанная на актѣ въ Имп. харьк. университетѣ 17 янв. 1889 г. Харьковъ 1889 г. И. Каманинъ. (1889, № 7, 309—310).

1335. **Барбашевъ** А. Витовтъ и его политика до грюнвальденской битвы (1410 г.) Спб. 1885 г. И. Каманина. (1885, № 9, 148—151).

1336. **Барвѣнскій** О. Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г. Коштомъ и заходомъ товарищства «Просвѣта». Цѣна 16 крейц. (12 к.) В. А. (1883 г. № 2, 649—651).

1337. **Барвѣнскій** Александръ. Исторія Руси часть V. Львовъ 1884. В. А (1884, № 8, 708—710).

1338. **Baranovicz** Lazarz. Ksiega smiercі albo krzyż Chrystusow, Новгородъ-Сѣверскій 1676 г. М. М. (1891, № 1, 202—206).

1339. **Барсовъ** Е. В. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси. Москва 1887 г. т. 1—2. В. Науменка. (1888, № 7, 1—12).

1340 **Барсуковъ** А. Разсказы изъ русской исторіи XVIII в. по архивнымъ документамъ. Сбн. 1885 г. К. Цыбульскаго. (1885, № 10, 326—329).

1341. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ. Кн. I—IV. Спб. 1881—84 г. И. Каманина. (1885, № 10, 319—323).

1342. **Барсуковъ** А. Родъ Шереметевыхъ, книга пятая. Спб. 1888 г. И. Каманина. (1888, № 6, 59—62).

1343. **Батюшковъ** П. Н. Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1890 г. И. Новицкаго. (1890, № 6, 558—565).

1344. **Батюшковъ** П. Н. Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1888 г. И. Каманина. (1888 № 11, 49—53).

1345. **Батюшковъ** П. Н. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. 7 ой: Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губ.) Спб. 1885 г. (Съ приложеніемъ художественнаго отдѣла). Изд. министерства внутреннихъ дѣлъ. И. Беркута. (1885, № 6, 307—314).

1346. **Батюшковъ** П. Н. Памятники русской старины въ западныхъ, губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія. Вып. VIII: Холмская Русь (люблинская

и сѣдлецкая губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г. ц. 15 р. Ѳ. Лободы (1886, № 4, 796—804).

1347. **Батюшковъ** П. Н. Русь. Историческія судьбы русскаго забужья. Спб. 1887 г. К. Цыбульскаго. (1887, № 11, 549—557).

1348. **Бахталовскій** Георгій. Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Кишиневъ 1881 г. Гр. Д—на. (1882, № 8, 358—361).

1349. **Беретти** А. О строющемся соборѣ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ. Кіевъ 1884 г. А. К. (1884, № 6, 323—326).

1350. **Берхинъ**. О статьѣ его «О посольствахъ Владиміра св. для испытанія вѣръ». П. Голубовскаго. (1885, № 3, 569—573).

1351. **Бестужевъ-Рюминъ** К. Русская исторія т. II, вып. I, Спб. 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 167—168).

1352. **Бершадскій** С. А. Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи (1388—1569) Спб. 1883. В. А. (1883, № 12, 665—671).

1353. **Бершадскій** С. А. Шауль-Юдичъ Валь изъ Бреста—Литовскаго, преемникъ Стефана Баторія. Историч. леген. да. Спб. 1889. И. Каманина (1890, № 6, 565—569).

1354. **Биберштейнъ** Гр. Народныя преданія въ Подоліи. Графъ Мотыка. Каменецъ-Подольскъ 1881 г. Н. П. (1882, № 5, 321—323).

1355. **Библіографическая** замѣтка. Божерянова. (1886, № 2, 419—420).

1356. **Бобринскій** Гр. Алекс. Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы. Дневники пятилѣтнихъ раскопокъ. Спб. 1887 г. В. Ястребова. (1887, № 10, 361—365).

1357. **Бобринскій** Александръ гр. Дворянскіе роды, внесенные въ общій гербовникъ Всероссійской имперіи. 2 ч. Спб. 1890. М. (1890, № 4, 189—190).

1358. **Бобровскій** П. О. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I. Историч. изслѣдованіе по архивнымъ документамъ Спб. 1890. Арк. Л—нка. (1890, № 4, 180—182).

1359. **Bołsunowski**. Solidy Bolesława z napisem slawianskim. Studium numizmatyczne Кіевъ 1887 г. И. Каманина. (1888, № 7, 26—29).

1360. **Bonnel** Ernst. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach Chr., hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinischen Schrifstellers. Erster Band. Спб. 1882. (Эрнестъ. Бонель. Дополненія къ археологіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х. составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Т. I. Спб. 1882 г.). В. А. (1882, № 7, 167—171).

1361. **Boniecki** Adam. Poczet rodów w wielkém księstwie litewskiém w XV i XVI wieku. Warszawa 1887. О. Л. (1887, № 6—7, 523—526).

1362. **Бразоль** Григорій. Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Харьковъ 1886. И. Каманина. (1886, № 6, 342—345).

1363. **Бубликъ** В. Д. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. И. Ж. (1888, № 8, 49—50).

1364. **Будиловичъ** А. Меѳодіевскій юбилейный сборникъ,

изданный Имп. Варшавскимъ Университетомъ къ 6-ому апрѣля 1885 г. Варшава 1885 г. И Каманина. (1885, № 7, 491—493).

1265. **Будиловичъ** А. Русская православная старина въ Замостьѣ. Изд. Холмскаго св. Богородицкаго братства. Варшава 1886. П. Голубовскаго. 1886, № 9, 151—155).

1366. **Буковинскій** Альманахъ. Черновцы 1885 г. Л—тъ. (1886. № 8, 735—738).

1367. **Булгаковскій** Д. Г. Пинчуки, этнографическій сборникъ. Спб. 1890. (1891, № 2, 361—363).

1368. **Булгаковъ** Ѳ. И. Альбомъ русской живописи Картины В Д. Орловскаго. Спб. (годъ неизв.). Н. Шугурова. (1889, № 5—6 658—660).

1369. **Булгаковъ** Ѳ. И. графія. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, т. I, съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1890. И. Ж. (1890, № 7, 155—158).

1370. **Буцинскій** И. П. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ, въ тип. Зильберга 1882 г. (1883, № 1, 183—184).

1371. **Буцинскій** И. П. О Богданѣ Хмельницкомъ. Харьковъ 1882. В. Антоновича. (1883, № 2, 417—428).

1372. **Бучневичъ** В. Е. Записки о Полтавѣ и ея памятникахъ. Полтава. 1882. Ив. Матченка. 1883, № 5, 161—164).

1373. **Бѣлозерскій** Н. Добавки и поправки постояннаго читателя «Кіевской Старины». (1884, № 5, 146—151).

1374. **Бѣляшевскій** Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889. П. Голубовскаго. (1889, № 10, 205—207).

1375. **Василенко** В. И. Мѣстечко Опошня, зѣнковскаго уѣзда, полтавской губерніи. Статистико-экономическій очеркъ. Изд. Полтавскаго Губернскаго Статистическаго комитета. Полтава 1889, Н. В. (1891, № 6, 503—504).

1376. **Васильчиковъ** А. А. Семейство Разумовскихъ, т. IV. Спб. 1887 г. **W.** (1887, № 4, 760—762).

1377. **Венгеровъ** С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Спб. 1886—8. Вып. 1—13. Г. (1888, № 12, 72—74).

1378. **Вержбицкій** Т. І. Краткое описаніе г. Житомира. Изд. 2. Житомиръ 1889. (1889, № 10, 218—219).

1379. **Виленскій** календарь на 1885 г. Волынь 1884. И. Каманина. (1885, № 4, 760—765).

1380. **Виленскій** календарь на 1886 г. Вильна 1885 г. И. Малышевскаго. (1886, № 2, 375—377).

1381. **Виленскій** календарь на 1887 г. Четвертый годъ изданія. Вильна 1886 г. И. Малышевскаго. (1887, № 2, 349—352).

1382. **Виленскій** календарь на 1889 г. (6-й годъ изданія) съ 3 рисунками. Вильна 1888 г. цѣна 30 к. Н. Т. (1889, № 2, 533—534).

1383. **Виноградовъ** В. К. Ѳеодосія. Историческій очеркъ. Ѳеодосія 1884 г. И. Каманина. (1885, № 5, 145—149).

1384. **Wisła** 1887 — 1888 г. Н. Ѳ. Сумцова. (1889, № 10, 214—217).

1385. **Владиміровъ** М. М. Первое столѣтіе города Екатеринослава. 1787—9 мая 1887 г. Матеріалы для историческаго очерка. Екатеринославъ 1887 г. В—о. (1887, № 12, 761—766).

1386. **Владиміровъ** П. В. Док-

торъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888 г. А. Степовича. (1889, № 2, 513—521).

1387. **Владимірскій** сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Россіи. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскаго. (1889, № 12, 646—654).

1388. **Владимірскій - Будановъ** М. Ф. Исторія университета св. Владиміра. Т. I. Университетъ св. Владиміра въ царствованіе Императора Николая I. Кіевъ 1884 г. К. Цыбульскаго. (1884, № 11, 512—517).

1389. **Владимірскій - Будановъ** М. Ф. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 2 съ дополненіями. Кіевъ 1888 г. И. М. (1888, № 4, 9—12).

1390. **В—новъ** А. и свящ. В. Антоновъ. Памятная книжка Кіевской Епархіи (кіевскій епархіальный календарь), Кіевъ 1882. Н. П. (1882, № 8, 340—349).

1391. **де-Волланомъ** собранныя угро-русскія народныя пѣсни, (Записки Имп. Географич. Общества по отдѣленію этнографіи т. XIII, вып. I). Спб. 1885 г. В. Горленка. (1886, № 1, 168—172).

1392. **Wolff Józef**, Rod Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgerd i Kiestut» i «Bracia Władisława Jagielly», Krakow 1886 г. И. Каманина. (1886, № 11, 553—555).

1393. **Волынскій** народный календарь на 1890 г. Годъ 2-й. Изд. Ѳ. И. Досинчука. Житомиръ 1889 г. Арк. Л—нко. (1890, № 2, 368—370).

1394. **Воронежскій** юбилейный сборникъ въ память трехсотлѣтія г. Воронежа. Изд. Воронежскаго Статистическаго Комитета. Воронежъ 1886 г. т. I—II. Н. С. (1887, № 3, 550—555).

1395. **Воскресенскій** Н. В. Пятидесятилѣтіе Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (1838—1888). Историч. очеркъ т. I. Воронежъ. 1888—1890 г. Н. В. (1891, № 7. 132—154).

1396. **Высокопреосвященнѣйшій** Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. М. 1882 г. Л. Т. (1882, № 12, 576—582).

1397. **Г.** Библіографическое извѣщеніе. (1885, № 2, 415—416).

1398. **Hammard.** Reise durch Obeschlesien zur russich-kaiserlichen Armee nach der Ukraine und zum Feldmarchall Rumanzow Sadunaiskoy. Erster Band. Gotta 1787. С. Е. (1891, № 7, 160—169).

1399. **Гаинченко** Сергѣй. Житомірскій могильникъ. Археологическое изслѣдованіе житомірской группы кургановъ. Житоміръ 1888. Н. Б (1889, № 5 и 6, 656—658).

1400. **Hauser** Leopold. Monografja miasta Przemysla. Przemysl 1883 г. В. А. (1883, № 2, 647—649).

1401. **Ге.** Г. Н. Историческій очеркъ существованія города Николаева при устьѣ Ингула (1790—1890). Сост. по порученію Николаевской Городской думы къ празднованію юбилея николаевскимъ городскимъ секретаремъ. Николаевъ 1890 г. С. Е. (1891, № 7, 155—157)

1402. **Гиляревскій** А. свящ. Русскій путешественникъ по св. мѣстамъ Василій Григоровичъ Барскій. М. 1889 г. (оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія») 1884. ц. 50 к. Ив. Новицкаго. (1890, № 2, 359—363).

1403. **Гинцбургъ** А. Б. Русская правда, текстъ, изданный по 3 спискамъ, съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ сло-

варемъ, составленнымъ кандидатомъ правъ. Спб. 1888. П. Голубовскаго. (1889, № 3, 760—762).

1404. **Гоголь**, Сочиненія, изд. подъ ред. Тихонравова V т. Москва 1889—90. Г. (1891, № 3, 528—534).

1405. **Головацкій** Яковъ. Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Съ прилож. геогр. карты. Вильна 1884 г. Ѳ. Ни—ка. (1884, № 4, 649—652).

1406. **Голубевъ** С. Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883 г. 1225 стр. Н. Л. (1883, № 8, 741—742).

1407. **Голубевъ** С. Исторія Духовной Академіи. Выпускъ первый. Періодъ до-Могилянскій. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. (1887, № 5, 176—179).

1408. **Голубовскій** П. Исторія сѣверской земли до половины XIV в. Кіевъ 1881 г. Д. Багалѣя (1882, № 2, 405—407).

1409. **Голубовскій**. П. Печенѣги, торки и половцы до нашествія Татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г. В. А. (1884, № 7, 505—508).

1410. **Голубовскій** П. Половцы въ Венгріи. Историч. очеркъ. Кіевъ 1890 г. Н. М. (1890, № 3, 571—572).

1411. **Горчаковъ** Е, Кн. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва 1885 г. **W**. (1886, № 5, 150—153).

1412. **Гошкевичъ** В. Замокъ князя Симеона Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. К. 1890 г. Н. Б. (1890, № 4, 182—184).

1413. **Граховъ** Я. Краткій историко-статистич. обзоръ екатеринославской гимназіи и подчиненныхъ ей учебныхъ заведеній. Одесса 1856 года. Г. З. (1888, № 1, 2, 3, 39—45).

1414. **Гротъ** К. Я. Моравія и мадьяры съ половины IX до начала X вѣка. Спб. 1881 г. В. И. (1882, № 2, 408—412).

1415. **Гротъ** К. Я. Изъ исторіи Угріи и славянства въ XII вѣкѣ. (1141—1173). Варшава 1889 г. П. Г. (1890, № 10, 158—165).

1416. **Грушевскій** М. Южнорусскіе господарскіе замки. П. Г. (1890, № 8, 333—334)

1417. **de-Gubernatis** A. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons XI ef XII. (Florence, Paris, Leiptzig, 1889—90). Н. М. (1890, № 4, 185—189).

1418. **de-Gubernatis** A. Dictionnaire international des écrivains du jour. Livraisons I—X. (Florence, Paris, Leiptzig, 1888—1889. Edit. L. Nikolai, Florence). Н. Молчановскаго. (1889, № 12, 655—661).

1419. **Губернскія** вѣдомости, какъ пособіе при изученіи русской исторіи и этнографіи. Н. Сумцова. (1885, № 2, 391—399).

1420. **Гульдманъ** В. К. Справочная книжка подольской губерніи. Каменецъ-Подольскій 1888 г. Н. Молчановскаго (1888, № 1, 2, 3, 1—5).

1421. **Гульдманъ** В. К. Подольская губернія. Опытъ географическо-статистическаго описанія. Изд. подольск. губ. статист. комитета. Каменецъ-Подольскъ 1889 г. Ц. Неймана. (1890, № 1, 156—163).

1422. **Hunvalfy Paul**. Die Ungern oder Magyaren. Vien und Teschen 1881 г. П. Голубовскаго (1882, № 8, 335—358).

1423. **Гуровъ** В. В. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и

другихъ документовъ, относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности бывшей Слободской Украйны. При участіи Е. К. Бродскаго. Харьковъ. 1884 г. Д. Багалѣя. (1884, № 8, 702—708).

1424. **Гуровъ и Бродскій.** Замѣтки о матеріалѣ по вопросу о старозаимочномъ крестьянскомъ землевладѣніи харьковской губерніи. (Отвѣтъ на записку харьковской казенной палаты по тому же вопросу и извлеченіе изъ такъ называемыхъ старозаимочн. процессовъ, производившихся въ судебныхъ учрежденіяхъ Харьковскаго Округа. Харьковъ 1883 г. Дм. Багалѣя. (1884, № 2, 305—316).

1425. **Górski** Konstanty. Wojna Rzeczy Pospolitej Polskiej z Turcyą w latach 1672—1673. Warszawa 1890 г. Н. М. (1890, № 10, 166—168).

1426. **Дашкевичъ** Н. Замѣтки по исторіи Литовско-русскаго государства. Кіевъ 1886 г. И. Каманина. (1886, № 1, 164—167).

1427. **Двадцатипятилѣтіе** херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей. В. Ястребова. (1885, № 10, 342—350).

1428. **Двадцатипятилѣтіе** изданія Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (1862—1886 г.). Каменецъ-Подольскъ 1887 г. 20+15. (Отд. оттискъ изъ Под. Епарх. Вѣд. 1887 г. № 1). А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1429. **Дверницкій** Е. Н. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ Волынскомъ. Въ пользу Свято-Владимірскаго братства Кіевъ 1889 г. И. Каманина. (1889, № 11, 465—467).

1430. **Дебольскій** Г. С. протоіерей. Житіе св. равноапостольнаго князя Владиміра. Спб. 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1431, **Де-Ватте** Е. Равноапостольный князь Владиміръ святой Ковно 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 29—33).

1432. **Девятисотлѣтіе** русской іерархіи: епархіи и архіереи— 988—1888 г. Сост. по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. Н. Д. Москва 1888 г. П. Л. (1889, № 1, 272—275).

1433. **Демидовъ - Санъ - Донато.** Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб. 1883 г. (1884, № 1, 155—158).

1434. **Denkschriften** des kaiserlichen Akademie des Wissenschaften in Wien 1884. XXXIV—XXXV Н. Сумцова. (1885. № 4, 755—760).

1435. **Diebold** Wladimir. Ein Beitrag zur Antropologie der Kleinrussen, Dorpat 1886. В. А. (1888, № 6, 52—55).

1436. **Диковъ** П. Списокъ землевладѣній въ гродненской губерніи. Изд. Гродненскаго Губ. Статистич. комитет. Гродно 1890 г. М. Довнаръ-Запольскаго. (1891, № 10, 164—165).

1437. **Дмитріевскій** А. Греческіе нѣжинскіе храмы и ихъ капитальный вкладъ въ церковно-археологическій музей при Кіевской Дух. Академіи. «Прав. Обозр.» 1885 г. и отд. оттиски. Н. В. (1885, № 6, 314—318).

1438. **Добротворскій** Н. А. Кустарные промыслы курской губерніи. Курскъ 1886 г. Н. С. (1887, № 1, 157—161).

1439. **Добрянскій** Ф. Описаніе рукописей Виленской Публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ. Вильна 1882 г. Н. П. (1882, № 3, 564—572)

1440. **Докучаевъ** В. В. Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи

(Докладъ въ торж. собр. И. В. Э. О. 31 окт. 1888 г.). Спб. 1889 г. (1890, № 1, 163—164).

1441. **Долопчевъ** В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи. (Преимущественно въ Южной-Россіи). Одесса 1886 г. А. С—ча. (1888, № 9, 63—64).

1442. **Досинчукъ** Ѳ. И. Волынскій календарь на 1889 г. Годъ 1-й. Арматола. (1889, № 1, 276—281).

1443. **Древности** сѣверо-западнаго края. Вып. 1. Изд. Имп. археолог. Коммиссіи. Спб. 1890 г. В. Я, (1890, № 11, 355—356).

1444. **Древности**. Труды. Имп. Московскаго Общества. Томъ XI, Выпускъ III. Москва 1887 г. В. Я. (1888, № 5, 42—44).

1445. **Дренякинъ**. Бѣлгородъ съ уѣздами. Историко - статистич. очеркъ. Харьковъ 1882 г. В. А. (1883, № 1, 179—180).

1446. **Дружининъ** В. Г. Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка, Спб. 1889 г. А. М. (1889, № 4, 225—230).

1447. **Dunin-Karwicki** Jozef. Szkice obyczajowe i historyczne. Warszawa 1882 г. (Іосифъ Дунинъ-Карвицкій, Очерки нравовъ и исторіи). (1882, № 4, 148—149).

1448. **Егоровъ** Александръ. Екатеринославское блуканіе (1777—1791 г.). Екатеринославъ 1887 г. Г. З. (1887, № 4, 753—756).

1449. **Едлинскій** М. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, и его литературные труды. Съ портретомъ высокопреосвященнаго и художественными приложеніями. Кіевъ 1889 г. Н. М. (1890, № 1, 164—166).

1450. **Елпатьевскій** К. Учебникъ русской исторіи. Съ приложеніемъ родословной и хронологической таблицъ и указателя личныхъ именъ. 2-ое изд. исправл. и дополненное. Спб. 1891 г. П. Г. (1891, № 8, 332—338).

1451. **«Епархіальныя Вѣдомости»** южно-русскихъ губерній въ 1890 г. (волынскія, воронежскія, донскія, кишиневскія, курскія, минскія, подольскія, полтавскія, таврическія, херсонскія и черниговскія). Иродіона Житецкаго. (1891, № 9, 508—516).

1452. **Еще** объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. П. К—аго. (1888, № 12, 74—77).

1453. **Живая** старина. Изд. при Императ. русск. географическомъ обществѣ подъ редакціей предсѣдателя этнографич. отдѣла. В. И. Ламанскаго. Спб. 1890 г. Вып. I. В. Я. (1891, № 5, 322—327).

1454. **Жуковскій** В. П. Юмористическіе разсказы и сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Кіевъ 1884, В. Г—ка. (1884, № 1, 154—155).

1455. **Завитневичъ**. Великій князь кіевскій Святославъ Игорьевичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 7, 17—20).

1456. **Завитневичъ**. О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. Кіевъ 1888 г. П. Голубовскій. (1888, № 1—3, 16—23).

1457. **Загоскинъ** Н. П. Наука исторіи русскаго права.—Ея вспомогательныя знанія и литература. Казань 1891 г. W. (1891, № 12, 485—492).

1458. **Заклинскій** Корнило. Сношенія Императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ угро-турецкой 1594—1596 г. Львовъ 1882 г. В. А. (1883, 181—183).

1459. **Замѣтка** о старопечатныхъ книгахъ харьковской духов-

ной семинаріи. Н. Сумцова. (1888, № 6, 89—90).

1460. **Записки** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей т. XIII. Съ VI литограф. листами. Одесса 1883 г. И. Л. (1884, № 6, 320—322).

1461. **Записки** Имп. одесскаго общества исторіи и древностей т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса 1886 г. И. Каманина. (1886, № 11, 555—558).

1462. **Запольскій** М. Сѣверо-западный календарь на 1888 г. Изд. газеты «Минскій Листокъ». Минскъ 1888 г. (1888, № 10, 17—22).

1463. **Запольскій** М. Календарь сѣверо-западнаго края на 1889 г. изд. подъ ред. Москва. 1889 г. Н. Т. (1889, № 1, 275—276).

1464. **Захарченко** М. М. Исторія кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ 1838—1888 г. Кіевъ 1883 г. Н. М. (1889 № 11, 467—475).

1465. **Захарченко** М. М. 1) Кіевъ теперь и прежде. Сост. инспекторъ кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Изд. С. В. Кульженко. Рисунки и клише собственность пздателя. Кіевъ 1888 г. Цѣна 10 р. стр. 276. 2) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290 + XI) ц. 12 руб. въ переплетѣ. 3) Кіевъ теперь и прежде. Кіевъ 1888 г. (стр. 290 + XVI) ц. 6 р. въ переплетѣ. Н. М. (1890, № 1, 141—156).

1466. **Zbiòr** wiadomości do antropologji. Tom. XI. Krakow 1887 г. В. А. (1888, № 1—3, 23—27).

1467. **Zbiòr** wiadomości do antropologji krajowej Tom. XII. Kraków 1888 г. В. А. (1889 № 4, 217—220).

1468. **Zbiòr** wiadomości do antropologji krajowej. Изд. краковской академіи наукъ; т. XIII и XIV. Краковъ. 1889—1890 г. В. А. (1891, № 11, 313—319).

1469. **Zwygrodzki** (von) Michael. Die Mutter bei den Völkern des arischen Stammes München 1886 года Н. Н. Черпышева. (1887, № 9, 159—174).

1470. **Sichler** Léon. Histoire de la littérature russe dépuis les origines jusqu'a nos jours Paris 1886, В. К—ша. (1887, № 6—7, 530—532)

1471. **I.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne serija trzecia. T. 1—2. Warzawa 1882 г. В. А. (1882, № 12, 569—572).

1472. **I.** Antoni D-r. Z przeszłości Polesia kiewskiego. Warszawa 1882 года. В. А. (1882, № 10, 149—154).

1473. **I** Antoni D-r. Niewiasty kresowe. Warszawa 1883 г. В. А. (1883, № 4, 873—876).

1474. **I.** Antoni D-r. Opowiadania historyczne, serya siódma. Lwów 1891. М. Г. (1891, № 7, 157—158).

1475. **Ивановъ** П. Игры крестьянскихъ дѣтей въ купянскомъ уѣздѣ (съ предисловіемъ проф. Н. Ѳ. Сумцова; 3-й вып. II-го т. Сборника харьк. историко-филологическ. общества). Харьковъ 1890 г. И. Каманина. (1890, № 6, 569—570).

1476. **Ивановъ** Д. Л. Вліяніе русской колонизаціи на природу ставропольскаго края. (Извѣстія Имп. рус. геогр. общества 1886 г. Т. III, 225—255). Н. С. (1886, № 12, 735—736)

1477. **Iwanowicz I.** Ueber die historische Bedeutung des Basilianerordens in Galizien und seine gegenwärtigen Verhältnisse. Leipzig 1885 г. Ѳ. Н. (1885, № 21, 705—710).

1478. **Ielinek** E. Ukrajinske dumy. V Praze 1888 г. А. Степовичъ. (1888, № 9, 61—63).

1479. **Извѣковъ** Н. свящ. Высокопреосвященный Іосифъ (Сѣмашко), митрополитъ литовскій и виленскій. Вильна 1889 г. И Каманина. (1889, № 4, 232—233).

1480. **Извѣстія** Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы, съ приложеніями. Спб. 1885 г. И. Каманина. (1886, № 5, 156—162).

1481. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи, подъ ред. правителя дѣлъ Ѳ. Лашкова, вып. 5—6, Симферополь 1888 г.; вып. 7—8, 1889 г.; вып. 9—10, 1890 г. Арк. Л—нка. (1890 № 12, 538—544).

1482. **Извѣстія** таврической ученой архивной коммиссіи № 11, годъ 5. Симферополь 1891 г. И. Каманина. (1891 № 5, 332—335).

1483. **Изданія** статистическихъ комитетовъ Южной Россіи въ 1891 году, кіевскаго, волынскаго, черниговскаго, полтавскаго, воронежскаго, кубанскаго, «кубанскій сборникъ» и «календарь черниговской губ.» Р. (1891 № 11, 319—324).

1484. **Изслѣдованіе** о кладахъ волынской губерніи. Житомиръ 1885 г. И. Голубовскаго. (1885, № 11, 532—534).

1485. **Ilgowski** Ostatnia stościna Zwinogrodzka Kraków 1888 г. В. А. (1889, № 2, 528—530).

1486. **Илляшевичъ** Л. Шебелинбунтъ. С. (1887, № 6—7, 532—528).

1487, **Илляшевичъ** Л. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. И. Каманина. (1885, № 11, 520—524).

1488. **Иловайскій** Д. Розысканіе о началѣ Руси, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва 1882 г. Н. П. (1882, № 9, 556—558).

1489. **Иловайскій** Д. Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунно-болгарскому. П. Голубовскаго. (1886 г. № 6, 345—347).

1490. **Ильницкій** Л. В. Опись книги кіевскаго центральнаго архива № 13, (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г. В. А. (1882, № 12. 572—574).

1491. **Іогансонъ**. Кіевскій календарь на 1889 г., годъ 3 ій. Амартола (1889, № 1, 276—281).

1492. **Іосифъ** митрополитъ литовскій. Записки, изданныя Имп. академіей наукъ, по завѣщанію автора. т. I—III. Спб. 1883 г. А. К. (1884, № 7, 511—523).

1493. **Каманинъ** И. Переписи еврейскаго населенія въ юго-западномъ краѣ въ 1765—1791 гг. (Архивъ юго-западной Россіи, часть V, томъ II. Два выпуска. Кіевъ 1890 г.). Н. М. (1891, № 3, 514—524).

1494. **Каргопольцевъ** И. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888 г. И. Ж. (1888, № 11, 15—16).

1495. **Карый** И. Три пьесы. Херсонъ 1886 г. Г. (1887, № 2, 342—345).

1496. **Карпенко-Карый**. «Збирныкъ творивъ» и «Наймычка». Иг. Ж. 1888, № 9, 65—68).

1497. **Каталогъ** военно-ученаго архива главнаго штаба. Дополненіе къ матеріаламъ о войнахъ, въ которыхъ участвовали русскія войска, и матеріалы по исторіи Россіи. Вып. III. Спб. 1890 г. А. Л. (1891, № 8, 342—343).

1498. **Квитка** (Основьяненко) Малороссійскія повѣсти. С. (1887, № 10, 366—367).

1499. **Квитка** Г. Ѳ. Сочиненія. Т. 3. Повѣсти и разсказы. Харьковъ 1888 г. В. Г. (1889, № 10, 207—210).

1500. **Киркоръ**. Живописная

Россія. Т. III. Спб. 1883 г. Литва и Бѣлоруссія. (1884, № 8, 681—701).

1501. **Козловскій Мартинъ** Литургическій календарь луцко-житомірской епархіи и костеловъ подольской губ. на 1888 г. Житомиръ 1887. Михаленко-Юрковскій. (1888, № 6, 62—46).

1502. **Kolberg** Oskar. Pokucie. Obraz etnograficzny. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego Krakow I 1882 г. II 1883 г. Ц. Неймана. (1884, № 3, 482—487).

1503. **Комаровъ** В. Покажчикъ новоі українськоі літературы (1798—1883 р.) В. Науменка. (1883, № 4, 867—873).

1504. **Комаровъ** М. Дополненія къ «Покажчику новоі українськоі літературы». М. Гаврилова. (1883, № 8, 748—750).

1505. **Комаровъ** М. Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, помовокъ и пр. Одесса 1890 г. А. Степовича. (1890, № 11, 347—349).

1506. **Константиновичъ** Н. Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи, вып. IV (дополненіе). Черниговъ 1885 г. Дмитрія Багалѣя. (1885, № 5, 149—152).

1507. **Коперницкій**. Русскіе горцы въ Галиціи. Краковъ 1889 г. Ц. Неймана. (1889, № 5—6, 661—663).

1508. **Корвинъ-Піотровскій** К. В. Календарь черниговской губ. на 1887 годъ. Ѳ. Н. (1887, № 4, 756—759).

1509. **Корвинъ-Піотровскій** К. В. Календарь черниг. губ. на 1888 г. П. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 6—10).

1510. **Корольковъ** Конст. Столѣтній юбилей Екатеринослава (9 мая 1787—1887 г.). Екатеринославъ 1887 г. В. О. (1887, № 12, 761—766).

1511. **Костомаровъ**. Н. И. Богданъ Хмельницкій. Историч. монографія. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1884 г. т. 1—3. В. А. (1884, № 6, 315—320).

1512. **Костомаровъ** Н. И. Эллины Тавриды. Историч. драмма въ 5-ти дѣйств. Спб. 1884 г. В. Г—го. (1884, № 9, 137—141).

1513. **Костомаровъ** Н. И. Литературное наслѣдіе. (Автобіографія Стихотворенія. Сцены. Историческіе отрывки. Малорусская народная поэзія. Послѣдняя работа. Съ портретомъ, факсимиле, 3 рисунками и библіографич. указателемъ. Спб. 1890 г. Я. Ш. (1891, № 5, 315—321).

1514. **Kraszewski** J. Cet czy licho? (Powieść historyczna z końca XVII wieku) Warszawa 1884 г. т. 1, 2. S. (1884, № 3, 487—489).

1515. **Кулишъ** П. А. «Хуторна поэзія» и «Крашанка». Львовъ 1882 г. Н. П. (1882, № 6, 509—519).

1516. **Кулишъ** П. А. «Байда, князь Вишневецкій», драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Спб. 1885 г. А. Степовича. (1885, № 9, 151—158).

1517. **Кулябка** С. Н. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. (По книгѣ Чалаго и по «Кобзарю»). 1884 г. В. Г—ка. (1883, № 12, 675—676).

1518. **Куриловъ** И. А. Историко-статистическое описаніе Роменскаго Свято-Духовнаго собора. Ромны 1887 г. Ѳ. Н. (1888, № 4, 12—15).

1519. **Курисово Покровское** мѣстечко (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистич. отдѣленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г. В. А. (1883, № 11, 495—496).

1520. **Къ новоселью** городской

губличной библіотеки въ Одессѣ (1829—1883). Одесса 1883 г. (1884, № 3, 491—492).

1521. **Л. П. Г.** Описаніе Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго собора. Кіевъ 1882 г. Н. П. (1882, № 5, 319—321).

1522. **Л.** П. Кіево-Михайловскій Златоверховный монастырь въ его прошломъ и настоящемъ. Кіевъ 1885 г. И Каманина. (1885, № 4, 765—766).

1523. **Лазаревскій** А. Историческіе очерки селъ Конотопскаго уѣзда. Юго восточная часть уѣзда. Черниговъ 1886 г. Э—ь. (1887, № 10, 368—369).

1524. **Лаппо-Данилевскій** А. Скиѳскія древности. В. Ястребова. (1888, № 7, 22—26).

1525. **Латышевъ** В. В. Греческія надписи, найденныя въ 1881—88 г. на берегахъ Киммерійскаго Босфора и Херсонеса Таврическаго. Спб. 1890. Ѳ. Г. Мищенка. (1890, № 7, 136—141).

1526. **Латышевъ** В. В. Дополненія и поправки къ собранію древнихъ греческихъ и латинскихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. (Отдѣльн. оттискъ изъ «Записокъ Импер. Археолог. Общ.» Т. IV стр. 120—153). Ѳ. Г. Мищенка. (1880, №7, 136—141).

1527. **Лашковъ Ѳ.** Сельская Община въ Крымскомъ Ханствѣ. Симферополь 1887 г. П. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 11—16).

1528. **Лебедевъ** А. С. Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. Москва 1885 г. И. Каманина. (1886, № 12, 732—735).

1529. **Лебедевъ** А. С. Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ. В. I. Москва 1886 г. Н. С. (1887, № 6, 7, 528—530).

1530. **Лебедевъ** А. Духоборцы въ Слободской Украйнѣ. Харьковъ 1890 г. Н. В. (1891, № 10, 165—166).

1531. **Лебедевъ** А. О брачныхъ разводахъ по архивнымъ документамъ Харьковской и Курской духовныхъ консисторій. М. 1887 г. Д. И. Багалѣя. (1888, № 4, 19—21).

1532. **Lebinski** Dr. W. Materyały do słownika historycznego języka i starozytnosce Polskich. I. Militaria. Odbitka z Roczników Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego. Poznań 1889 г. А. Стороженка. (1890, № 11, 344—347).

1533. **Левицкій** И С. (Нечуй) Кайдашева семья. Кіевъ 1887 г. И. Ж. 1888, № 1—3, 45—48)

1534. **Левицкій** И. Г. Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886 г.). Львовъ Вып. I—II 1887, III 1888 г. (1888, № 5, 25—32).

1535. **Левицкій**. Галицко-русская библіографія за 1887 г. Львовъ 1888 г. Мирона. (1888, № 5, 32—33).

1536. **Ленорманъ** Ф. По поводу библіографической замѣтки С. А—ва о соч. его «Руководство къ древней исторіи Востока» И. Каманина. (1890, № 5, 380—381).

1537. **Леонидъ** архимандритъ Библіографическія замѣтки. (1889, № 11, 440—444).

1538. **Леонтьевъ** А. П. Опытъ указателя книгъ и статей, относящихся къ херсонской губ. Херсонъ 1890 г. В. Я. (См. «отвѣтъ моему ртцензенту» А. Леонтьева. К. С. 1881 г. августъ (стр. 352—356). (1891, № 1, 194—196).

1539. **Леопардовъ** Н. и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. I. Кіевъ 1890 г. Н. Б. (1890, № 12, 544—546).

1540. **Леопардовъ** Н. и Н. Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ Кіевѣ, въ частныхъ рукахъ. Вып. 2. Кіевъ 1891 г. Н. Б. (1891, № 3, 538—540).

1541. **Леопардовъ** Н. и Н Черневъ. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Вып. III и IV. (въ одномъ томѣ) Кіевъ 1891 г. Н. Б. (1891, № 12, 496—502).

1542. **Линниченко**. Современное состояніе вопроса объ обстоятельствахъ крещенія Руси (оттискъ изъ «Трудовъ Кіев. Дух. Акад.» декабрь 1886 г.) Н. Голубовскаго. (1888, № 1—3, 16—23).

1543. **Лисовскій** А. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. Полтава 1890 г. А. Степовича. (1891, № 9, 505—506).

1544. **Литературный** сборникъ, издаваемый Галицко-Русскою матицею подъ редакц. Б. Дѣдицкаго В, І. Львовъ 1886 г. W. (1886, № 12, 728—732).

1545. **Lozinski** Wlad. Przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt. III. 1888 г.). И. Л. (1888, № 10, 25—28).

1546. **Лонгиновъ** А. Памятникъ древняго православія въ г. Люблинѣ,—православный храмъ и существовавшее въ немъ братство. Варшава 1883 г. (1883, № 9—10, 290—294).

1547. **Лонгиновъ** А. Червенскіе города. Историч. очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червоной Руси. Варшава 1885 г. Н. Голубовскаго. (1886, № 5, 146—149).

1548. **Лопатинъ** и Прокунинъ Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ 2 части, часть 1 и 1-й вып. 2-й части. Москва 1889 г. А. Степовичъ. (1889, № 11, 461—465).

1549. **Лучицкій** И. Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. (Отечеств. Зап. 1882 г. ноябрь). Д. Багалѣя. (1883, № 2, 409—415).

1550. **Лучицкій** И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. (Полтавск. губ.) К. 1884 г. Дм. Багалѣя. (1884, № 9, 141—148).

1551. **Лучицкій** И Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи. Спб. 1889 г. И. Новицкаго. (1889, № 7, 293—306).

1552. **Лѣтопись** историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ I. (Посвящается 25-лѣтію Имп. Новороссійскаго У—та). Одесса 1890 г. А. М. (1891, № 1, 200—201).

1553. **Любовичъ** Н. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антитринитаріи. (по неизданнымъ источникамъ). Варшава 1883 г. (1884, № 3, 477—482).

1554. **Любовичъ** Н. Н. Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в. Варшава 1888 г. И. Каманина. (1889, № 7, 310—311).

1555. **Любопытная** книжка конца XVIII ст. Ц. Г. Неймана. (1884, № 7, 525—529).

1556. **Мазановъ**. Петръ. Указатель статей, помѣщенныхъ въ неоффиціальной части Полтав. Епарх Вѣдомостей за 25 лѣтъ изданія ихъ съ 1863—1888. Полтава 1888 г. А. Л. (1889, № 1, 264—266).

1557. **Макарій**, митрополитъ московскій и коломенскій). Исторія русской церкви. Т. X. Спб. 1881 г. М. (1881, № 3, 576—580).

1558. **Макарій**, митрополитъ московскій). Исторія Русской

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

I. КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТРУТОВСКІЙ (Некрологъ). **Н Шугурова**. . . . . 1—VI

II. РОДІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДМИТРАШКО, ПОЛКОВНИКЪ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ. **А. Стороженка**. . . . . 1—28

III. ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МАЛОРОССІЮ АКАДЕМИКА ГИЛЬДЕНШТЕДТА И КН. ДОЛГОРУКАГО. *(Окончаніе)*. **Л. Синицкаго**. 29—49

IV. ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АФАНАСІѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ МАРКОВИЧѢ. **Дмитрія Марковича**. . . . . 50—77

V. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ БЫЛОЙ ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. *(Окончаніе)*. **В. Храневича** . 78—97

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. (1750—1784 г.). *(Продолженіе)*. 98—119, ... 209—227, 491—506

VII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. . . . . 120—133, 292—307, 474—490

VIII. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1892 г. **Ник. Бѣляшевскаго**. . . . . 134—142

стр.

IX. САНИ ВЪ ПОХОРОННОМЪ ОБРЯДѢ. (Къ рисунку). **Ник. Бѣляшевскаго.** . . . . . 143—148

X. ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ. **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . 195—208

XI. ГАЙДАМАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ XVIII СТ. И МОНАХИ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ. (Изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ). **Гр. Моз** . . . . . 228—242

XII. БЫЛА-ЛИ НА ОСТРОВѢ ТОМАКОВКѢ ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ. **Л. Падалки** *(Съ картой)* . . . . . 243—262

XIII. КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ АФ. ВАС. МАРКОВИЧѢ. **Н. Ш — ва.** . . . . . 263—271

XIV. МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА. Нѣжинскій уѣздъ. **Н. Степового.** *(Съ рисункомъ)* . . . . . 272—284

XV. ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА. **И. А. Полетики.** . . . 285—291

XVI. АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Окончаніе слѣдуетъ)* . . . 357—383

XVII. «ЗАМЧИСЬКО». (Разсказъ). **Ѳ. Кудринскаго** . . . . . 384—397

XVIII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОЛТАВСКАГО ПОМѢЩИКА. (1834 — 35 гг.). . . . . 398—427

XIX. БЕРДИЧЕВСКАЯ ЯРМАРКА. (Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году). **О. Л.** . . . . . 428—458

XX. ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ. **Р. Л. Н.** 459—473

XXI. В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ. (Некрологъ). . . . . 507—508

XXII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка. **А. Л.** б) Изъ уголовной хроники XVIII в. в) Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.). **А.** г) Жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство (1774,

стр.

дек. 13). **В. Щербины.** д) Θеофилъ Ленартовичъ. (Некрологъ). **А. Стороженка.** е) 25-лѣтіе московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. ж) Новые историко-статистическіе матеріалы по Полтавщинѣ. **В. Василенка.** з) Письмо Алексѣя Петровича Стороженка къ Андрею Александровичу Краевскому. и) Библіографическая справка. і) Особый способъ напоминать о себѣ начальству. Сообщ. **Н. В. Стороженко.** к) Письмо Θ. Булгарина о Гоголѣ. л) Жалованная грамота кн. Станиславу Понятовскому на староство богуславское (1777 г. августа 18). м) Страничка изъ моихъ воспоминаній. **Степана Носа.** н) Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Сообщилъ **В. Щербина.** о) Имя автора «Героичныхъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ». **Ю. Тиховскаго.** п) Преданіе о борцахъ. **Ив. М—ра.** р) Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. **А. А.** с) Замѣтка о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. **Гулака Артемовскаго.** т) Народное преданіе о болотѣ «Замглай». **Іосифа Ж—аго.** у) Вирша объ освобожденіи крестьянъ. **В. Я.** ф) Отчетъ о пожертвованіи на премію имени А. А. Потебни . . 149—168, 308—325, 509—530

XXIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова. **Н. В.** б) Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ IV. **И. Каманина.** в) Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. **А. Л.** г) Списокъ книгъ, касающихся юга Россіи и вышедшихъ въ концѣ 1892 г. д) И. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго города Кіева, произведенныя въ 1892 году. **Е.** е) Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ). **К. Михальчука.** ж) Памятная книжка воронежской губ. на 1893 г. **А. Степовича.** з) 1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ I 2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. Н. Горленка. («Трудъ» — приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи 1893 г. № 4. **И. Ш—ва.** и) Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая

стр.

эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г. **И. В.** . . . . 169—196, 326—356, 530—638

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 49—96).

2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе. 17—64

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—4